

Роман Масленников

САМЫЙ УМНЫЙ

или

НОВЫЕ БОРЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

СуперПриключения русских пиарщиков

Annotation

Остросюжетный детектив со смыслом повествует о работе современных властителей дум – пиарщиков, обратных сторонах власти, бизнеса, науки и СМИ.

Главный герой управляет собственной фирмой, ездит в интересные командировки, проводит детективное расследование, пишет свою книгу – в общем, живет полной жизнью. И Вам – рекомендует!

Такого еще никогда не было в жизни героев. Такого никогда не происходило с Вами! Вы сомневаетесь, что нужно идти вперед?! Тогда книга не для Вас.

Итак, Вы – внутри. Гарантирую, что Вы откроете для себя не только увлекательный сюжет, тайны мира, невидимые механизмы современного общества, романтику, но и полезные советы для собственного личностного роста и успеха в делах.

Книга «Самый умный» – это ВАШЕ ПОСВЯЩЕНИЕ в магию практического пиара, изложенное в увлекательной форме.

От ведущего самого читаемого блога о PR – технологиях, автора книг – бестселлеров «СуперФирма», «СуперЛичность», «СуперДиджей», «СуперКлуб» и «СуперКонсалтинг» – Романа Масленникова.

-
- [Роман Масленников](#)
    - [Часть 1](#)
      - [Живой мертвец](#)
      - [Летние okazji](#)
      - [Новый номер](#)
      - [Пиарщиц бывших не бывает](#)
      - [Пара пиаров](#)
      - [Первый клиент](#)
      - [SMS в никуда](#)
      - [Первый сон профессионально деформированного сознания](#)
      - [По кровати сползал молодец Козумлеев](#)
      - [Дрим – тим](#)
      - [Индейцы с закрытыми глазами](#)
      - [Первая остановка и секрет скорости](#)
      - [Граница и на грани](#)
      - [За границей и за гранью](#)

- [«То ли девочка, а то ли видение»](#)
- [Ученички](#)
- [На хозяйстве](#)
- [Часть 2](#)
  - [Дефлорация научной картины мира \(лекция первая\)](#)
  - [На берегу](#)
  - [Конспект Геннадия Петровича](#)
  - [Конспект Веры Марковны](#)
  - [Конспект Игоря](#)
  - [Королевское знакомство](#)
  - [Рига – Вильнюс – Рига и аудиокнига](#)
  - [ГАИ Юлий Цезаревич](#)
  - [Лосенок](#)
  - [Мудрость дальнбойщика](#)
  - [Мать Кузьмы](#)
  - [Мимикрия](#)
  - [Хочу в «телек»](#)
  - [Мафия власти и способы борьбы с ней](#)
  - [Заказное убийство как показатель отличной работы](#)
  - [Белый шум](#)
  - [Американская мечта](#)
  - [Cosa Roba или Утренний разговор](#)
  - [Твое дело, или За себя и жизни не жалко](#)
  - [Самый счастливый день](#)
  - [«Менеджер» – от какого слова?](#)
  - [Заключительная лекция](#)
  - [Круглый стол на День здоровья](#)
  - [Однажды утром](#)
  - [Несколько контрольных в головы и один в сердце](#)
  - [Парашют, самолет, девушка](#)
  - [Лучший отдых – это работа](#)
- [Часть 3](#)
  - [Думай глобально, действуй, как знаешь](#)
  - [На крыше мира](#)
  - [Прививка от терроризма](#)
  - [В монастырь](#)
  - [Исповедь в ночи](#)
  - [Проявившийся хвост](#)
  - [Погоня вышла поганю](#)

- [Бомбила и бомбист](#)
  - [Внутренности электрических людей](#)
  - [Вера Марковна одна, но ненадолго](#)
  - [Двигаемся далее! И побыстрее!](#)
  - [Мата Хари и радости олигархических вечеринок](#)
  - [Мэр, президент и Еврокомиссия – велкам!](#)
  - [Русиш швайн](#)
  - [«Стиций будет за нас»](#)
  - [Последнее дело варёных](#)
  - [Часть 4](#)
    - [Кубок конспира – логических теорий](#)
    - [Девушки такие девушки](#)
    - [Политике нет](#)
    - [Детская Проблематика](#)
    - [Две рекомендации в одну воронку не попадают?](#)
    - [Тайное вращение](#)
    - [И снова в дорогу](#)
    - [Соленые ребята](#)
    - [От реального к реальнейшему](#)
    - [Надо действовать!](#)
    - [Штурм](#)
  - [Часть 5](#)
    - [Низы не хотят](#)
    - [Повесть Геннадия Петровича](#)
    - [Добро пожаловать в Клуб](#)
    - [Приложение](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Роман Масленников
Самый умный или Новые борцы
невидимого фронта

Основано на реальных событиях, если Вы с автором подразумеваете под реальностью одно и то же.

Часть 1

Пионерская правда

Сновидения нужны для того, чтобы сохранять сон.

Из статьи в психологическом журнале

Живой мертвец

Геннадий Петрович проснулся в своем любимом драпированном полосатом кресле. Мягкое, просиженное, черное в бордовую полоску, на твердых, но уже покусанных домашними питомцами ножках, оно исправно служило свою службу уже больше десяти лет.

Когда молодой Гена еще начинал стажироваться в пресс – службе администрации района, то самое кресло было куплено с первой премии, заслуженной в ходе блестяще проведенной пресс – конференции. Тогда он еще пролил на кресло дорогой пятизвездный коньяк «Арарат», и неровные темные пятна давали приятные отблески воспоминаний бурной юности.

Геннадий Петрович был пиарщиком с молодых ногтей – точнее, со школы, когда отстаивал коллективные интересы не менять вторую смену на первую. Два интервью в местной газете, и вторая смена для первого «Б» класса школы № 34 были отменены раз и навсегда. Геннадий, сам того не ведая, способствовал скорейшей сдаче в эксплуатацию соседнего ремонтирующегося учебного заведения ведущим СМУ провинциального города. «Михалыч, заканчивай там свой «ремонт», уже все насосались нормально. Школу на следующей неделе сдать нужно – чтобы вторую смену не вводить. Газеты читаешь?» – отчитывал глава района своего боевого товарища, трудившегося с ним в тесной спайке на ниве строительства.

Маленький Гена и не знал, что повлиял своим «пиаром» (в его время и слов таких никто не знал) на процесс «градостроительства» в родном районе. Газеты и непродажные журналисты (тогда никто и не знал, как можно купить советского корреспондента) исправно сослужили свою службу обществу. И хорошо, что тот Михалыч не стал копать глубже и узнавать заказчика, точнее, инициатора статей. Кто знает, может, и отбили бы в прямом смысле желание работать с газетчиками маленькому Генке.

Желание работать – жить мифотворчеством – Геннадию Петровичу с каждым годом становилось все меньше и меньше. Хотелось труда руками: картошку посадить, забор поставить, плитку в ванной положить – да не успевалось. И как десять лет назад, он взял коньяку, правда, уже на несколько порядков дороже, чем тогда, в первый раз; нагрел красивый фирменный мартелевский бокал на конфорке, щелкнул гильотиной по кубинской сигаре, прикурил от камина, глотнул, затянулся, выпустил дым и – забылся.

Приснилось детство. Вот Генька – «казак» бежит от «разбойников» из соседнего двора, при этом честно успевая рисовать мелом обнаружительные стрелочки. Замечтался, зарисовался, подумал, куда бежать – через забор в школьный сад лезть или на жестяную крышу овощного хранилища продуктового магазина спрятаться, – вдруг сзади: «Руки вверх!» – «Попался» – «Стой, стрелять буду!» – «Да стою я, стою». Ба – бах!

Вместо мячиков для пинг – понга в ружье его враг зарядил грецкие орехи. Больно щелкнуло между лопаток.

Геннадий проснулся. Почесал спину. Повернулся, чтобы задвинуть кресло к стене между книжным шкафом и журнальным столиком. «Что за черт?» Какие – то нитки из спинки кресла торчат, рисунок попорчен. Пригляделся – дырка. Дырка от пули. Он знал, как выглядят простреленные кресла – все – таки практика в управлении по связям с общественностью МВД прошла не зря, не для печати в желтой выцветшей бумажке: и на следственные эксперименты поехал, и на стрельбища, и на полноценные сборы... Да, это была пуля. И она прошла навывлет – в дорогих моющихся обоях тоже была воронка, пули пока видно не было.

«Но, в кого же это стреляли?» – начал было соображать Геннадий Петрович и понял, точнее – вспомнил – стреляли в него. И – попали. И – убили. Он был убит 28 июля 2010 года в 23.50 по московскому времени – это он точно помнил. Пуля прошла навывлет, пробила легкое, кресло и обои. Геннадий даже и не вставал, он сидя умер от досады: «Ну вот, не успею дать завтра пресс – конференцию, дела не передал». Об убийце, ствол которого уже был выброшен через открытую форточку, он даже и думать не стал. Равно как и о заказчике. Все было просто, понятно и логично. Для него самого, по крайней мере.

Стреляли в него, он убит, умер, можно сказать, в своей постели – спал в кресле от усталости Геннадий минимум четыре раза в неделю и иногда по праздникам. «Но почему же я сейчас жив? Неужели, удалось изменить реальность и повернуть время вспять? Разберемся – делать нечего».

Летние оказии

Первым делом Геннадий решил найти пулю. Это оказалось безуспешным занятием – было уже темно, свет он включать не привык, предпочитая жить по биологическим часам. Огромный основательный торшер света не давал, телевизор (он работал у Геннадия всегда без звука, потом был настроен на звук всегда, кроме рекламных вставок – он ненавидел рекламу) тем более. Хотя там и шли сейчас Каннские львы. В записи. На дивиди. «В качестве обжигającego душа, который заставлял работать мозги, конкурировать своим маленьким пиаром с гигантской рекламой», – так объяснял себе старый пиарщик – рекламоненавистник, хотя на самом деле просто любил высокую концентрацию «креатива». Львы давали его мегадозами. «Ладно, пулю найду утром, а пока... Пока надо заготовить пост – пресс – релиз после завтрашнего большого мероприятия и сделать несколько звонков журналистам, чтобы не забыли завтра прийти».

Пуля нашлась. И ее маркировка удивила Геннадия.

– ... «Аэрофлот» категорически отрицает причастность к съемкам голых стюардесс, против которых уже высказались бортпроводница Австралии...

«Зомбоящик», как называл свой допотопный телевизор LG (даже еще «Gold Star Super Miracle») Геннадий, был включен в солнечное жаркое московское утро. Хорошо, что дома обеспечивал прохладой чудо техники ионизатор – кондиционер – новейшее приобретение пиарщика, для проветривания мозгов.

– ... Однако известно, что новый гендиректор «Аэрофлота» Виталий Савельев несколько раз выступал за то, чтобы «принимать на работу исключительно симпатичных девушек»...

«Вот это отлично – пиариться летом с помощью красивых топлес, – подумал мельком Геннадий. – И Тиньков недавно в блоге опубликовал интервью с голой диджейкой. Лето! Это хорошая оказия, или, как называют продвинутые менеджеры – «кайрос», удобный случай. И надо всегда использовать естественные условия. Лето – титьки. Красивые. Зимой – тоже, пожалуй, титьки. Женское тело с древних времен – беспроигрышный варианты рекламы, пиара, продвижения», – эти мысли Геннадий Петрович думал мимоходом, каждую новость воспринимал «критически», как его учили в школе на уроках философии.

От летнего гона чернухи про отравления водой из колонок и «болезни грязных рук» в интересах производителей, точнее, обычных маркетологов – упаковщиков воды в гигантских масштабах, Геннадий просто устал. И от срочных сводок сошедших с рельсов поездов и упавших автобусов в Турции, Египте тоже тошнило. Все равно ведь в Европу никто не поедет, как хотели заказчики: территории Испании, Италии, Франции и иже с ними – там дорого. Если только в Хорватию, а лучше всего в Черногорию. «Ох, махнуть бы сейчас в Кумбор, поесть ягнятины испод сача», – лучше и не думать о тех светлых временах, под ложечкой сосет так, что хочется эту ложечку вытащить, замотать в полотенце и выкинуть подальше, чтобы не беспокоила.

«Так, что у нас насчет пули. Маркировка... Какая еще маркировка? Я жив! Вот что главное. И голые тела показывают... Надо позвонить подруге. Она детектив, да и просто хорошая девушка, любовь жизни, так сказать – когда накачивает. Заодно и обсудим».

Только Геннадий нашел номер Веры Марковны в своей допотопной «Нокии» (в смартфонах и коммуникаторах великий коммуникационщик – альтернативное название пиарщика – не особо разобрался, да и не хотел, а до «Айфона» ему как до звезды), как поступил входящий звонок от журналиста.

«Блин, не забыть бы, не растерять утренний позитив», – только и успел подумать Геннадий.

– Петрович! Как в «Интерфакс» пройти? Я на Арбатской, уже прошел какой – то вкусный ресторан с негром на входе.

– Какой Арбат, Василий! «Интерфакс» с пресс – залом – на Маяковке. Лети туда, уже все начинается через полчаса, а через час фуршет. Для тебя сделают эксклюзив, если жрачка с выпивкой тебе все – таки менее важна, чем вкусная информация.

– Елочки – точеные! А карту проезда прислать не мог?

– Все, беги!

Это вечная тема – еще диггерша Трегубова писала – даешь журналисту пресс – кит, а он его тут же в мусорку выкидывает. А ведь там – карта проезда, словарики, полезная информация. И вот потом, конечно, все звонят, а хуже – не приходят.

«Нет, а все – таки, зачем Трегубову из кремлевского пула хотели убить? Ничего такого уж прямо серьезного она в своем сиквеле не сказала. Ну, подумаешь, видела она «Стальевича близко». А кто не видел? Копать надо глубже, если уж назвался диггером».

Мысли, как обычно, по – утреннему, путались одна в другой,

перескакивали, мурыжили давнишние вопросы, перекачивали интересные словечки. Обычный утренний бред.

«Так, надо позвонить Верочке. Не забыть, не забыть. Вася пусть идет подалее и побыстрее».

– Алло, привет. Тут такое дело, меня убили, но я живой. Ага, сейчас приеду.

Оделся, рубашка с коротким рукавом под пиджак. А, ладно! Никто же не видит, а запонки не надо надевать – брызнул одеколоном на голову, на волосы, вернее, на то, что от них осталось – Геннадий лысел как от дум, так и от дам, – и поспешно сбежал с пятого этажа своего незатейливого домика – хрущевки. Подумалось: «Как прям, Алексей Иванов, блин. Осталось миллион от «Роснано» выбить». Какая корысть и зависть! Если пиарщик говорит, что не завидует своим клиентам – не верьте. Иначе бы он на них так эффективно не работал.

Пиарщик никогда не наймет себе другого пиарщика, и тем более – пиар – агентство. И не только потому, что гордость не позволит. Не позволят финансы. Вот и вся причина зависти. Наверное, поэтому в пиаре успешны только люди с элементами философского образования. Вернее, все известные Геннадию успешные пиарщики – выпускники философского факультета МГУ (это как минимум).

Геннадий вспомнил маркиза де Сада, который пошел дальше в своих мыслях о слуге и хозяине: «Давно уже бесспорной признана истина, что злейших врагов имеем мы в лице наших слуг. Вечно ревнивые, вечно завистливые, они, стремясь облегчить цепи рабства своего, поощряют наши пороки, дабы вознестись над нами и хотя бы на миг, теша тщеславие свое, ощутить власть над вершителями судеб своих».

Новый номер

- Алло, Гена, запиши мой новый номер.
- Я запомню.
- Ну, смотри. Семь два три, шесть восемь, пять пять.
- Окей.

Пробегая второй этаж, Геннадий решил проверить почту. В буквальном смысле. Но медный ящик его 210 квартиры, который можно было открыть без ключа – при помощи лишь указательного пальца, был полон только рекламой.

«Ненавижу. Хорошо хоть коробку картонную для сброса этой гадости поставили. Жаль, что в мозгу такой коробки установить некому. Кроме себя самого, если только. Но для этого нужно было получить как минимум философское образование. А максимум – степень кандидата наук. В общем – то, где какой учитель попадется – можно было бы обойтись и школьным курсом. Воспитание критичности мышления – вот главное».

– Алло, Геннадий Петрович! Это Роман! Я приехал к Вашему дому, стою у подъезда.

– Роман? Да, сейчас спускаюсь.

Вчера Геннадий согласился дать одному блоггеру – тысячнику на рецензию книгу своего школьного друга «Жизнь одного провинциального пиарщика», типа автобиографию, опубликованную под именем «Геннадий Ш.». Все думали, что это его книга. «Ну, а почему бы и нет – пусть думают, что хотят». На следующий день обещание благополучно выветрилось, но блоггер был как штык.

Геннадий подошел к своей черной «Шкоде Сьюперб», подбежал блоггер. «Привет» – «Здравствуйте».

Большой багажник то ли седана, то ли хэтчбека медленно отъехал вверх («Надо же, не заело»). Геннадий достал книгу, протянул молодому бойцу информационного фронта, крупнице информационного потока: «Держи. И чтобы через месяц максимум отписался».

– Ок! А книгу подпишите.

Пока Геннадий Петрович подписывал один из последних экземпляров («Надо было больше закупить по авторской цене, пока под нож тираж не пустили»), Роман – блоггер думал: «Вот круто ж ведь – достать свою книгу в подарок из *своей* машины». Он тоже не знал, чья на самом деле это была книга. К слову, Геннадия вопросы столь изощрённых писательских понтов

не занимали. Но о своей книге после такого повышенного внимания он задумался. Сначала в шутку, а затем и всерьез, но об этом – много позже.

– Спасибо большое. До связи!

– Удачи!

Завелся, вырулил из двора, поехал. Новый номер, конечно, забыл. Попробовал «семь два три, пять пять, шесть восемь» – оказалось, что это фирма по вывозу мусора. «Неплохая аллюзия!» Хорошо, что Вера сама перезвонила.

– Алло, Гена, ты скоро? – она уже почему – то забеспокоилась?

– Да еду – еду. А что? Рассказывай, что случилось – я пока на этой долбанной Люблинке стою. Странно, пробок нет, но красный долго горит.

– Прикинь, сегодня Таможенное соглашение подписали – видел?

– Да, но цены за вход Беларуси и Казахстану назначили непропорциональные. Лукашенке внутринациональный авторитет подняли «газохохлосрачем», а Назарбаеву фильмы сняли в честь юбилея по федеральным теликам.

– Уж да. Но я тебе не про это хотела рассказать.

– А про что?

– Я, ты понимаешь, как бы убита и как бы жива.

– Ты знаешь, я тоже.

– Ты кому –нибудь об этом говорил? Ты, вообще, кроме меня сегодня с кем – то разговаривал?

– Да вроде, нет. Это принципиально?

– Приезжай – расскажу.

Зеленый свет, наконец, зажегся. Газ в пол. Левая полоса напрягает, перестроился в середину – стало лучше, ушел еще вправо, и стало совсем хорошо. Можно написать пару эс – эм – эсок. «Или не надо? Почему Вера сказала, что общаться ни с кем не надо? Да ладно, как я без эс – эм – эсок – то?»

«Привет. Как дела?» В ответ он ждал подробнейший отчет о том, сколько в итоге собралось на важную пресс – конференцию журналистов. Лично он давно уже не контролировал такие мероприятия – коллегам можно было доверять. Скорого ответа Геннадий Петрович не ждал, поэтому настроил двоюродному брату во Владимир традиционную эс – эм – эску «Привет, Влад. Как сам?» – Пора бы уже и ту, и другую в шаблоны занести.

«Успею еще по блогам пробежаться». [www.pro – start.ru](http://www.pro-start.ru): «Что новенького?»

«Мы рождены в начале 1980–х. Музыка середины 90–х для нас –

музыка «нашего детства». Что происходило на ее фоне? Позавчера, вчера и что сегодня.

СУПЕРДАВНО еще без музыки мы ели гуманитарку из Америки, ждали жвачек и колбасы из Москвы, хрустели вредной масляной – пережаренной, но дико вкусной «Московской картошкой». Как – то спокойно перенесли «кризис», хотя соседи по двору как – то резко изменились: кто – то вешался и вскрывал вены, кто – то уезжал на скорой, а кто – то приезжал на мерседесе. Тогда мы не боялись гулять по двору и ездить далеко – далеко «по кулачку» на новом велике.

Музыка, музыка – тогда читать еще не научились по – настоящему и настоящее.

ПОЗАВЧЕРА мы мыли полы на полставки, бегали курьерами, трудились менеджерами по продаже рекламных площадей, разгружали фургоны, сдавали пивные бутылки (не собирали, Вы что! просто много от посиделок накопилось), пили водку в 6 утра в пионерском лагере после королевской ночи, отказывались курить под прессингом «старших» – а кто – то и согласился. «Старшие» (на 3–5 лет ребята) сейчас без зубов, кто – то недавно из тюрьмы вышел, кто – то не вышел... Но кто – то и бросил курить.

ВЧЕРА мы участвовали в «выборах» – листовки, опросы, затяжные поездки по области, подделка подписей (1–5 рублей за штуку), сотни загаженных подъездов и не приветливые люди. Не спали ночью: кто для сессии, а кто для party – но на утро все встречались в универе. Искали работу, пробовали сделать себе работу сами (чем раньше начнешь свое дело, тем больше шансов на успех и тем проще с ним расстаться потом).

А СЕГОДНЯ мы рассредоточились: кто – то делает бизнес, кто – то творит, кто – то без работы лежит. Редко собираемся ВСЕ ВМЕСТЕ на встречи школьных выпускников – только основа из 5 человек постоянна. Универовских встреч вообще нет – еще тогда все разбилось на группы. Уже матери, уже отцы (не верится!), уже сменены у всех симки не по 1 разу, уже мужьям многим от новоиспеченных жен отказано от дома (и не подумаешь, что цель была – Ребенок). Уже забыты Первые Любви, забыты и Вторые, и Третьи.

Предпоследний раз я так вдохновился программой «Лихорадка субботним вечером» (кстати, сегодня субботний вечер, надо же – думал, что проведу его в Риге...), извините, отвлекся. Игорь Григорьев очень классно расписал и картинку показал. Вышел ночью погулять, было лето, иду по улице Советской и думаю: «Вот! все – таки ЕСТЬ наше уникальное ПОКОЛЕНИЕ»... И тут с другой стороны улицы окликнул друг.

Что – то я расчувствовался. Последний раз, когда я так задумался в электричке года 3 назад – глядя по сторонам на таких же «рвущихся вперед», я их почувствовал! увидел вокруг! – я забыл там кожаный плащ и зимнюю обувь. Зато обрел какое – то понимание общности моих ровесников, ребят и девчонок. Мечтать или не мечтать, менять ли дальше материю на идеи?

«Муть собачья. Не иначе, книгу автор «самого популярного блога о пиаре» писать удумал. Ну, давай – давай». Повышенная писучесть сейчас наблюдалась у каждого второго коллеги по цеху, каждый что – то строчил. И норма Владимира Тендрякова в три – четыре печатных листа по сорок тысяч знаков каждый уже не казалась заоблачной – так, средне.

Сзади никто не бибикал, не моргал, мол, «чего плетешься», и через двадцать минут – опять – таки без пробок, и это в 10.30 утра по Москве и в Москве же, – был у старой боевой подруги.

Пиарщиц бывших не бывает

Она была ни жива ни мертва, впрочем, как и обычно. Это было ее перманентное состояние. Сказывалось многолетнее следование глупой максиме – «Пиарщик всегда на работе».

Вера Марковна... Ее месседж для других был: «Не будите во мне суку. Она и так не высыпается». В жизненный принцип «сапожник без сапог» укладывались ее желтые, с избытком фтора (а не от курения в подростковом возрасте, как думали многие) зубы, обтрепанные на низинах джинсы и постоянная прическа – каре, которой она не изменяла уже лет десять. И мужу она тоже не изменяла, по той причине, что его не было. И даже если бы был – не изменяла бы. Не в ее стиле. Постоянным деловым и сексуальным спарринг – партнером для нее был Геннадий. Но о детях пока не загадывали. Конечно, некогда.

«Надо не забыть показать Вере пулю. Кстати, где она?»

Пошарив в карманах, между семечками, кредитными карточками и рекламными проспектами букинистических магазинов, Геннадий нашел пулю. Позолоченная, острая, тяжеленькая. Зеленый ободок на нижней половине. Цифры: 28.07.2020.23:23. Похоже на срок годности.

– Привет.

– Короче, слушай. Не буду я тебя целовать, ты опять зубы забыл почистить.

Она сказала это в лицо Геннадию и даже не увернулась от прокуренного утреннего дыхания. Но целоваться, действительно, не стала.

– Забей, Вера.

– Неважно, конечно. В общем, мне приснился страшный сон. С элементами эротики, конечно, но для меня каждая такая неожиданность уже ужас. Шучу. Смотри – вот пуля.

«Маркировка 28.07.2020.23:13.» – успел заметить Геннадий. Такой же зеленый ободок внизу по окружности, позолота.

– Я проснулась. Потянулась. Подошла к холодильнику за бутербродом с прошутто. И увидела дырку на холодильнике. Точнее, глубокую вмятину. Внизу валялась вот эта пуля. И – я вспомнила, что меня убили этой пулей. Буквально вчера, позавчера – не помню. Но ясно запомнила, что не успела выйти на кухню, как меня оглушило выстрелом. Видела пулю, которая вылетела из груди и сверкнула об холодильник.

– Следов крови нет, вот что странно. Кстати, утром я себя в кресле

тоже обнаружил «живым», но ранее убитым.

– И у тебя тоже?

– Что же мы вчера пили...

– Это вообще – то не шутки.

– А одежда у тебя была порвана?

– Нет. Как и у тебя, я вижу. Опять спал в одежде. Мятый весь. Дай поглажу.

Геннадий Петрович поспешно разделся до трусов. И майки. Раньше, когда он ее носил, все говорили: «Сними – это некрасиво». Через год: «Сними майку летом из – под рубашки – это не модно». Геннадий был, как глухой, никого не слушал. На третий год, когда пришел в майскую жару в офис, ему сказали, наконец: «В майке под короткий рукав? Стильно!» Хорошо, что хоть не три года в одной и той же майке. До этого Геннадий Петрович еще не опустился, да и не опустится, некомильфо, да и деньги имеются. А вот принципам своим он не изменял. Именно поэтому два года назад он «подсел» на фильм «Залечь на дно в Брюгге», задело за живое. С тех пор он работал ходячим имхонетом – при случае и без оного всем его рекомендовал к обязательному просмотру.

«И на кого тогда можно полагаться? Государство пенсию не дает. Родственники с деньгами задерживают. Собес вообще со мной говорить отказывается», – бурчал телевизор.

«Первый канал» был включен у Веры Марковны с мотивацией: «Фу, какое это говно, но я все равно буду его смотреть – чтобы в этом раз от раза убеждаться». Это была реальная мотивация. Официальная же версия звучала как: «Я должна видеть, как работают мои самые главные конкуренты и гуру – администрация президента».

До дрим – тим со Старой Площади (метро «Китай – город») ей еще было не близко, хотя и не очень уж далеко. Начать она хотела с того, чтобы взять себе псевдоним, как сделали все в звездной команде. Но ее собственные имя – фамилия – отчество ей просто безумно нравились: Вера Марковна Револьвер. «Вот и подстрелили сам Револьвер непонятной пулей», – была сегодняшняя первая мысль утром у прожженной пиарщицы.

«А давайте спросим у зала», – продолжал холеный ведущий первого всероссийского.

Геннадий почему – то вспомнил свою юность, когда его волновали такие детские вопросы, как: «Почему первый канал называется «Первым каналом»? Кто ему вообще дал право приватизировать наглым образом самую выгодную кнопку, левую с края?» И только в одно из утр, когда мозг

не перетирает какой – то остаточный с прошлого вечера бред – в последнее время все чаще именно так (в отпуске давно не был) – когда в голове чисто и светло, он понял, что сначала был далеко не «захват кнопки», а – слово, точнее, словосочетание. «Первый канал» назвался так в четкой надежде, что вся его паства добровольно подарит ему свою драгоценную первую кнопку. «В арабских странах, наверное, было бы по – другому, надо уточнить, когда в Каир полечу. А когда я туда полечу, Бог весть». То же самое и с «Авторадио». В машине его слушать никто не заставляет, но что еще в машине слушать, как не радио с приставкой «авто». «Фишка – быть первым», – к этому выводу Геннадий Петрович приходил с разных сторон, от разных мыслей, при различных обстоятельствах. И вскоре это тоже вошло в принцип, само собой.

«Первый канал» Геннадий Петрович тоже смотрел, причем именно в последние годы, когда пропагандистская машина имени Владимира Путина заработала на полную катушку. «Культуру» уважал, но не смотрел. И, разумеется, всем говорил наоборот: «Первый» – говно, «Культура» рулит. В его цеху так было принято.

«Главное – это полагаться на самого себя. Больше не на кого», – ответила тучная женщина в очках, сидящая в первом ряду уже не первую передачу.

«А Вы что думаете?»

«Ни государство, никто не поможет! Пенсионеров обкрадут! – Картинка дрогнула, все, что сказано было потом, услышали только зрители телестудии программы в записи, крамола нужна, но понемножку. Революция на «Первом», как никак – Геннадий оценил режиссуру. – Поэтому, я думаю, что только на себя надо полагаться».

– И до этих упырей дошло, – вставила Вера Марковна. – Новая национальная идея, которую государство втюхивает на «ура». На самих себя, мол, рассчитывайте. На нас не надейтесь.

– Вера, остынь. Хотя, я, конечно, пожалуй, соглашусь. Иди сюда.

– Штыкленников, отвали. Утро. Лето. Я не хочу опять в ванную тащиться. Давай лучше с пулями разберемся.

«Секса не будет, – подумал Геннадий. – А зачем я раздевался? Неужели, она будет гладить костюм, когда на повестке дня стоит такой важный вопрос, как наши убийства, или самоубийства».

– Вот, держи свой гидрокостюм! Купи на лето что – нибудь полегче. Будет жарко, говорят.

«Кто говорит? Когда она успела? Да, что – то я задумчив сегодня до чрезвычайности».

– Давай думать тогда.

Блямкнула эс – эм – эска: «Геннадий. Перезвоните. Эксклюзив от клиента спрашивают, а он не может. И журналист убегает. Помогите. На связи после 12 ч пополудни. Тонов». – «Вот мудаки, до сих пор без меня элементарных вещей решить не могут». Ответил: «ОКИ». Прикинул, сотрудник уложился в 140 знаков. «Вот сволочь, я ему мобильные оплачиваю, чтобы себя не стесняли ни в чем. А он – укладывается. Хотя нет, пожалуй, молодец», – обмусолил для себя по привычке ненужную мысль Геннадий Петрович. Финансами он давно не занимался – сосредоточился, как и мечтал, на стратегическом креативе и еще кое на чем.

Пара пиаров

Геннадий Петрович Штыкленников был ~~старый потасканный~~ с проплеванными козел мужчина в полном расцвете сил, 39 лет от роду.

Как говорят, «не был, не состоял, не привлекался». Точнее, не был за границей очень давно. Не считать же, в самом деле, за границей Прибалтику, Украину и ту же территорию бывшей Югославии. В браке от роду не состоял и не собирался. Сначала губила установка: «Сначала квартиру куплю, потом дачу, потом машину». Сделал все давно, правда, в обратном порядке. Пока делал покупки, видимо, жену выбрать забыл. Потом уже и реально некогда стало: проект – отдых – проект – проект – отдых – проект – проект – проект. «В молодости надо было начинать», – подумалось ему как – то летней ночью. Не привлекался, если не считать приводы в районные обезьянники в конце каждого дня рождения своих друзей. Поэтому и отмечали всегда в разных районах.

Первые деньги Штыкленников «поднял» на том, что «привез», как говорят его друзья, работающие в узком экономическом сегменте букинга российских диджеев, в нашу страну дурхайнандер^[1]-психологию (противоположность гештальт – психологии). Дело не то, чтобы пошло, но первый миллион (рублей) в карман был положен: тренинги, учебные пособия, лекции и т. п. Тема себя исчерпала, да и конкуренты – психологи задавили, журнал «Психолоджи» выпустили, от вала тетенок за сорок задолбался отбредиваться: «Да как Вы можете классиков под нож пускать», и т. п. В общем, Геннадий Петрович понял одно: в душе он – ковбой. Кавалерийский наскок на поезд с бандой, дележка денег, отдых. И так до следующего курьерского поезда через прерии. Правда, со временем поезда стали длиннее, стали ходить перед его носом в разных направлениях одновременно, и времени на отдых практически не осталось. «Где моя молодость?» – об этом Геннадий Петрович и думать забыл.

Он мог купить любовь, не хотел. Не в его стиле. И бесплатно ему бы отдались, это как «два пальца об асфальт», как говорила начальница его курьерской службы Анна. Да некогда было убалтывать. И ведь, на один раз, не больше – те, кто с первого раза отдаются. Неэффективно. Вот и решил он в одной из командировок завести с коллегой ближайшее знакомство.

Тем более что коллега – Вера Марковна Револьвер – руководствовалась очень сходным убеждением: «Сначала выйду замуж за работу, а остальное приложится». Сначала она привлекла его как соискательница должности

заместителя директора своей фамилией – звучно! «Эта выстрелит!» – его частной фирме тогда был нужен прорыв.

Вера Марковна уже работала заместителем директора крупного московского PR – агентства, была вице – президентом многих, конечно же, некоммерческих фондов и попечительских советов – в интересах своих клиентов. Так что, она умела и лицо держать, и дела реальные делать.

Потом он узнал еще одно ее убеждение: «Чтобы совмещать приятное и полезное, надо окружить себя пиарщиками». А поскольку ее прошлый директор на сексуальный объект никак не походил (толст и, к тому же, с перхотью – в его – то возрасте!), она отправилась на поиски в другие организации.

Геннадий Петрович был в отличной форме. Сначала ходил в спортивный зал, чтобы похудеть, а продолжил за тем, чтобы «сбрасывать негативную энергию», бить грушу и т. п. Его лысоватость – залысины и яркая макушка – Веру Марковну не пугали. Она была в курсе той поговорки: мол, пользуется успехом у женщин, умен, – и отлично. Как появилась лысоватость – это отдельная история. Особенным качеством Геннадия Петровича, которое очень ценили его клиенты, была способность как бы срачиваться со своими заказчиками, причем, со всеми сразу. В бытность, когда у него не было денег на аренду своего помещения, он снимал комнату пополам с одним юристом. Расплачивался пиар – услугами. Как облысел юрист (еще задолго, разумеется, до оказания ему пиар – услуг), Геннадий не уточнял, но через год уже стал обладателем похожих проплешин.

Сейчас Геннадий Петрович уже три года как трудился на предприятии «РосПиар» с пятидесятипроцентным государственным участием. Вера Марковна уже два с половиной года была его правой рукой и полноправным заместителем. Офис на Кузнецком мосту, два этажа опен – спейса, что важно – собственная выделенная парковка на территории торгового комплекса «Неглинная плаза», девяносто сотрудников. И – отдельные кабинеты с сообщающимся проходом. Особо, конечно, не забалуешь – двери было принято держать для сотрудников открытыми. Но не без баловства, конечно, по пятницам (поздно вечером) и понедельникам (рано утром).

И вот – командировка в Ашхабад. Город любви. Погода, как говорится, благоприятствовала. И интимная встреча двух коллег состоялась. На самом деле, им было просто интересно общаться друг с другом, и секс стал как бы продолжением общения. Они даже вместе додумались до такой мысли: «Отношения мужчины и женщины не сводятся к факту перепихона.

Потребность в перепихоне не имеет прямого отношения к женщинам – он нужен (чаще всего мужикам) исключительно для самоутверждения и поднятия статуса в своих глазах и глазах других. В силу этого во время общения доморощенные самцы бессознательно транслируют партнёрше эту установку. Девушка бессознательно чувствует, что интерес не к ней, а она лишь средство разборок с самим собой. Нафиг ей это надо?» Романы на стороне им попросту были не нужны, хватало друг друга.

Так и нашли друг друга два одиночества – «Пара пиаров», как их называли особо смелые коллеги из креативного отдела («Без башни – все можно»), и не увольняли их.

Первый клиент

– Геннадий, а ты помнишь своего первого клиента. Нет. Не так – помнишь свои детские страхи?

– Чего – чего? «Доктор, дядя моего школьного друга любил запускать воздушных змеев. Могу ли я иметь детей?». Спроси что – нибудь полегче.

– Не перебивай. Сейчас расскажу, к чему я так спрашиваю.

– Весь внимание.

– Когда – то я уезжала на выходные к бабушке с дедушкой. Каждую неделю почти. Родители меня сажали в троллейбус. Я на нем ехала от конечной до конечной станции. И от остановки еще минут пятнадцать идти.

Родители накормили «Московской картошкой», колбасой, кока – колой. И отвели на остановку – езжай, доченька, к бабушке, отдохай, помоешься там. У нас в коммуналке горячей воды не было. Представляешь? Вчера на «колбасной электричке» в столицу катались.

Что – то на жаре из московских гостинцев протухло, а может, все разом протухло. Я ж на вкус не понимала – что такое свежая «картошка», колбаса, жвачка. Если жвачка бывает вообще свежей.

– Ближе к делу, Вера.

– У меня тогда дико заболел живот. И у троллейбуса электричество выключили. Я вот до сих пор не понимаю, как так – электричество отключают. А двери они на какие – то вольты открыть могут. Это за две остановки до нужной. Иду я по улице, лето, птички поют. Плевала я на птичек, сейчас в трусы наложу. Надо думать, дорогая. Что делать?

Я придумала. Сказала себе – вот, прямо сейчас загадываю. У меня проходит живот, а через десять лет снова болевает. Я – то думаю, за это время успею бумажкой запасть. И стыд заодно потеряю – чтобы в ближайшие кусты нагадить. Да хоть и без бумажки! Загадывать в семь лет – лучше, чем гадить? Еще в милицию отведут.

– Каламбур оценил. И что дальше?

– Живот прошел. А через десять лет он у меня и так часто болел, что я не знаю, какой раз это было воплощение из загаданного в детстве. Наверное, от кофе. А может, и вернулось с процентами.

Помнишь, два года назад. Наш первый клиент. Какой – то левый клиент – найти посредством пиара покупателя на полуразрушенный свиноводческий завод в Воронежской области. Мол, заполоните нам весь

Интернет информацией. И клиент какой – то странный. Он ко мне в воскресенье в спортзал приезжал. Тоже весь такой в спортивном, кожаная куртка, я татуировку у него видела на локте. Ты не видел, я его тоже на следующий день при подписании договора не узнала – очки, костюмчик, ботиночки начищенные. Еще не хотел его брать, помнишь?

– Конечно.

– Мы тогда только акционировались. Со всеми мелкими клиентами начали проекты сворачивать, а тут – сверхсрочная ставка.

– Да. По – ковбойски хотел оторваться напоследок.

– Ты еще спросил: «А что, если не найдем покупателя Вам? Вообще, типа, пиаром продажи не делают», – еще чуть не начал лекцию читать, как на «рупииаре^[2]».

– «Мы вас уьем».

– И тогда подумала: «Взрослая вроде девочка. А все равно дай, загадаю. Предоплата есть, дело можно заваливать. А уьет он нас, а пускай, в День пиарщика, две тысяча десятого года».

– Нас? Ну ты даешь.

– Ну не меня же одну. Хам! Мы, кстати, нормально проект отработали. Так мне тогда показалось.

– Это ты по принципу «Клиент не отзвонил, значит – порядок»?

– Нет, ну правда. Я потом видела, все объявления и статьи, которые мы размещали, исчезли. Мы же пароли дали. И нас не убили. А вот более вероятной мне сейчас кажется версия заваленного проекта, засвеченного клиента, который светиться не хотел (а наши студенты – практиканты на публикаторах его имя в графе «отправитель» ставили), и отложенного двойного убийства.

– Бред. – Геннадий Петрович выдохнул свободного после такого «детектива». «Ничего серьезного».

– Пойдем, освежимся на балкон.

– Ты же знаешь, я не курю. Лучше пока минут пять вздремну – голова что – то раскалывается, со мной такое редко. После сна обычно проходит. Не буди. Через семь минут сам проснусь.

Вера взяла сразу три сигареты, маленькую рюмку настойки и кофе. Физзарядка для сосудов – это было бы так, если не три сигареты подряд, – она знала это, но через день на следующий спасалась женской мудростью «один раз можно». Бросила короткий взгляд на Геннадия. «Хорош. Но мыться три раза за утро не хочется».

SMS в никуда

Михаил Тонов был ценным сотрудником ЗАО «РосПиар». Трудоголик. Хотя, если находился вблизи водоема или в командировке рядом с бассейном, предпочитал лишний час поплавать, чем доработать пресс – релиз или статью.

Сегодня пресс – конференция, кажется, удавалась. Из ста процентов первого списка, подготовительного, пришло почти 70 %. Обычно с каждой новой волной прозвона испаряется половина журналистов. Как минимум, три прозвона – за месяц, за неделю и за день. Вот и считайте, кто остается. Клиент точно не остается, особенно если он новый и пресс – конференцию заказывает первый раз. Но в почти госконторе журналисты особо не забаловывают. Почти «кремлевский пул», работают с официальным уполномоченным пиар – агентством предприятия «Российская Федерация» (на самом деле, они были правы ровно на половину, но всех карт руководство «РосПиара» не раскрывало – на айпио не скоро, пусть думают «аз есть правая рука госаппарата»). Но Михаил все равно считал раз от раза проводимые пресс – конференции исключительно своей заслугой.

Все шло как по маслу, но тут объявился непонятный журналист. Ни в одном из трех списков аккредитации – ни от «Интерфакса», ни от Кремля и ни от агентства – его не значилось. Потертый пиджак с заплатками на рукавах, роговые очки, ботинки клоунские, брюки – дудочки («Черт бы их побрал», – вспомнил Михаил, как его дядя, брат отца, все время втюхивал ему это произведение немецкого кутюрье за какие – то нереальные деньги. «Не купишь – обидишь»). Пришлось жертвовать. Ни разу не надевал, только на дядин день рождения два раза), значок какой – то красный в виде костра на лацкане.

– Господин Тонов. Алексей Вадимович Косоголов. «Пионерская правда», – сказал потертый пиджак и протянул визитку, отпечатанную на струйном принтере, ламинированную и вдобавок с фотографией владельца. – «Фффу. Какой кич. Главный редактор еще называется. Знакомая вроде фамилия», – у Тонина уже росло неприятие, хотя каждого журналиста он старался любить и считал, что этому научился. Молодых женщин – журналисток, выпускниц МГУ имени Ломоносова, любящих проходить практику в пиар – агентствах (почему – то) любить было проще, никто не спорит.

– Слушаю Вас. Вы могли бы 10–15 минут подождать. – Улыбнулся,

однако, искренне Михаил, протянул свою визитную карточку, красивую, лаконичную, черно – белую, строгую и в тоже время креативную – всем нравилось, а ему особенно. – Пресс – конференция скоро закончится, а мне надо заключительное слово сказать и пригласить всех на фуршет. – Фуршетами даже в пиар – агентстве с пятидесятипроцентным участием не пренебрегали.

– Видите ли, Михаил Олегович, вот какое дело. – «Откуда он узнал мое отчество? У меня на американский манер – фамилия и имя», – подумал настороженно Михаил. Но тут же расслабился: он же вчера, наконец, добился у ай – ти – отдела, чтобы на корпоративный сайт загрузили его биографию. – Я прямо сейчас уезжаю, а у меня сдача номера. И сам я через десять минут уже должен быть по пути на аэродром. – «Вот долдон, где он аэродромы видел в Москве?» – Мне буквально один вопрос нужно задать. Впрочем, Вы можете меня соединить с Вашим руководством, я попробую уточнить у Геннадия Петровича. Так, пожалуй, лучше будет.

– Секунду. – Михаил знал, что раньше 12 дня босса лучше не беспокоить. – Я напишу ему эс – эм – эс, чтобы он перезвонил. А дергать спикера, действительно как – то глупо, у нас тема серьезная. – Достал айфон – четыре – джи, начал тыкать потным пальцем в экран с несодранной пленочкой.

11.55. Успел набрать 138 знаков за 25 секунд. Уложился и в рекордное время, и в две эс – эм – эс. «Зря я, что ли, чемпион по скоростному набору среди пиарщиков Москвы?» С годами пришла не только скорость, но и умение укладываться в лимит – «одна sms», две, три. «Так, на всякий случай, на черный день». – Он ему еще мерещился, этот черный день.

– Хорошо, я жду. – Пиджак почтительно удалился от модератора пресс – конференции по теме «Кодекса москвички» на полметра.

«Статус: Отправлено» – без этой функции Михаил не мог быть спокоен даже на айфоне.

«”Пионерская правда» какая – то. Откуда она взялась? Вообще не наша целевая аудитория. Хотя... Однозначно, не приоритет, да. Ответит Геннадий или не ответит, пофиг. Реворк с ним».

Первый сон профессионально деформированного сознания

Утренние сны бывают обычно короткими, но чрезвычайно содержательными.

Геннадью Петровичу снился идеальный мир. Четко работающие заводы, выдающие «план». Честные гаишники, не берущие взятку. Ровные дороги. Телеканалы, говорящие правду. Интернет – свободный и неподцензурный. Все, как они писали в пресс – релизах, было в этом сказочном сне.

«Неужели кто – то верит в пропаганду?» А что верить – не верить, вот она – правда. Оглянитесь, люди! Все так, как мы говорим!

Только людей на улицах во сне не было. Заводы пыхтели. Гаишники скучали на перекрестках. Машин не было. Дороги блестели, ни одной выбоины. «Наверное, выходной», – мелькнула мысль у Геннадия. Телевизоры вещали. Интернет работал.

«Какой прекрасный мир! Но где люди? Кто здесь живет, кроме меня, идеального пиарщика, идеально выполняющего свою работу и получающего идеальные оценки от клиентов».

Ни души.

«Зайду, выпью безалкогольного мохито. Нет, лучше алкогольного – а то слишком сладко».

И в баре никого не было.

Не было никого и на кухне. Геннадий Петрович всегда мечтал побывать в закутках, на кухнях модных баров. Вот и этот навороченный московский бар, обладал кухней не лучше, чем в заводской столовой: кафельный пол, газовые конфорки, с потолка свисают ленты от мух, бычки какие – то в блюде. «Капец. Сертификация по ИСО еще. Чисто кухня в казарме. А такие цены дерут». В алюминиевых кастрюлях кипело литров пятнадцать мисо – супа. «Подойду – ка поближе».

Геннадий вдруг увидел ноги, протянутые из – за плиты, где кипел суп, а смотрелось, как будто белье кипятилось – щипцы из кастрюли какие – то торчат. «Надо набрать скорую».

– Алло, скорая? Тут человек умер. Неглинная, 16.

– Вас приветствует служба скорой помощи. Спасибо за звонок. По всем вопросам домашнего...

Геннадий привычным движением набрал «0», чтобы как в мобильном

операторе переключиться на связь с живым человеком.

– Операторов нет на месте, Вы можете оставить жалобу. Улица Серпантинная, 23.

«Я сейчас сяду, ведь, и приеду. Разнесу там все к чертовой матери. Тоже мне, современный сервис там, где не надо устроили, – негодовал Геннадий Петрович. – А ведь и там тоже живых нет».

Я сяду в машину, поеду по серпантину,
К морю, красиво, увидимся в Портофино.
Сяду в машину, поеду по серпантину.

К морю, красиво, встречаемся в Портофино, – пела из телевизора самопровозглашенная российская секс – символ Жанна Фриске. И все равно, взгляд Геннадия Петровича задержался на экране дольше обычного.

«Сто процентов территориальный брендинг. Понятия не имею, где это Портофино – и не расслышал бы, если бы в названии не написали, но ставлю 100 евро, что это в Италии. Ее активно сейчас двигают. Причем почему – то с помощью московских пиар – агентств. Надо посмотреть, где это Портофино. И заодно Уругвай, Чемпионат мира по футболу, как ни крути – самый просветительский вид массового спорта».

12.01. «Надо перезвонить», – Геннадий Петрович был точен в делах, даже удаленно.

Мобильный телефон, честно служивший Штыкленникову пять лет, отказывался ловить сеть.

– Что за черт! – посетовал Геннадий Петрович. – Опять свои «глушилки» включили. Если на дороге пробки – значит рядом гаишник. Если телефон не работает – значит рядом ФСО. Пора бы и такие «пословицы» в «Кодекс москвича» внести.

По кровати сползал молодец Козумлеев

Утро для Игоря, пиар – менеджера бюро перевозок «Бизнес Блинк» (тайна названия как обычно у малых предприятий являет собой в начале пути «загадку», а потом традицию) началось с привычных мыслей и действий. Утро в комнате на съемной квартире проходило так: умывание лица и шеи (лучше поспать, чем пять лишних минут в душе), причесывание в стиле «разгрести пятерней» (отсюда и короткие стрижки класса с 9-го школы – лица, когда уже времени стало не хватать), основательная чистка зубов и чистка языка. Чистить язык зубной щеткой – гарантированная отрыжка. Если в пьяном виде так надавить – гарантированная рвота, впрочем, можно и пальцем. Отрыжка на сухую была нужна Игорю, чтобы прогнать сон. Но сегодня получилось не совсем сухо – вчерашнее пиво с прошутто показали свое естество.

«Вот в чем убеждаюсь – везде пиво одинаковое. Если пастеризованное, то что в России, что в Хорватии, что в Черногории, что на Дальнем Востоке – одинаковое суррогатное пойло. И нормального разливного пива еще надо поискать – в бочках – то не пиво далеко плещется, а какой – то концентрат, под давлением и окислителем превращающийся в «пиво»», – такие мысли пронесли на тем не менее выпитый рядок «Сибирской короны». На лучшее, увы, после покупки настоящего итальянского окорока не хватило. А до зарплаты еще целых три дня.

Метро. «Хорошо, что по одной ветке струячить. Поспать можно». Игорь работал в бюро перевозок уже больше месяца. Выпускник элитной школы. Немосковской. Выпускник не последнего факультета. Не в Москве. «И я? Я – ааа! Я, крутой молодой специалист, прозябаю в малом бизнесе непонятого ООО?» – такие мысли посещали Игоря в первые две недели работы, куда ему удалось устроиться, в принципе, легко. «Мои таланты – ясность ума, креативность, аналитические способности. Почему Родина их себе не востребовала? Почему я сам должен искать работу?»

Как – то он озвучил эти мысли в одну из пятниц неподалеку от офиса, в пивнухе – даром, что элитная, – «Черный лес» на Гоголевском бульваре. Кинул клич, буквально, в пустоту. Но пустота неожиданно осмысленно отозвалась:

– Молодой человек, Родине Вы и не уперлись, такой талантливый и хороший. Родине нужны дебилы и солдаты. Первых делает ЕГЭ, вторых – кто его не сдал, соответственно. Если Вы хотите, чтобы Ваши таланты не

пропали – сами себе ищите работу. Фридрих Иванович.

– Игорь.

– Заходите на мой сайт, Игорь, пообщаемся. Десять лекций бесплатно. А дальше уже за бабульки. Но Вам и бесплатного за глаза и за уши хватит. Моя визитка.

Игорь пошарил в своих карманах, нашел свою карточку, протянул, взял то, что предлагают.

– Вэ – вэ – вэ... Ага, понял. – «Что за моду взяли, давать сайтам свои фамилии». – Спасибо, зайду.

Эту поворотную для своего сознания встречу, этот эпизод пятничной столицы, когда время пьянства, знакомств, танцев, тусовок и секса – уан – найт – стэнд, когда время проводится исключительно бесполезно, Игорь иногда вспоминал. Вспомнил и сейчас, пока ехал в метро до работы. Так задумался, что даже надел очки – почитать надписи на стенах, может быть, там его сегодня подкараулит вдохновенье.

Он любил в минуты душевного подъема, а таковой подкатил незаметно, разглядывать окружающий мир и вычитывать из него «знаки». Знаков не было. «Станция Кропоткинская», – объявил мужской голос, символизирующий в метро при каждой дороге в центр «голос начальника» (домой всегда звал женский, мамин голос). «Мне бы такого начальника, голос бархатистый – человек хороший. Надо бежать, – Игорь вскочил: опаздывать даже туда, куда идти не хочется, было не в его правилах. – В одной руке зонт. Чего – то во второй руке не хватает. Блин, футляр от очков забыл».

Начиная с этого понедельника, он решил следовать начальнику отдела перевозок, Бабию, который вообще никуда и никогда по рабочим вопросам не брал с собой ничего тяжелее зонтика. Но Игорь был близорук, и тоже с зонтиком – кепки уж как – то несолидно выпускнику элитной школы и элитного факультета носить. И вот первая потеря. И первый урок.

– Игорь! Где клиенты? Почему кампания на «Яндекс – директе» закончилась? Что у нас с Днем перевозчика? Если не будете выполнять мои задачи в срок, я Вам стол об голову разобью. – Директор «Бизнес Блинка» успел приехать на том же метро раньше пиар – менеджера. Игорь встретил его у раздевалки, куда оба вешали зонтики. Отвечать здесь на весь этот букет смысла не имело – в обед будут те же самые вопросы.

– Вам какой – то корреспондент звонил из «Правды». Вот номер. – Директор протянул Игорю клочок бумаги с размашистыми цифрами. Директор имел привычку принимать ночные, выходные и праздничные, а также раннеутренние звонки себе на мобильный, указанный на сайте

организации.

«Какая еще «Правда»? Правда. ру? А правда ли, что меня взяли на эту работу, потому что моя фамилия – Козумлеев – похожа на название компании?» – Игорь понял, что еще не до конца проснулся. Заварил кофе, прошел на рабочее место – ввел пароль, компьютер он успел включить до того, как повесить зонтик (экономия времени), сел на мягкое кресло с колесиками, отхлебнул напиток из корпоративной кофемашины, вполне сносный кстати; и перезвонил.

– «Пионерская правда». Секретарь Алёна. Вас слушают.

Дрим – тим

С настоящим моментом не сравнится ни блестящее прошлое, ни сказочное будущее. Геннадий Петрович умел ценить настоящее, наслаждаться моментом. «И прошлое, и будущее, по сути, мне, точнее, нам – пиарщикам – подвластны. Как хотим – нарисуем и будем жить. Прошлое тоже всегда можно переписать».

Зазвонил телефон. Номер не определился.

– И как ей это удалось? – У Геннадия Петровича еще с давних времен была клиент, которая забыла однажды отключить услугу «Анти – аон», а потом ей это понравилось, и так и пошло. – Алло.

– Геннадий, это Семен. Вы меня не знаете, тем лучше. Срочно спускайтесь быстро вниз без вещей и с Вашей супругой.

– Она мне не супруга, – вставил Геннадий свою реплику, которая пока единственная смутила его в разговоре.

– Значит, по первому пункту возражений нет?

Геннадий знал этот анекдот, точно схвативший одну из коммуникационных истин – отвлекать всех малопонятным «зеленым»^[3]. Но сегодня он попался на него сам. Почему – то вспомнилось, что нападения на Мавзолей с Лениным происходили всегда либо осенью, либо весной – сезонные сумасшествия. «Надеюсь, сейчас – то обойдется без шизофрении», – Геннадий хотел окликнуть Веру Марковну, но она отозвалась с балкона сама.

Вера Марковна даже в туалет не ходила без мобильного телефона, не то что на балкон покурить. И сейчас она пришла с «прогулки» радостная.

– Мы приглашены на большой проект. Внизу ждет «Додж Рэм», микроавтобус, давно мечтала на таком поездить, как звезда!

– Стоп. Что за проект?

– Ну, помнишь, я тебе рассказывала. А ты, как всегда не слушал.

– Ладно, собираемся, по дороге расскажешь. Лифт – тест. Восьмой этаж. Уложишься?

– И не в такие сроки укладывались.

Геннадий Петрович пиджак решил не брать. Короткий рукав, запонок нет – новый клиент все – таки. «Откуда я знаю, какие у него познания в этикете? Возможно, это сверхперспективный заказчик, если прислал машину», – Геннадий еще «клевал» на такие шутки по старой памяти. – «Лето, тем более». Успел захватить книжку Владимира Тарасова

«Искусство управленческой борьбы».

– Вера, возьми чего –нибудь почитать, потом обменяемся.

Вера Марковна была одета строго – синий костюм, белая блузка, юбка на два пальца ниже колен. «И почему такие одежды до сих пор не запрещены в крупных корпорациях? От юбок – чуть – ниже – колен у офисного планктона с затраханнкими мозгами так встает. А может, поэтому и не запрещают?» – Вера Павловна по совету Геннадия Петровича успела захватить свежий бестселлер Романа Масленникова, что – то там с приставкой «Супер».

Вошли в лифт. Три зеркала на стенах. Один из единичных случаев, когда реклама – в данном случае конкурирующих зеркальных фабрик – шла на пользу людям. «Прям полный суам^[4]».

– Отлично выглядишь. – Комплимент Геннадия Петровича последовал после изучения Веры Марковны с трех сторон.

– Полный три – дэ. Спасибо ему. Так, слушай.

– Со мной наконец – то вышли на связь хэдхантеры. Помнишь, я все обижалась – почему меня не ищут.

– Еще бы, после твоего собеседования на должность губернаторского пресс – секретаря, когда ты их матерно прессанула – кто ж тебя будет «сватать» после этого?

– Дело прошлое, виноваты все, как говорил один футбольный тренер. – Вера Марковна футболом интересовалась только с точки зрения зрелищности сценариев договорных матчей, перлов комментаторов и работы спичрайтеров тренеров национальных сборных. – Короче, они мне предложили дорогой проект, международный, с повышением интеллектуального уровня и развитием кругозора, плюс серьезные знакомства с «повелителями мира». И ты начальник. Все пойдет через нашу фирму, или выдадут на руки, переведут на счет – не важно.

– А почему я начальник? Мое согласие кто –нибудь спрашивал?

– Я так захотела. Мы, – точнее я, да и ты тоже, – давно не были в отпуске, а нам обещали проживание в «семи звездах», рабочий день не больше трех часов. Правда, каждый день надо быть у руля. И – на три месяца. Отдыхать три недели – все это не то. Три месяца – это да. «Семь звезд»!

– Как будто, они угадывают желания.

– Что – то в этом есть, но не суть. Не верю я в телепатию. Или мы просто – напросто в «Матрице».

– Да, фильм классный – пособие для предпринимателей. Жаль, в жизни такой «Матрицы» нет – я б сходил на экскурсию.

Индейцы с закрытыми глазами

«Додж Рэм»

«Додж Рэм» внутри был оборудован в стиле команчей.

– Никогда не видела ничего подобного. – Вера Марковна громко восхитилась, приземляясь в мягкое кресло.

В микроавтобусе было действительно стильно. Индейские луки, портреты старейшин, какие – то перья, золотые амулеты, даже чучело совы как – то вошло в этот, в принципе, небольшой салон. Работал кондиционер, озонатор и вишневый ароматизатор – так что уют был втроене приятен.

– Что за цирк? – Невежливо, ни с кем не поздоровавшись, задал вопрос Геннадий Петрович молодому человеку, который оказался их попутчиком, не считая водителя.

– Игорь. Игорь Козумлеев. – Молодой человек, дружелюбно улыбаясь, протянул руку Геннадию Петровичу. Первой на рукопожатие откликнулась Вера Марковна.

– Бонд. Джеймс Бонд. Вера Марковна Револювер. И это моя настоящая фамилия.

– Граждане пассажиры, прошу пристегнуть ремни и надеть повязку на глаза. – В приветственный разговор вступил водитель микроавтобуса, маленький карлик в красной каскетке. – А я вам пока расскажу, что мы, кто мы и куда едем. Кстати, повязка будет у вас на глазах до того момента, пока кто –нибудь не догадается, куда мы едем. Самый догадливый получит ценный приз. Не пугайтесь, ничего хорошего с вами не случится.

– Шутка гида «Тез тура» в Турции прямо. Отмочил. Рассказывайте уж. – Попытался парировать Геннадий Петрович. Чем – то ему это напоминало Новый Год: красный цвет, дружелюбный карлик, охлажденный силикон...

Вера Марковна и Игорь уже сидели в элегантных накладках на глаза.

– А мне хорошо. Тут внутри что – то типа охлажденного силикона – очень освежает. И не видеть бы этой жары московской. – Вера Марковна уже откинулась в кресле, если можно так выразиться – сиденья стояли лицом друг к другу: четыре кресла по периметру машины. Она вытянула ноги, сняла туфли. Под ноги для удобства поставила какой – то сундучок. – Еще бы музыку приятную и чисто авто – спа. Но я тоже хочу сначала послушать Ваш рассказ.

«Удивительно, как женщины успевают быстро обживаться в незнакомых помещениях», – Геннадий Петрович тоже надел повязку на глаза, почувствовал мягкость, холодок. – «Кайф. Поехали. Бухти – бухти там, как большие корабли бороздят что – то там в так и не реконструированном Большом Театре».

Больше всех расслабился к этому времени Игорь. Он с удовольствием вспоминал свое вчерашнее громкое увольнение. Как сладкий сон, всегда так мечтал.

Надо было договориться о том, чтобы корпоративные двусторонние визитки, тысячу штук, напечатали за тысячу рублей, а печатники выставляли тысяча восемьсот. Причем, печатали не для себя, а для соучредителя фирмы – спортсмена, редко бывавшего в офисе и зависающего большую часть времени на соревнованиях по метанию ножей. К решению этого вопроса подключился сам директор бюро перевозок. Дело происходило в общей комнате, где находилось большинство сотрудников.

– Алло, послушайте меня. У нас бюджет резиновый. Вы можете пойти навстречу? А мы вам еще клиентов подгоним. Обещаю.

Демонстративно была включена громкая связь.

– Ну, тысяча пятьсот, не меньше. – Попытался сопротивляться бедный менеджер по работе с клиентами целому директору малого предприятия.

– Окей. Давайте хотя бы тысяча сто и по рукам. Бухгалтерия давит. – Настаивал шэф, даже ворот рубашки расстегнул.

– Тысяча двести.

– Договорились. Оплата по факту.

Директор «Бизнес Блинка» повернулся к Игорю с победной улыбкой и во всеуслышание объявил:

– Акционеру выставишь счет на сто евро. Учитесь!

– Вам бы только на базаре помидорами торговать. – Игорь был под впечатлением, как можно было торговаться за несчастных «сто рублей» и тут же на глазах у всех обманывать главного акционера, пользуясь его отсутствием.

– Что? Что ты сказал? Ты уволен!

– Да, пожалуйста.

Игорю даже с собой брать ничего не пришлось. Футляр от очков все равно потерян. Он решил вчера все – таки съездить в редакцию «Пионерской правды» по приглашению самого главного редактора. Контакт журналиста лишним не бывает.

И вот он здесь, в «Додж Рэме». С отключенным мобильным телефоном (сто звонков и двести эс – эм – эсок от шэфа, бывшего теперь уже), наслаждается прохладой, приятным ароматом вишни и обществом профессионалов (так он предполагал, и не зря, как мы видим).

– Мы едем на большую работу. – Повернулась карла. – В пути познакомимся поподробнее. А вы не забывайте про игру – кто догадается, куда мы едем, получает приз. Ехать примерно двенадцать – пятнадцать часов, зависит от того, большая ли пробка на границе. Следующая остановка через час уже за МКАДом.

Полдень, жара, аварии, пробки из центра на водохранилища, но машина ехала практически без остановок.

«Мигалка у него, что ли», – подумал Геннадий. Прислушался – вроде тихо, только радио «Full Moon Channel»^[5] играет. «Ничего, кстати, музыка. Ну ладно, когда еще прокатишься в дальнюю дорогу не за рулем». Геннадий был заядлым автолюбителем, намотавшим на своей новенькой машине восемьдесят тысяч за два года. Он был уверен, что приз получит он.

Первая остановка и секрет скорости

Плавность хода этой американской машины поражала пассажиров. Все до того расслабились, что приглашение выйти подышать воздухом, «оправиться и покурить», буквально застало всех троих – и Геннадия Петровича, и Веру Марковну, и Игоря – врасплох. Но естественные потребности справиться было надо, особенно водителю.

– Знаете ли, спина очень затекает, хоть и есть встроенный массажер.

– А много проехали? – Как бы невзначай поинтересовался Геннадий Петрович, он захотел сравнить свое водительское мастерство с неизвестным летучим по пробкам голландцем. Трассу, он, кстати, узнал сразу – «Новая Рига», М9 или еще ее называют «Балтия». Четыре полосы, хороший лес, практически без остановок и торможений – мало населенных пунктов. – «Что бы это значило?»

– Примерно двести километров за полтора часа.

– Ого! – Даже Вера Марковна, которая машину особо много не водила сама – чаще как попутчик Геннадия Петровича, – удивилась.

– А в чем секрет успеха? – Поинтересовался Игорь. Он еще не купил машину, только присматривался к «программе льготного кредитования», повторял правила (получил права в далеком 2003 году) и даже записался на курсы экстремального вождения, где первые два семестра нужно только крутить руль и набивать руки. – «А там и машина приложится – надо же с чего – то начать», – убежденно мечтал будущий водитель Козумлеев.

Карла – водитель на удивление не стал бахвалиться, как рыбак дома после неудачного клева, и скрывать ничего не стал. Он лишь указал на капот машины:

– Посмотрите сами.

На капоты были установлены флажки. Обычные тряпочные флажки – на пластиковой, будто бы коктейльной, палочке – российский и малиново – черный.

– Фиолетово – черный какой – то. Что это за знак, масонский орден? Некоторые ассоциируют пиар и масонство. – Загадочно поинтересовался Геннадий Петрович, еще где – то ждавший здесь подвоха.

– Обычный, латышский. Флажки работают лучше мигалок – и тихо, и водители не посылают «лучей поноса», и гаишники боятся – честь отдают. В общем – красота. Один знакомый научил – случайно у него на 9 мая так проехаться получилось, вот и пользуемся теперь все, когда спешим.

Красоту и эффект авто – фокуса Геннадий отметил мимоходом в стиле «Как же я до такого за свои сто тысяч не додумался». Но ему стало немножко досадно по другому поводу. «Правда обезоруживает лучше любого средства. И как я мог забыть, мы ж были там два года назад». Возможно, Геннадию Петровичу забылся этот визит, как страшный сон – шестнадцать часов на границе (не пустили, потому как «виза – то у Вас с 16–го мая, а сегодня – еще 15–ое, ждите»), Музей советской оккупации в Риге, тошнотворные роллы во всех без исключения ресторанах. «Помню только Юрмалу, вот это городок, просто Рай, а так – б – р – р – р...»

– А мы едем в Ригу?

– Какой Вы догадливый, Геннадий Петрович, – улыбнулся карла – водитель. – Но приз все – таки придется отдать Вам.

Он порылся в бардачке и достал свой ценный приз.

– Айфон 5–джи. Такой только у Стива Джобса и Билла Гейтса. – С искренним восхищением.

– Я, вообще – то, к Эпплу не очень расположен. Но ладно, поизучаю в дороге. Я слышал, у него в роуминге какой – то Интернет сумасшедше – дорогой... – Для вида поупирался Геннадий Петрович.

– Вся связь за счет фирмы.

«Просто замечательно», – к халяве Геннадий относился с опаской, но большинство подобных случаев старался не упускать.

– Кстати, а как Вас зовут? – Решила проявить вежливость и благодарность Вера Марковна, она любила профессионалов в езде, в еде, и так далее по списку.

– Карл Разумовский. Отчество у нас не принято, общаемся коротко по имени, иногда по фамилии – на американский манер. На «вы» само собой.

– Карл, а можете телевизор включить? – Вера Марковна не могла первое время обходиться без «ящика». – Я телевизионная наркоманка.

Шла красочная реклама боевика с Анджелиной Джоли.

– Вторая часть «Особо опасен», что ли? – Предположил Игорь.

– Нет. Это фильм «Солт». Не пойму, почему как «соль» не перевели. Я, вообще, с этих переводов кинолент падаю – какое отношение, например, имеет песня «Шнура» к Джорджу Клуни^[6]?

– А, так это типа «шпионка» Анна Чапман в информационном поле не случайно? Раскручивается новый фильм «Солт» с Анджелиной Джоли. Вот в чем дело. Культ супервуман. А я – то подумал, почему в конце весны в Москве «вбросы» про торжество феминизма появились? – Геннадий Петрович

– Следующим президентом будет женщина? – Робко предположил

Игорь.

– А это и от тебя тоже зависит, дружок. – Откликнулась карла. – Все, собираемся, поехали.

Граница и на грани

Дальнейшая езда по «М-1» по направлению к Риге уже ни для кого в машине не была тайной. Настало время дорожных разговоров и различных развлечений. Каждый из пассажиров был общителен и находиться в коконе из легкой музыки, вишневого холода и темноты от силиконовой повязки долго не мог.

– Новорижское шоссе – единственная трасса, свободная от продажной любви. Ну, Минка еще – там все понятно. – Со знанием опытного автопутешественника сказал Геннадий Петрович, первым снявшим повязку.

– Места надо знать, – незамедлительно парировал карла.

Оживилась Вера Марковна:

– А с этого места поподробнее. Я всегда мечтала «снять» девчонку.

– Как снимешь, так и слезешь. – Ответил водитель, не оборачиваясь. – Они заразные, жуть. По два презерватива минимум приходится надевать. А что делать – так мне давно не дают.

Тут проснулся Игорь. Ему, выпускнику практически «Царскосельского лицея», лучшего заведения в его городе, которое носило название как настоящий лицей, супротив бывших пэ – тэ – у, стало остро и по – человечески жаль карлу. «Все – таки он не волшебник, и не всесилен. Я, было, начал думать, что все происходит в сказке. Карлики – прислужники – это всегда признак сказки. Но мы в реальности – что тоже, в общем, неплохо», – спросонья рассуждал Игорь.

– А Вы знаете, где самое большое скопление жриц любви на трассе Москва – Питер? – Спросил Игорь и сразу с извинительной опаской осекся. – Вера Марковна, ничего, что мы об этом?...

– Не беспокойся, Игорь; я такой же мужик, как и Геннадий Петрович, только со влагалищем. – Ответила Вера Марковна. – И, где же, на Ленинградке?

– Ну, конечно, не считая Ленинградки. – Уточнил Игорь, успокоившийся и понявший, что здесь можно говорить, о чем угодно и как угодно. – «Все – таки будущие коллеги, тем более начальство. С ними деликатность – в пиар – деле, по крайней мере, – будет только мешать», – это Игорь знал по своему хоть и небольшому, но опыту стажировки в агентстве, правда, не пиаровском, а рекламном, и нескольких встречах в московских пиар – клубах типа «Комммунике» – «Экстраваганзы».

– Где – то около Бологого, точно посередине между Питером и

Москвой, – сказал Карла.

– Ну, почти угадали. В населенном пункте с говорящим названием «Хотилово». Даже на иностранном написано – «Hotilovo». И иностранцу понятно, что будет жарко. – Сообщил всем правильный ответ Игорь.

– На любом рынке правит креатив, – отозвалась Вера Марковна. – И где же они там стоят? Село вроде большое – я там останавливалась в юности, когда в Питер моталась автостопом. Где ларьки с надписью «Рыба разная» или «Игрушки»? – Вера Марковна была настроена поговорить о «соли с перцем».

– Точно не припомню, – Игорь не понял шутки. – А кстати, почему от Питера до Твери указатели идут на русском и английском, а после – только на русском. Неужели все питерские иностранцы задерживаются в Твери навсегда? – «Хороший город, я б там пожил годик – другой, если б квартиру где – нибудь в исторической части купил, да зарплату мне тыщ двести положили», – размышлял Игорь. – «Зарабатывай по – московски и живи по – тверски типа».

– Ты лучше скажи, почему в России нет указателей по – немецки? У нас с ними очень хорошие отношения: даже Медведев за Германию болел – помнишь, даже с Меркель «собрата» Пауля съели? – Вступил снова в разговор Геннадий Петрович. – Или, на китайском? С перспективой, так сказать.

– Вообще, логичнее было бы на азербайджанском – их в России больше, чем в Азербайджане, – Вера Марковна по себе знала, сколько в Москве и вообще в России представителей этого солнечного народа. Хотя они и часто дарили ей свои восхищенные улыбки и даже цветы, но редкая ложка дегтя в виде «вай какая попа, хочу тэбя прам сычас» портили все впечатление.

Так провели время за разговорами четверо мужчин, один из которых был счастливым обладателем женского детородного органа, «Додж Рэм» доехал до латышской границы. Алые с черным флаги развивались, как плакаты Саурана – холодно, жестоко, с непониманием. Впереди очередь растянулась приблизительно на полтора километра и, по словам Геннадия Петровича, «всем улыбался ужин в компании с дальнобойщиками» в одном из приграничных кафе.

– Лучше уж в Великолукские озера вернуться, – отозвалась Вера Марковна, обычно не ужинавшая после шести часов вечера.

– Сейчас я все решу. – Карла заглушил мотор и с достал барсетку с документами. – Поешьте пока бутербродов. И дайте мне ваши паспорта.

Как ни странно, паспорта, причем заграничные, оказались у каждого

путника. Видимо, сработал рефлекс, когда за тобой приезжают на красивой иномарке все – таки таксистского вида и предлагают собраться с вещами. Все безошибочно расценили выезд, как отпуск, и на автомате взяли паспорта.

Карла достал из мини – холодильника воду, сэндвичи, зубочистки и даже жвачку и ушел, оставив путников ужинать на обочине. «Судя по всему, ждать придется не один час, – подумал Геннадий Петрович, – он уже знал, что заглушенные машины и толпящиеся дети вокруг них – явные признаки долгого автостояния. – Сейчас у кого – то аккумулятор заглохнет, прикуривать будут, еще объезжать придется. – Геннадий знал все эти летние пробки ценой почти полноценных мучительных однодневных стояний на Украинских границах.

Но не прошло и получаса, за которые, впрочем, путники успели пожелать друг другу «приятного аппетита» и подкрепиться, как карла с документами и проштампованными в них, свежепоставленными шенгенскими визами вернулся.

«А может, все – таки, сказка», – удивился про себя Игорь.

В начале восьмого вечера красный микроавтобус, преодолев вереницу стоячего транспорта, как с российской, так и с латышской стороны, вышел по «зеленому коридору» на латышскую землю и понес звездную команду навстречу приключениям.

За границей и за гранью

Пустые дороги Латвии вечером менее интересны, чем, например, днем или ранним утром. Днем можно пообгонять немногочисленные старенькие иномарки по встречной полосе. А ранним утром – послушать сбивчивый русско – латышский суржик по радио, объявляющему, где стоят «продавцы фенов и полосатых палочек». Вечером вообще не было ни души. Погода была ясная, и коридор из белых катафотов слева и красных справа делал дорогу похожую на компьютерную игру в режиме «single player – time attack». «Неинтересно состязаться с самим собой, – размышлял про себя карлик – водитель. – Хоть бы десятку или хоть пятерку жигулевскую автомобильный Бог подбросил». Но машин как не было, так и нет. И в домиках немногочисленных населенных пунктов стали гаснуть огни.

Начиналась автомобильная скука. Карлик стал вспоминать старые приемы водителей – дальнбойщиков, которые гонят сон. Интенсивное трение ушей и особенно мочек уже не спасало. Для начала надо сделать привал.

Машина тормознула в небольшом леске, на съезде в какой – то безымянный проселок. Это было редкостью, любой населенный пункт тщательно обозначался – и название, и километраж. А здесь был только указатель – второстепенная дорога. Уже почти стемнело, но, благодаря чистому дальнему свету и свежевыкрашенным знакам, ехать было очень зряче.

– Девочки направо, мальчики налево, – сказал карлик свою обычную присказку, опустив, впрочем, подробности того, что можно «оправиться и покурить».

Пассажиры стали выбираться из машины, потягиваться, открывать бутылки с минеральной водой. Карлик же сделал следующее: отвернулся от всех и начал сливать в одну бутылку из черноголовского «Байкала» содержимое какие – то маленьких флакончиков, похожих на сувенирную выпивку. Что – то проговорил, каким – то нелепым образом потряс. Повернулся: «Готово!»

– Кстати, а почему вы столько пьете, но ни разу в туалет не сходили? – Поинтересовалась Вера Марковна. Она пила Red's, и он уже, кажется, начинал действовать.

– Дело в том, – карлика вопрос не смутил, – что мне держать член трудно. А практически и невозможно самостоятельно. Руки короткие, и я

путешествую в подгузниках.

– А дома? – Веру Марковну этот факт почему – то заинтересовал.

– Дома у меня прислуга, украинка. Все делает.

– Все – все? – Не унималась захмелевшая матерая пиарщица, уже дошедшая до того, чтобы задавать малознакомому собеседнику вопросы в лоб, нисколько не смущаясь.

– Нет, не все. Для интимных радостей я заказываю специальных женщин, профессионалок. Раньше и с украинкой было хорошо, но она на моих харчах растолстела. В принципе, все нормально, но я «купился» на рекламу «Займись сексом с профессионалками!». Слыхали?

– Я не их целевая аудитория, хотя, кажется, уже ею становлюсь. Нет, не слышала. – Продолжала откровенничать Вера Марковна, не выпуская изо рта профессиональные термины даже во хмелю. Карлик и не пытался использовать момент и вызвать жалость, а у попутчицы мельком пролетела мысль о том, чтобы поддержать, да и тут же забылась.

Карлик, беседа, не прекращал странных манипуляций заправского бармена. Он открыл бутылку «Доктора Пеппера», вылил из нее примерно половину, залил туда пузырек элеутеорочки. Вера Марковна подобрала незамедлительно, прочла, понюхала и выбросила подальше, продолжая наблюдать. В чашке Карл размешал кофе, долил в бутылку, начал ее трясти. Снова открыл, высыпал туда из пузырька оставшиеся на дне маленькие белые шарики, выбросил. «Арника», – вслух прочла Вера Марковна. – «Чтобы яйца не болели», – незамедлительно прокомментировал бармен. – «Гомеопатия».

Карл отхлебнул пять – семь полных глотков, протянул пассажирам, покурившим и оправившимся:

– Для бодрости, чтобы не спать.

– А я, может, как раз спать хочу, – сказал Геннадий Петрович.

– Значит, «мультики» посмотреть не хотите? – уточнил Карл. – После этой штуки жизнь, точнее, взгляд на жизнь, – ускоряется, зрение обостряется, и Вы видите больше, чем обычно и чем привыкли видеть. Вы даже не представляете! Ну, а водителю это просто необходимо, как минимум, чтобы не заснуть – частота пульса подпрыгивает до двухсот пятидесяти, причем, совершенно безопасно.

«Ага, конечно, безопасно. Спасибо, откажусь», – подумала Вера Марковна, не приветствовавшая наркотики ни в каком виде. Кроме разрешенных, конечно, таких как сигареты и алкоголь.

– То есть я быстрее умру, как воробей? – Игорь вспомнил свои познания о непродолжительной, быстрой, горячей подвижной жизни

маленьких сереньких птичек.

– Наоборот, гимнастика сосудов. Так, меня уже накрывает, садимся, поехали. – Карл как – то необычно гибко и споро запрыгнул за руль, завелся и дал по газам на холостом ходу.

Все стали поспешно заходить в салон, один Игорь задержался:

– Можно, я на переднем сиденье сяду? Дайте хлебнуть. – Самый молодой участник PR – экспедиции, получив согласие, залез рядом с Карлом. Отвернул крышечку, не побрезговал хлебнуть также из горла. На вкус ничего особенного – «Доктор Пеппер» и кофе. Некоторые шарики не успели раствориться, и Игорь с удовольствием покатал их во рту. Газы ударили в рот. – Ну, поехали, что ли. Когда начнет действовать? Кстати, Вера Марковна, Вы зажигалку обронили.

Вера Марковна пошарила в нагрудном кармане – нет зажигалки. Открыла дверь – вон она блестит, сувенирный подарок одной как раз таки крупнейшей «ядовитой» фирмы, которая год назад устраивала с помощью их агентства конкурс в блогосфере. Главной фоновой темой конкурса была известная сигаретная красно – белая марка. На специально отведенном месте на пачке предлагалось поразмышлять и визуализировать яркий призыв к борьбе с курением. Пост вскоре удалили как рекламный, но перепечаток даже в печатной прессе осталось море. Все крупные антитабачные кампании спонсируют мейджоры рынка через море посредников.

«Не вспоминай говно, оно и не появится. А мы заставляем вспоминать, вот продажи и растут. Конечно, у главных игроков рынка», – помнится, Вера Марковна объясняла в курилке весь смысл этой акции новой стажерке. Кроме солидного вознаграждения пиар – фирма получила в подарок пятьдесят серебряных зажигалок. Часть была роздана курящим ветеранам фирмы, проработавшим более двух лет (для пиар – рынка – вполне срок!), в том числе и Вере Марковне, а другие – оставлены для vip – клиентов. «Хоть роль пиарщиков как разносчиков информации и преувеличена, однако такие сувениры и подарить своим не стыдно, – размышляла старая пиарщица. – А мне будет в старости типа якорь вспомнить – посмотрю вот на зажигалочку, на пламя, вспомню приятные рабочие деньки».

Подарок ей был дорог. Она подобрала с земли зажигалку, обтерла об юбку, отряхнулась, опять вошла в салон.

– Игорь, а как ты догадался, что я ее потеряла?

– А? Что? Да боковым зрением в боковом зеркале увидел. Ого! Кажется, действует штука.

Машина плавно разогналась.

– Дайте – ка попробовать! – Донеслось из салона. – И мне!

Геннадий Петрович и Вера Марковна, кажется, решили потряхнуть стариной. Бутылка пошла по рукам и вскоре была осушена полностью.

«То ли девочка, а то ли видение»

Вера Марковна вышла из машины последней. Геннадий Петрович и Игорь уже стояли с ключами – пластиковыми карточками от гостиничных номеров у отдельной шахты лифта на улице. Карл ждал у машины, боялся разбудить Веру.

– До завтрашнего вечера поживете здесь, в отдельных номерах, потом перевезем вас в коттедж, в Юрмалу. Утром будем присылать машину. Уже не я тут работаю, но тоже обещаю – скучно ездить не будет.

– Игорь, яйца не болят? – подмигнул Карл.

Молодой пиарщик засмутился. Он получил больше, впрочем, как и каждый сегодняшней дорогой, чем мультики. Даже Карл. Геннадий Петрович немножко порулил американскую машину: ночь, скорость двести, мечта! Только с регулировками сиденья долго возился. А у Игоря на коленях все – таки заснула от избытка впечатлений Вера Марковна. Правда, сел он неудачно, на твердую папку. На латышских лежачих полицаях Геннадий Петрович скорость специально не сбавлял, применяя навыки экстремального вождения, и жестко и коротко оттормаживаясь перед каждой колдобиной. Не всегда удачно – но только Игорь бился головой об потолок, Карл отдыхал, сидя, но подпрыгивая невысоко в силу физических причин. Вера Марковна даже не просыпалась. Только – только начала открывать глаза.

– Вот это сон! – Сладко потянулась Вера Марковна. Коротко попрощалась с Карлом, взяла на ресепшне ключ, подошла к лифту. – Номера, надеюсь, отдельные?

– Конечно.

– Геннадий, ну я до рассвета у тебя посижу. – Женская логика, да еще спросонья, могла сдвинуть мозги кому угодно.

Постепенно на улицах Риги рассветало, тишина давила на уши, слышно было, как включается холодильник на последнем этаже, и как лопаются во рту каждый пузырек минералки.

Путешественники поднялись в номера на восьмой этаж. Игорь побрел к себе в дальний конец коридора. Геннадий Петрович открыл дверь, пустил первой Веру Марковну, вошел, стянул, не развязывая, башмаки и пошел в ванную.

Вера Марковна сидела на убранной кровати и с близкого расстояния смотрела в телевизор. Туфли не снимала.

Геннадий Петрович вышел мокрый из ванной, только лицо вытер, обернулся полотенцем, с плечей и спины капало. Забрался под одеяло.

– Послушай, мне в машине такой сон приснился. После этих, мультиков. – Вере Марковне не терпелось пересказать не свои ощущения, а именно сон. Геннадий же охотнее бы поделился действием чудо – напитка.

– Может, утром? – Попытался отвертеться Геннадий. – Ты ж поспала, а я нет.

– Нет, ты послушай сейчас.

Геннадий Петрович закрыл глаза и принялся вспоминать одну из самых быстрых в своей жизни езду. Через пять минут, насмотревшись на пейзажи за окном, он попросился за руль. А пейзажи были более чем стоящие того, чтобы их смотреть и смотреть. Было светло, как ясным днем. Деревья кишели мошками, на траве образовывалась роса, по коре ползли муравьи с тростинками, птенцы вылуплялись – все это, быстро перемещая глаза, видел Геннадий Петрович за окном в мельчайших подробностях. На Веру Марковну боялся смотреть – вдруг разлюбит, с такими – то деталями? Попросился за руль. Карл пустил, пересев на место рядом с водителем, отодвинув Игоря к окну.

«Ого! Вот это да!» – доносилось сзади. Голос Веры Марковны заплетался. – «Я не выдержу столько впечатлений. Я усну». – «Игорь, пошли назад. Пусть он тут один покуражится». – Карлик, несмотря на бешеный пульс, немедленно заснул. Игорь вскоре посадил Веру Марковну на колени, стал держать за талию, потому что она все время сползала и падала с кресла. «Видимо, с алкоголем нельзя мешать», – предположил Игорь. Карл кивнул утвердительно, и уснул, исключительно от усталости.

Геннадий Петрович помнил, как он втопил педаль в пол – красные и синие огни слились в два ободка по краям дороги. «Супер!»

– И вот, мне показалось, что она обняла меня за талию, и мы начали танцевать. Она была такая красивая, просто страсть. – Геннадий пропустил начало рассказа Веры Марковны, попытался проснуться. – Ты слушаешь?

– Да, дорогая.

– Тут я понимаю, что танцую сама с собой. Мне, точнее, моей партнерше, лет пятнадцать. Я ей, то есть как бы себе, объясняю, что, мол, ты самая лучшая, самая красивая. Повторяй это каждый раз, пока не забудешься сном. И ты такой и станешь.

– Такой же, как Вы, Вера Марковна? – спрашивает.

– Такой же, как я, – отвечаю. – И вижу, как она растет, быстро растет, вдруг я гляжу в ее глаза, как в зеркало и вхожу в нее, сливаюсь с ней. Просыпаюсь. Так это красиво получилось.

- Согласен. Давай спать?
- Ладно, я пошла. До завтра. Интересно, что же нас тут ждет?
- Крепкий здоровый сон. – Успел сказать Геннадий и тотчас заснул окончательно.

Ученички

Утром, несмотря на поздний «отбой», ровно в девять утра все трое – Геннадий Петрович, Вера Марковна и Игорь – сидели в холле четырехзвездной гостиницы Риги и завтракали. Виды, впрочем, были с восьмого этажа – из панорамных супер – люксов, самые что ни на есть пятизвездные. В восемь часов каждого из них разбудил звонком по телефону портье, велел спускаться «чего –нибудь, чем Бог послал, перекусить». На сегодня в светлое балтийское солнечное и умеренно прохладное утро послал Бог: йогурт натуральный без примесей и сахара, круассаны, яичницу с беконом, апельсиновый сок свежесжатый, рюмки (грамм по тридцать) рижского бальзама, хлеб с джемом и маслом, а также чай, кофе или молоко (два вида – обычное с лактозой и без оной) – на выбор. Довольно обстоятельный завтрак, одним словом, без изысков, но и не нищий.

Ели молча. Переглядывались, жевали. Впечатления прошлой ночи каждый пока держал в себе, хотя и последствий никаких действительно не было.

В девять – тридцать подошел официант: «Господа, вас ожидают».

Промокнули губы салфеткой. Допили апельсиновый сок, все оставили его почему – то на последнее, и почти одновременно встали. Вера Марковна – первая, она хотела еще покурить, но, кажется, не успевала. И от стола, и от официанта, и от Балтики как – то в целом веяло строгостью, скупостью на эмоции, слова, жесты. Все старались как бы мимикрировать под новую обстановку – пока получалось.

У входа их ждал черный «БМВ», семерка, не последней модели, но видно – что необычная: отсутствовали шильдики марки, объема двигателя, номера кузова. Государственный номер был какой – то обычный, незапоминающийся, закрыт сеточкой. И, конечно, чистая – в Прибалтике все машины чистые, можно мыть один раз за лето. Все дело в том, что обочины замощены практически повсеместно.

Сели. Поехали. Уместились все сзади, втроем – Вера Марковна посередине. Тесно не было, но как – то уж очень компактно, в «Суперб» Геннадия Петровича было места побольше. Казалось так, хотя ни с кем втроем на заднем сиденье Вера Марковна с Геннадием не ездила.

Водитель – немногословный латвиец, белобрысый, стрижка полубокс: «Сдрастуйте. Садитесь. Поехали. Можно не пристегиваться».

Начищенные ботинки, строгий костюм, под левым рукавом было выпукло. «Оружие», – сообразил Геннадий.

– А куда мы едем? – Осматривалась по сторонам Вера Марковна.

– Юрмала. Лекция.

– Исчерпывающе. Все понятно. А что за лекция, кто ведет?

– Там узнаете.

В машине играла танцевальная бодрая музыка. Перерывов на голос диджея не было – видимо, диск. Музыка играла приглушенно – были слышны «хэдзы», иногда «басы». Но какой – то звук мешал цельности картины. Геннадий pokrutil головой, обратил внимание на зеркала.

– А почему у вас на такой крутой машине боковые зеркала какие – то стремные? И по цветовой гамме отличаются. Еще стучат.

– Китайские. Воруят.

Геннадий Петрович домыслил, что оригинальные зеркала часто крадут, поэтому и поставлены китайские, чтобы не жалко было.

– И долго держатся?

– Второй месяц. Скоро сам помэняю. Дьошэво.

Через пятнадцать минут долетели до Юрмалы. У платной зоны не останавливались, только сторож честь отдал, вытянулся по струнке.

– Приехали.

Быстро, по – деловому, вышли. Осмотреться не успели – кругом только лес, сосны, где – то недалеко шумит море. Высокий забор. Собаки. Аллейка. Двухэтажный дом.

Водитель проводил их в уютный небольшой зал.

– Пэрвый этаж – лекции. Второй этаж – жить. Так первый месяц. Можно купаться, загорать. Расписание посмотрите. Начнете с разных наук и далее – сами увидите.

Водитель – так и не узнали, как зовут, – вышел, разрядил всю обойму секретного пистолета в мишень на заборе и вышел за ворота.

– Странный тип. – Заметила Вера Марковна. Никто не ответил.

Расположились. Все четыре слушателя уселись так, кому как было удобнее. Геннадий Петрович за письменным столом, Вера Марковна – в кресле, нога на ногу; Игорь лег на ковер.

– Поехали. – Сказал лектор в очках без дужек (удобно протирать от грязи и непонятный зеленый налет не образуется), и мельком заглянул в листочек, со свежими бороздами, сложенный на четыре части. Листок – конспект был исписан с одной стороны, но довольно мелким почерком. Обратная сторона была чистой. – Думаю, уложусь в пять часов. С перерывом на обед, конечно.

Все были в тотальнейшем внимании. Лектор представился как научный сотрудник какого – то международного института, профессор и действующий консультант немецкого канцлера.

– Фридрих Иванович. Ну что ж, начнем. Немного по методологии изложения. Все вопросы лучше потом. Сейчас просто записывайте, впитывайте. Охуевайте.

От неожиданно ввернутого родного словечка пиарщика Вера Марковна переложила одну ногу на другую, приготовившись к неожиданным открытиям этого, в принципе, привлекательного человека. Поглядела на коллег – все смотрели на лектора, ни глазом не моргнули, ни усом не повели.

А в это время в московском агентстве «РосПиар» происходило следующее.

На хозяйстве

Все в пиар – агентствах знают известную шутку о том, что на первой встрече клиент видит, кого он будет кормить, а работать будут другие^[7]. Но в «РосПиар» дело шло так, как надо. Работали все очень жестко, а когда руководства не было – тем более. Рабочий день у всех сотрудников автоматически увеличивался вдвое.

В Москве окрест с бизнес – центров шел кондиционерный дождь. Невыносимая жара стояла уже вторую неделю, и спастись по – хорошему можно было только в холодильнике, дома.

Выезжать к новым клиентам за «тридевять земель» тоже не хотелось. Как известно, девять из десяти запросов в пиар – агентство – левые. Кто – то захотел узнать, что это за фрукт – «пиар», у кого – то затык новых идей – пиарщики агентств их предоставят бесплатно, кто – то готовит новый безумный спонсорский пакет, под который никогда и никто денег не даст, но бизнес – план автор почему – то все равно составить должен, и там есть строчка «раскрутка» – сколько? – спрошу у пиарщиков; кто – то просто решил провести время с пользой.

Иллюстрация последнего случая – маленькая, но гордая фирма, с большим оборотом и ярко выраженной сезонностью. Начальнику, и владельцу фирмы в одном лице, уже неохота раскладывать пасьянс, сотрудники все в отпуске, делать нечего, офис надо кому – то сторожить. Вот и вызывает он пиарщиков. «Может, они со своими гениальными идеями помогут мне продать летний объем мороженого зимой или саней летом?» Обычно такие сидят не в Москве, а в дешевых офисах, но не больше десяти километров от МКАД.

Распознавать пустышек – важное умение директора пиар – агентства. Чем больше он в профессии, тем более умело он избегает ненужных выездов к так называемым потенциальным клиентам. Экономится время, на текущие проекты отводится больше времени, не надо мотаться летом по жаре, а зимой по холоду, жечь бензин, покупать и терять карты на метро и т. п., и т. д. В общем, лучше тихо сидеть в офисе и работать. А клиенты пусть сами в офис приходят. Зря, что ли, в переговорные комнаты вложено денег как в пять рабочих мест?

Сегодня, кажется, обратился еще один охотник за развлечениями. «Пусть накачает себе из торрентов передач «О, счастливчик!» или «Что? Где? Когда?» и развлекается, – думал Михаил Тонов, сидя в прохладной

атмосфере кондиционера. – Нет, ведь. Надо ему заказать пиар – услуги. Повысить продажи, мать его так».

Когда в пиар – агентство обращаются за повышением продаж – это первый признак тупости и левизны клиента. Сегодня Михаил как раз собирался еще раз попрактиковаться в общении с такими пожирателями времени пиарщиков. «Ладно, поеду в этот сраный Дмитров, хоть в Новосиньково тогда искупаюсь», – принял управленческое решение Михаил, оставил в офисе Наташу Малову за старшую и вырулил с парковки. «Епт, плавки забыл», – вспомнил и.о. самого крутого пиар – агентства Москвы, когда стоял в небольшой пробке на Цветном бульваре – детей какого – то интерната везли на шести фирменных брендированных микроавтобусах «Мерседес Спринтер». Это непростительно – в смысле, не взять плавки. Ноутбук, презентационный буклет, визитки Михаил даже брать и не думал. «Они уже обо мне все знают», – и.о. крутейшего московского коммуникационного агентства был не зря уверен в себе. Геннадий Петрович очень позаботился о соответствующей репутации. Его агентство любили все – и молодежь, и пенсионеры, и раздолбаи, и злюки, и даже одна женщина зубной техник. Нововведение в продвижении агентства было в позиционировании его во всевозможных социальных сетях: Вконтакте, Одноклассники, Лирушечка, ЖЖ и даже в некоторых специализированных.

Вот и Яхрома. Вот и Дмитров. Вот и нужный дом. Офис рядом со складским помещением.

– Добрый день.

– Здравствуйте.

– Как добрались?

– Давайте сразу к делу. – Михаил решил включить «делового», чтобы после встречи успеть искупаться и вернуться в Москву без пробок. «И сразу домой, какой офис?»

Потенциальный клиент начал рассказывать, как у него плохо продаются кирпичи и «какие подрядчики мудаки», собственно, как и предполагал Михаил. «Покл» (сокращение – от словосочетания «потенциальный клиент», принятое Михаилом и коллегами на одном из форумов, где обсуждался профессиональный жаргон; у бортпроводников пассажир – это «пакс», у пиарщиков – «покл»; чем – то древнегреческим тянуло от этого сервисного новояза, от этих рожденных умами аристократии представителей из демоса и охлоса) имел несколько надежных откат – клиентов, все в городе знали, что поставщик он говенный, и в таких условиях сделать рывок продаж, особенно пиарщику,

не было никаких шансов.

– Мне не интересны ваши отношения с подрядчиками и клиентами. Вы чего хотите? Продажи увеличить? Советую обратиться в местное рекламное агентство.

– И чего они мне там предложат?

– Билборды, думаю. – Михаил уверенно в сотый раз подряд отсылал регионального покла в местное рекламное агентство и стопроцентно угадывал с результатом. Он отослал бы и в пиар – агентство, но в регионах, где он бывал, таковых не наблюдалось. – Я сейчас пойду пообедаю, а Вы пока позвоните, позвоните

Через час в том же офисе, но с более высоким градусом температуры внутри помещения.

– Ну что?

– Они и правда предложили билборды.

– Я же говорил.

– Что, наябывають?

– Да нет, просто в пиаре не разбираются. Имидж вам могу сделать только я, наше агентство. А продавать кирпичи вы потом сможете вагонами. Но позже. Можем вас с кем – то нужным в администрации области свести, если хотите. Тоже наша специальность. Можем что – то от вашего имени местному дому – интернату подарить. – Михаил плавно клонил к пиар – проекту.

– Слушай, ты мне нравишься!

«А ты мне уже нет», – думал про себя Михаил.

Обычно такие встречи заканчивались тем, что в знак подтверждения симпатии клиент должен был оплатить небольшой счет за пиар – консультацию. Симпатии таяли с каждым просроченным днем. Наконец, счет оплачивался, но «сотрудничество переносилось на неопределенный срок в связи с финансовыми трудностями». В этот раз Михаил продал «разработку коммуникационной стратегии».

«Сдохлой овцы хоть шерсти клок», – подумал Михаил и уехал купаться за несколько километров от Дмитрова. «Пора бы переходить к зиме на консультации по скайпу, а то ездить по холоду вообще не резон».

Завибрировал телефон.

– Алло, Михаил Еремеевич, это Малова Наталия.

– Вижу. – Сказал Михаил в трубку, глядя на определившийся номер. Он хотел бы ее и вправду увидеть, но перед глазами были только цифры на экране мобильного. «Наталья или Наталия – никак запомнить не могу, а мнемонику на такую фигню применять лень». – Слушаю тебя.

– Михаил Еремеевич, – Малова знала, что многим людям нравится, когда их называют по имени отчеству. «А что, ничего сложного, за лишнее слово лишних денег платить не надо». – Михаил Еремеевич, – обеспокоенно повторила она, – к нам клиент позвонил, у него завтра корпоративный юбилей, пятьдесят лет компании. Попросил написать для него речь. Что делать? В каком стиле писать?

– Слушай сюда. – По – деловому начал Михаил. – Берешь сборник речей Брежнева, заменяешь слова «Пленум ЦК» на название его компании.

– Оригинально. Попробую.

Михаилу еще предстояло параноично продержаться на хозяйстве минимум месяцев шесть. Не каждый энергичный директор такое выдержит.

Часть 2

Не все лекции одинаково полезны

Сообщения о том, что что – то не произошло, мне неинтересны. Мы все знаем, что существуют известные события, о которых нам известно, и есть вещи, о которых мы не знаем. Мы также знаем, что есть вещи, о которых мы не знаем, другими словами, есть определенные вещи, которые нам неизвестны. Но есть также то, что является неизвестным, и о чем мы не знаем, – что – то, о чем мы не знаем, знаем ли мы что – то об этом.

Дональд Рамсфельд

Дефлорация научной картины мира (лекция первая)

– Начнем с основ. Сначала – про космос. Потом – про мир на земле. И про Россию слегка. Ну и физику затронем с математикой. Физика – соль. Итак. Все читали «Незнайку на Луне»?

– Фридрих Иванович, скажите, а что еще почитать по Вашим лекциям, подготовиться?

– Все вопросы – потом. Продолжаем. Так вот, «Незнайка на Луне» – гениальная книга и по пиару. И по науке. И вообще, для детей в целом.

Мы живем не на внешней стороне планеты, а на внутренней. Это немецкая теория. Была очень популярной. Но когда немцев победили – все гитлеровское быстренько засекретили, свернули, заклеили позором.

Звезды. Что такое звезды? Это отражение Солнца. А Солнце – светит посередине земного шара, внутри него. Задумайтесь, как возможна коротковолновая радиосвязь? Только тогда, когда Земля – полая, и только тогда, когда мы живем внутри нее.

– А как же кораблик, который из – за горизонта показывает сначала мачту, потом – корпус?

– Это из школьного учебника? Вы сами вряд ли когда – то это увидите. Попробуйте на досуге. Бред. А в учебниках тех лет были другие картинки, кстати. Поищите.

Далее. Чем больше на земле населения, тем меньше ума. Все думают, что миром управляют из единого центра. Типа мировой закулисы. Это бред. Центра нет. Есть группы интересов, несколько центров. И каждый тянет одеяло на себя.

Далее, про нашу страну. Не про Латвию, про Россию. Политика и государственная программа в России базируется на ущербном представлении о патриархальности. Мол, царь – батюшка в доме главный. Хозяин должен быть и прочая поебень. Какой он главный? Больше семидесяти процентов живут в России в неполных семьях. Но это замалчивается. И это не самое страшное. Это никак не используется. Кто уважает президента, спустя месяц после его активной рекламной кампании? Вот в том – то все и дело.

– Фридрих Иванович, а зачем вот это все Вы нам рассказываете?

– Мне помнится фраза из фильма ВВС, произносимая разными учёными, вспоминая полёт Вояджера над планетами и их

спутниками. Он сказал: «Там всё оказалось не так, как мы думали». Ту же самую фразу бросила тётенька, главный исследователь Байкала, выйдя из батискафа «Мир», когда его впервые привезли на это озеро. Вам это очень пригодится, поверьте. Кому слушать неохота – гуляйте, я вас не держу.

Все остались на местах. Внимание, кажется, только усилилось.

– И пока не забыл. У жизни смысла нет. Есть только причина. Детерминированности тоже никакой нет. Есть причина, и есть следствие. Точнее, вероятность следствий. Классика вероятностей – кривая Гауссовых распределений. Самая точная штукавина. В «Маленьком принце» эту кривую Экзюпери изобразил, помните удава, который съел слона? Вот. Короче, у каждой причины есть класс следствий с распределенным полем вероятности. У одного следствия может быть много причин.

Время? Вот вы обязательно спросите, что такое время. Время – это свойство процесса.

Вот все интересуются про судьбу. Что есть судьба? Рок. Предназначение. Фатальность. Ничего подобного. Судьба есть развертывание твоих установок на жизнь.

Слушатели сидели, как загипнотизированные. Фридрих Иванович говорил голосом, который не допускал возражений. Если бы у Геннадия Петровича, Веры Марковны и Игоря был диктофон, то по прошествии нескольких дней они бы относились к сказанному, по крайней мере, со здоровым скепсисом. Но диктофоны никто не решился включить ни сегодня, ни в последующие дни.

Фридрих Иванович продолжал вещать:

– В жизни идет борьба. Воля к жизни борется с волей к смерти. При этом не исключены спонтанные проявления нарушения симметрии. Закон сохранения энергии катится к чертям.

Мир идей – изначален. Материализация идей – кривая исполнения желаний. Исполнится столько, сколько кривая Гаусса скажет.

Мир воспринимается через поле квадратичного пространства. Трехмерное мышление. То есть, мы не видим столько, сколько вы себе даже представить не можете. Я не говорю про микробов, которых изучено процентов десять максимум. Инопланетяне у нас под ногами копошатся, а мы куда – то в космос пялимся.

К лектору нельзя было придрататься ни под каким предлогом. У всех на столах были розданы памятки. На них было напечатано, на обычном лазерном принтере, на бумаге типа «Снегурочка: летняя версия» следующее:

Как успешно анализировать информацию? 10 жизненно важных правил.

Анализируя речи и тексты, участвуя в дискуссиях, предлагаем Вам придерживаться следующих правил, которые обеспечат наибольший прогресс Ваших аналитических и адаптивных способностей:

1. Никогда не верьте словам, принимайте к сведению только конкретные факты.

2. Все, что говорится и пишется, обязательно имеет целью сокрытие истины. Сокрытие истины является одним из важнейших мотивов любой человеческой деятельности, включая вербальную. Этот мотив часто, наряду с другими, присутствует у автора любого текста.

3. Никогда не принимайте к сведению информацию, содержащуюся в любом тексте. Мысль изреченная есть ложь.

4. Основным источником информации в любом тексте являются оговорки, ошибки и описки автора. Всегда обращайтесь на них внимание и старайтесь интерпретировать их на основе известных Вам элементов и свойств контекстов, имеющих отношение к обсуждаемому предмету.

5. Сопоставляйте источники. Обращайте внимание на все логические противоречия внутри текстов и между текстами различных источников. Старайтесь интерпретировать противоречия на основе известных Вам элементов и свойств контекстов, имеющих отношение к обсуждаемому предмету.

6. Читая любой текст, все время держите в уме вопрос, кому выгодна публикация излагаемых фактов и предлагаемая их интерпретация.

7. При анализе аргументации партнеров всегда старайтесь классифицировать аргументы по признаку «кому это выгодно», по характеру стоящих за ними интересов.

8. В процессе дискуссии рефлекслируйте свое отношение к процессу. Избегайте идентификации своей аргументации и своей личности. Избегайте фиксаций на отстаиваемых позициях. Все время старайтесь уловить грань, за которой позиция превращается в *idée fixe*, а ее отстаивание начинает восприниматься как самоутверждение.

9. Дискуссия и спор различаются по характеру целей сторон. Цель спора – защита своих интересов и получение максимальной выгоды. Цель дискуссии – прояснение позиций. Спор ведут противники, дискуссию – партнеры.

10. Абсолютной истины не существует. В дискуссии мы не ищем истину, а проясняем позиции – как свою, так и партнеров. Такое прояснение полезно для целей выработки адекватных стратегий поведения

и повышения адаптивности к окружающей информационной среде.

«Что за самоуверенный бред? – подумал Геннадий Петрович. Повертел бумажку в руках и заметил, что у его коллег были копии, а у него оригинал. В правом нижнем углу что – то было замазано корректором. Геннадий поскреб ногтем, проступила надпись: «anal...» – Я так и думал, что какая – то «жопа». – Потер еще: «analysisclub.ru». Аналитический клуб. – Ладно, сохраню».

У Геннадия Петровича в бумажнике уже лежало несколько бумажек с «вставлялками». Вставлялки – это тексты, которые бодрят, вставляют, прочищают сознание, настраивают на позитив, придают уверенность. Раньше Геннадий вел целый дневник вставлялок, в который записывал фразы политиков, бизнесменов, радиоведущих, родителей. Также там были пословицы и поговорки, как русские, так и американские. Наизусть он практически ничего не помнил, все, как капуста, было перешинковано, заквашено и разбросано по сознанию, подсознанию и другим отделам мозга.

Первая лекция закончилась в 16.00. Мозги уже закипали, плавилась и переформатировались в нечто новое по своей сути. А лекция была обозначена как «Вводная». Все чувствовали, что после этой поездки все вернутся обратно в Москву другими. Если лекции так действуют, какая же будет работа?

– Надо освежиться. – Вера Марковна уверенно протянула руку в сторону балтийской золотой песчаной косы. – Ветра вроде нет, значит, на зубах мы этот замечательный песок не почувствуем. Пойдемте в кафешку.

Предложение было принято единогласно.

На берегу

На Украине говорят: «Бедняк мечтаньем богат». Вы видели когда –нибудь богатых пиарщиков? Никто из сидевших в уютном кафе на берегу Балтийского моря в Юрмале, недалеко от хвойного леса, не видел богатых пиарщиков. Поэтому дискуссия продолжалась уже довольно давно.

Пивные бутылки латышского, эстонского, калининградского пива – все, что были в кафе – были выстроены под длинным деревянным столом. Допивались початые бутылки «Мокки», «Рижского бальзама», еще чего – то некрепкого и вкусного.

Мечтать пиарщики умели. Как в своих интересах, так и в интересах клиентов. Больше, конечно, в интересах клиентов. А мечтать чужие мечты насухо, как говорят опытные рыбаки, нельзя. Пиарщики, конечно, не рыбаки, хотя в каком – то роде каждый из них мечтает о крупной рыбе. И пьет. Чем дальше от Москвы, тем более горькие напитки пьют пиарщики. При пересечении границы начинается обратный процесс: в Европе еще изысканно выпивают, а уже в Африке даже москвичи нарезаются техническим спиртом. Ностальгия по родине.

В Риге, Юрмале, а также окрестных странах – Эстонии, Литве – пить горькую не было никакого желания. И до дома близко, и вроде как бывший СССР. Русский «Форбс» в мае, в месяц выхода латышской версии журнала, назвал Ригу Лондоном для бедных. Но в Лондоне русские люди, как мы знаем, пьют далеко не «Боржоми». Ну, если только на утро.

Геннадий Петрович посоветовал коллегам посмотреть в будущее и запастись на утро минералкой. Игорь был против:

– Вот я помню, что когда я на природу с друзьями выбирался, мы так напивались. Причем, всем подряд – и тем, что купить успели, и какими – то паленками – самогонками от деревенских бабушек. На утро никогда голова не болела. А в городе после литра пива – пожалуйста, приходилось «лечиться» на утро.

В прибалтийском приморском разговоре всплыла еще и родительская тема. Все мы немножко по профессии – как наши родители. Вот Вера Марковна – пиарщица. Папа – комсорг, мама – педагог. Все с людьми работали, организовывали, тренировали, коучрили. Геннадий Петрович – директор. Папа – налоговый инспектор, мама – работник государственного банка. Вот и сын не только считал деньги, но и зарабатывал их вместе с государством. Игорь рос без родителей. Бабушка и дедушка – заслуженные

ветераны труда. Может, пиарщиком можно быть без роду и без племени, а может быть, просто трудиться нужно много? Скорее всего, обе мысли верны.

– И в браке люди тоже похожи друг на друга. Чем – то да похожи. Я по профессии имею в виду. – Вступила в разговор Вера Марковна. – Я знаю пару, где муж программист, а жена – переводчик. И что общего, казалось бы? Языки!

Про друзей тоже поговорили. Причем, весьма по – философски проблему разобрали. Друзья – это те, кто может взяться за решение Ваших личных проблем. И психолог, и духовник, конечно, с Вашими экзистенциальными хитросплетениями разберутся, и поплакаться в жилетку дадут. Но при этом, чтобы пойти и «послать вместе Машку» или «дать по роже Федьке» ни один, ни другой не пойдут. Не принято и не... Ну, понятно, да? А друзья готовы пойти и сделать. Вам нужно решать криминальные и жизненные проблемы? Значит, Вам нужны друзья. Друзья нужны всем. Спели что – то про друзей а – капелла без музыкального сопровождения.

– Грушевский фестиваль на выезде. – Подытожила мужское пьяное разноголосое пение Вера Марковна.

– Господа, мы закрываемся. Уже девять часов вечера, мы и так на час больше из – за вас проработали. Нам к детишкам надо.

– Окей, уползаем.

На следующий день лекции продолжились.

Конспект Геннадия Петровича

Абсолютного пространства не существует. Сначала была теория относительности. Но в ней чуть позже разуверился сам Эйнштейн, и может разувериться каждый смысленый восьмиклассник, но таковых в отечественной школе не осталось.

Работает на полную катушку только специальная теория относительности.

Доказывать недоказуемое – поедет крыша.

Время необратимо. И поэтому принимать решения надо не исходя из текущего момента, а заглядывая в будущее. Самое верное управление – это управление по отклонению. Автолюбители меня поймут. Надо действовать на опережение. Стратегическое вождение, знаете? Это когда надо не гнать от светофора до светофора, а спокойно катиться, и всех сделаешь. Для побед мозги нужны, а не лошадиные силы.

Действовать на опережение, в принципе, несложно. Это дифференциальное уравнение второй степени.

Чтобы знать воздействие силы на что – то там, нужно знать ускорение, конечную точку и начальную точку. Отсюда и важная физическая истина, кстати, которая имеет очень большое значение для бизнесменов, развивающих растущий бизнес в жесткой конкуренции. Неважно, какая у Вас там будет скорость по отношению к себе прошлогоднему, к конкурентами и так далее. Важно одно – какое у Вас ускорение. Скорость можете засунуть себе в одно место, а ускорением не вздумайте пренебрегать. Ускоряйтесь почаще – мой совет.

Меня часто ругают за то, что я сейчас говорю одно, потом другое. Типа, я не отвечаю за базар. А вот ни фига подобного. Обвинители меня загоняют в прокрустово ложе своей аристотелевской логики. Она стара. Гегель сделал Аристотеля, если кто не в курсе. Так вот, Гегель мыслил процессуальной логикой. Аристотелевец смотрит на стекло и видит стекло. А я смотрю на стекло и вижу текущую плазму, слюду. Я знаю, что сегодня мальчику, которому пять лет, еще рано лишаться девственности. И я знаю, что тому же мальчишке через десять лет женщина будет крайне необходима. Вот так, смысл ясен.

Так, пока не забыл, прочитайте лекционную запись Павлова «О русском уме».

Алхимия – это не лженаука. Это очень хорошая, но очерненная сегодня

наука. Алхимия – это эксперименты над материалами, вот и все. Прообраз сопромата и теплофизики. Ну, может, немножко гидравлики.

Задача – что такое задача? Одна из составляющих большой цели. Правильно, ну а в общем? Задача – это система базовых противоречий. Противоречия может снять интермедиатор. Это термин из алхимической логики, между прочим. Что – то подобное нам сегодня предлагает программа ТРИЗ, типа «теория решения и задачи». Название стремное, но какое есть.

Отличная штука – математическое моделирование. Его опять же понимают очень узко. Почему? Например, возьмем экономику. Реальная экономика неустойчива. А все математические модели строятся на устойчивости. Глупо. «То, как нужно» – это не прокатит в экономике. Принцип «того, как можно» – вот правильный принцип. Извините, он всегда действует во время принятия бюджета страны, потому как: первое – у нас никогда нет полного описания среды, второе – исчисление всегда противоречиво, и третье – никогда не ясна цель. Кому, для чего – темный лес.

Что Гегеля прочесть? Нет, не «Науку логики», хотя можно и ее тоже до кучи. Все не поймете, отвечаю. Там и сам Гегель не все понимал. И очень стоящая у него вещь – «Дурная бесконечность».

Наука – это всегда две противоборствующие теории. А разгребать приходится потомкам. Коперник и Птолемей – ну зачем они спорили, кто их стравил? Квантовая механика против теории Эйнштейна. Зачем? Кому это выгодно? Дарвин против Вавилова. Вавилов с его гомологическими рядами, конечно, прав. Какой Дарвин, вы что?»

Вот такой конспект получился у Геннадия Петровича. Восклицательные знаки стояли напротив рекомендованных книг. Ему подсказали хорошую книжную лавку в Риге, туда он и собирался отправиться в ближайшие выходные.

Геннадий Петрович записывал не отрывочные фразы и тезисы. Он фиксировал еще и прямую речь, обороты лектора. Как его и учили, он старался анализировать оговорки, парадоксы, а также языковую палитру языка – бедна ли она или богата?

Конспект Веры Марковны

История – это цепь непрерывных фальсификаций, запечатленных на бумаге.

Информационный репликант – аналог конструкта ДНК.

Чем > тираж, тем > выживаемость информации.

Радиоуглеродный анализ – не больше трех с половиной тысяч лет давности.

Семнадцатый век – Россия. Пятнадцатый век – Европа.

Книгопечатание – Гуттенберг – пятнадцатый век.

Библия – тринадцатый век. Первая Библия – немецкая, вторая – латинская, третья – греческая.

Книга – основа унификации жизни.

Письменность – десятый век.

Каббала – все обо всем, магия цифр.

Морозов – датирование по гороскопам.

Тринадцатый век – древние греки, Египет.

Пятнадцатый век – Ренессанс.

Помпенацци – филолог, пятнадцатый век – автор Тацита и др.

!!! «Площадь свободных событий». Или Филатов.

!!! Мумзиан – «История древнего мира».

Семнадцатый век: Россия, Индия, Китай, моголы.

Иван Грозный – Василий Блаженный – Семион Бегбулатович – Федор – Борис Федорович – Дмитрий. Романовы.

!!! «Радзевилова летопись»

!!! Мусин – Пушкин – «Слово о полку Игореве»

!!! «Задонщина»

Ост – Индская компания – насаждение идеологии для упорядочивания и ведения торговых дел.

Египет: колонизирован Англией и Францией. Мумии – девятнадцатый век.

Церкви «а ля рус» – девятнадцатый век.

??? Остров Даманский – хунвейбины, 1???72 год, после Мао – уточнить».

Вера Марковна как привыкла конспектировать в школе, так конспектировала и в университете, и на семинарах. Ни о каком анализе оговорок она не задумывалась. Обмахивалась «Десятью золотыми

правилами...» как всером. Однако, также как и Геннадий Петрович, Вера Марковна помечала к прочтению неизвестные ей книги.

Конспект Игоря

Смотреть:

Яков Протазанов – «Праздник святого Иоргена» и «Процесс о трех миллионах»

«Глупец и его деньги»

«Плутовство»

Читать:

Владимир Ленин – «Капитализм – как последняя стадия империализма»

«Лента Мебиуса»

Мартин Арни – «Четвертый позвонок»

Николай Носов – «Незнайка на Луне»

Мартин Лютер – «О церкви»

«Симплициус»

Вальтер – «Кандида»

Екатерина Вторая – пьеса «Обманщик»

Мао Цзэдун – «О задачах... (неразборчиво)» и «Теория культурной гегемонии»

Кара – Мурза – «Манипуляции сознанием»

Климов – «Имя мое легион» (1-ая книга)

А.А.Зиновьев – «Информационная война против СССР»

Гиппиус – «Гимнастика чувств»

Рассел Аков – «Искусство решения проблем» (опять неразборчиво, предположительно – «экономика», «консалтинг»)

Ирвин Ялом – «Когда Ницше плакал»

Эмере – «О целеустремленных системах»

У Игоря уже столько набралось памяток к обязательному чтению, просмотру, прослушиванию, знакомству, посещению, что, кажется, не хватит и пяти жизней, чтобы все это успеть. Однако он придумал способ находить самые приоритетные к чтению, просмотру и так далее экземпляры. Если он встречал повторную рекомендацию, он помечал пункт красным. Если же рекомендация от уважаемых Игорем людей каким – либо образом указывала на уже отмеченную приоритетную вещь – он мчался в магазин или лавку букиниста, за фильмами – на торренты. Причем Игорь стал замечать, что в букинистические магазины он стал ходить чаще – не

было рекомендуемых книг в обычных магазинах.

Королевское знакомство

Балтийский берег: вид из кафе

28 июля, день пиарщика. Чудесным образом праздник российских пиар – специалистов совпал в этом году с Днем крещения Руси. Геннадий не пошел на лекции, решил напиться на берегу Балтийского моря.

Геннадий не запоминал этот праздник с помощью с автоматического календаря в телефоне. Дни рождения друзей, дни рождения детей друзей, профессиональные праздники и всяческие годовщины позволяли Геннадию Петровичу всегда быть зачастую первым, кто поздравил. Но День PR – специалиста он принципиально «забывать» в напоминалку не хотел: «Если никто не будет помнить про профессиональный праздник, ни коллеги не напомнят, ни я сам тем более – то зачем вообще этим заниматься?»

В этом году Геннадий Петрович про праздник не забыл. Расположился на Балтийском берегу в любимом кафе.

– Пумипон Адульдет. Король Таиланда.

– Очень приятно. Геннадий Петрович Штыкленников. – «Очень приятно, Царь. Царь пиара», – подумал Геннадий.

Хоромы тайского царя больше похожи на убранство дома на Рублево – Успенском шоссе времен начала «нулевых». Какие – то нелепые кондиционеры, светильники, большие экраны, полуавтоматический бар, пульт управления а – ля «умный дом». Шарму добавляли золотые фигурки древних божков, которые и то кричали: «Я дорогой! Я с Черкизоны!»

Однако разговор Геннадия Петровича заинтересовал. Он все пытался уточнить, почему при участившихся государственных переворотах в этой теплой душной стране с низкими ценами король не меняет своего статуса и, вообще, кажется не у дел. Но это только казалось.

Пумипон Адульдет томно вещал:

– Прерогативы короля следующие:

право быть полностью информированным;

право на тайну беседы;

право «дать совет»;

право собирать «верхушку» и «дать высказать полярные мнения» без цензуры;

право помилования;

право учредить награду, предоставить политическое убежище, выдать индульгенцию;

я – главнокомандующий;

я – глава разведывательной службы.

– Так это и есть настоящая власть. – Геннадий Петрович высказал мысль, которая оформилась очень ясно после этих правовых аксиом.

«Эти права можно не соблюдать. А поди – ка попробуй – не соблюди права Короля», – подумал Геннадий Петрович. – А, давайте выпьем за российских пиарщиков!

Все же короли, президенты, премьеры – пиарщики. Согласитесь, уважаемый? Даже не то, чтобы пиарщики, ну если только как «лицо страны». Они же по большому счету, все теле – звезды. Если посчитать, сколько они проводят на экране ТВ, в газетах, на радио, в он – лайне и так далее, то логично ставится вопрос: «Когда управлять страной? Когда работать с документами?» Выход один – как бы заболеть. Но тогда теряется имидж «здорового главы государства»... Ничего не понимаю. Вот Сильвио Берлускони – по легенде бывший мафиози из строительства. А на самом деле – бывший народный артист. Рональд Рейган в рекламе «Мальборо» снимался.

Ну, что ж говорить! Короче, с Днем пиарщика!

– Российского пиарщика, прошу уточнить. – Сказал степенно Король. – Нет, кстати, президенты – это пиарщики, но короли... Про президентов пишут газеты, а про королей – книги. Разница, согласитесь, есть. Так вот, международный день пиар – специалиста празднуют 3 марта.

– А давайте об истории поговорим! – Встрял Геннадий Петрович. – Вот что, всегда эти президенты – пиарщики нужны были?

– Когда было аграрное общество, деревня, нужна была традиционная власть. К тому же, СМИ особых не было. Сильной рукой мочи козлов, строй, пори и так далее. Когда же урбанизация достигла в мире восьмидесяти процентов, появились другие модели. В традиционной семье, как и в традиционной власти, приказы отдавал отец. Мотивация – ремень, кулак. А сейчас главы семьи, в основном, мамы. Власть сегодня с ними не коррелирует. И поэтому – имитирует прошлые образцы. Вот и понадобились для этого президенты – пиарщики.

Хороша власть, например, в Англии. Есть государство – монолит на международной арене. Есть фактическое разделение власти. И есть реальное положение дел – конституционная монархия, тайный совет.

– А я вот хочу изменить мир! Король, посоветуйте. Я и эту систему с удовольствием поменяю. У себя в стране звезды на всех министерствах заменю. Летнее и зимнее время отменю. Много хочу сделать! Как начать? Дайте совет, пожалуйста. – Геннадий жаждал «королевского совета».

Король был невозмутим, но под конец речи начал возмущаться:

– Схема простая, как и везде. Завоевывать мир нужно постепенно.

Сделал шаг. Смотришь, наблюдаешь отклик среды. Ловишь кайросы, продвигаешься дальше. Есть сопротивление? Обсуждаешь. Выходишь на конфликт или уходишь – дело вкуса. И ищешь другие варианты. Если плыть по реке, выплывешь в море. Далее чувствуй, где теплее. Так, в конечном счете, постепенно выплывешь в Рай, Гольфстрим. Запомните, главное двигаться, двигаться до продолжения сопротивления. А то болото «стабильности» затащит.

– А если не продавишь своего интереса?

– Продавишь. Продавишь! Мужчина, вставайте!

– Ты весь диван. Это ненатуральная кожа! – Геннадий сквозь сон расслышал знакомый голос Веры Марковны. Она вернулась после лекции в любимое кафе с видом на море. Геннадий Петрович спал, забравшись с ногами на угловой диван. Пьяного, она отвезла его в коттедж на такси, ждать которое пришлось тридцать минут из Риги.

Быстрее бы пешком дошли.

– Вера, а кто нас все – таки убил? Дырки от пуль, у тебя, у меня? – Геннадий остановился на пороге дома.

– Потом разберемся. У лектора спросим. А сегодня тебя убил неразбавленный «Рижский бальзам».

Рига – Вильнюс – Рига и аудиокнига

Геннадий Петрович собрался в дорогу очень быстро.

«Едь со своим перегаром куда подальше. Вот, записочку важному человеку передашь» – «Я вам в водители не нанимался» – «Давай, дуй с глаз долой. Seriously, дело срочное, такое доверить больше никому нельзя. Надо передать вот этот секретный пакет». Геннадий бросил на заднее сиденье.

Куда? Зачем? Почему я? – «Инструкции получите по прибытию».

Ехать предстояло одному. Вера Марковна и Игорь были на занятиях, в попутчики метила только аудиокнига.

Геннадий давно для себя отметил, что время за рулем нужно проводить с пользой для ума. Но всегда что – то «мешало»: модный диск, красивые виды за окном, попутчики и попутчицы. В бардачке скопилась порядочная стопка аудиокниг: история, художественная литература, ускоренные курсы японского языка. Особое место в этой пока не востребованной коллекции занимали записи «Фрэнки – шоу». Геннадий скачал их по совету друга почти год назад, когда собирался в какую – то дальнюю дорогу. Но как – то не случилось их включить. Несмотря на то, что заголовки аудио – дорожек от радио – безумца Фрэнки были многообещающими: Геббельс, Наполеон, Гитлер, Джонатан Свифт, Виктор Пелевин, Виктор Суходрев.

«О, Виктор Суходрев! Советский переводчик. Друг Фрэнка Синатры, президента Кэннеди. Интересная личность, особенно для пиарщика». Вообще родство профессий пиар – специалиста и переводчика Геннадий заметил давно: и тот и другой должны быть незаметными, оба – коммуникационные посредники, и многое другое. «Начну с Суходрева. Следующий Геббельс», – решил Геннадий, протер диск и включил магнитолау.

«В мире есть не одна древнейшая профессия. И не две, как принято думать, употребляя это словесное клише с оттенком продажности, грязи и лицемерия... Есть еще одна, такая же древнейшая профессия, которая хотя и родилась благодаря человеческой гордыне, является образцом профессиональной интеллигентности, тонкости и такта и вершиной владения не только телом, но и головой, а именно – ее ротовым отверстием...

Все помнят Библейскую легенду о Вавилонской башне? Я напомню ее вам, в назидание!

Люди жили на земле одной большой семьей, их было не так что бы много, но и немало. И все они – и афроамериканцы, и китайцы, и индейцы, – все понимали друг друга! Но им было мало знать других, воспитывать детей, жить, познавать себя, в конце концов. И глупые люди решили познать самого Господа Бога! Им в головы не пришло ничего более интересного, как добраться до Бога пешком. Вверх. По ступенькам башни. Самой высокой башни на земле – Вавилонской башни. Конечно, Господь увидел это чудо архитектуры, дал достроить очередное «чудо света» больше чем наполовину и... Разрушил ее до основания! Конечно, это не очень достойный «асимметричный ответ» глупым людишкам, и Бог не был бы Богом, если бы не придумал наказания поинтересней! Он сделал так, что люди перестали понимать друг друга! Благодаря разрушению Вавилонской башни на земле появилась новая работа не только для строителей, но и – для филологов, преподавателей иностранного языка и, конечно же, для нас, дорогие мои. Для будущего меня!..»

«Звучит заманчиво, – подумал Геннадий Петрович. – Как же прекрасно жить! Сколько книг хороших не прочитано. Сколько фильмов отличных не пересмотрено. Аудиокниги. Столько добра! Можно поехать в любую страну. Можно пообщаться с любимым, каким захочешь, человеком. Просто счастье. Жить – хорошо!» Геннадий улыбнулся. Пустая дорога радовала покрытием. Кондиционер работал исправно. Чистая машина. Крейсерская скорость. Как тут не задуматься о счастье?

Фрэнки продолжал:

В детстве мне хотелось быть летчиком. Англия – страна моего детства – использовалась союзническими войсками как большой остров – аэродром, так что авиационной техники я навидался. Я даже имел колоду карт, на каждой из которых был изображен силуэт конкретного самолета: «летающая крепость», «либерейтор», «галифакс» и другие, в том числе немецкие. Такими картами пользовались английские авиаторы и зенитчики для тренировки в распознавании.

Жили мы в Лондоне, далеко от советского торгпредства, где работала моя мама, и это обстоятельство в какой – то мере предопределило мою дальнейшую судьбу. Дело в том, что мама весь день находилась на работе, а я постоянно был в окружении только англичан. Поэтому я очень легко и быстро усвоил английский язык – выучил его настолько, что через несколько месяцев после нашего приезда говорил на нем уже лучше, чем на родном.

Приехали мы в Англию в начале августа 1939 года, а месяц спустя началась Вторая мировая война. Для меня, шестилетнего мальчика, начало

войны прошло, по существу, незаметно. Разве что, от своих английских сверстников я узнавал, что их отцы были призваны в армию. Только через год, в августе 1940-го начались первые воздушные налеты немецкой авиации.

Бомбежек я насмотрелся вдоволь. У нас, мальчишек, все карманы были порваны собираемыми осколками. Предметом моей особой гордости была целая несработавшая зажигательная бомба, из которой кто – то уже извлек смертоносную начинку. ...Когда налеты стали особенно интенсивными, советских детей эвакуировали в местечко неподалеку от Челтенхэма, где не бомбили. Налеты совершались, в основном, на Лондон и другие крупные центры, в частности на Ковентри. Он был разрушен до такой степени, что склонные к изобретению новых слов немцы придумали глагол «kowentriren» – «сровнять с землей».

Мама позже вспоминала, что впервые появившись в бомбоубежище для советских сотрудников с семьями, где было много детей работников торгпредства, я поначалу плохо понимал их и все время спрашивал у нее: «Что они говорят?».

Известно, что в раннем возрасте дети очень быстро воспринимают языки. Мне, шестилетнему, было достаточно нескольких месяцев погружения в английскую языковую среду, чтобы основательно подзабыть родную речь. Разумеется, потом я ее восстановил, но факт остается фактом – я рос все – таки английским ребенком.

Мы задержались в Англии на целых шесть лет – вплоть до капитуляции Германии. Мы с мамой уехали оттуда в сентябре 1945-го. Мы плыли пароходом через Стокгольм. Я не очень представлял, какая жизнь ждет меня впереди, но уже твердо знал, что буду тем, кем я решил.

Я продолжил учебу в Москве в 135-ой мужской средней школе в Малом Гнездиловском переулке. Туда в пятый класс и привела меня мама. Должен сказать, что я тогда впервые надел длинные брюки, а на протяжении всего своего английского детства я носил, на английский же манер, короткие штаны. Первый удар, постигший меня в школе – строжайший приказ постричься наголо. Я стал протестовать, но быстро понял бессмысленность протеста – и меня постригли под ноль в считавшейся тогда шикарнейшей парикмахерской гостиницы «Националь».

В школе в качестве иностранного языка преподавали английский. И с первого же дня молодая учительница поняла, что на ее уроках мне делать нечего.

После окончания школы в 1951 году я успешно поступил в Институт иностранных языков, где первые три года учил французский язык,

одновременно сдавая все экзамены по английскому.

Цепь некоторых событий, отчасти случайных, привела меня к тому, что обо мне рассказали Олегу Александровичу Трояновскому, в то время основному и очень известному переводчику, который работал в МИДе. К тому моменту он уже тяготился своей переводческой нагрузкой, хотел перейти на нормальную дипломатическую работу и искал себе замену. Я и по сей день считаю его своего рода крестным.

Кому – то может показаться, что моя профессия более прозаична, менее остра и романтична, нежели работа летчика, которым я хотел стать в раннем детстве. Будущее показало, что это не так».

«Будущее – будущее. Кто знает, что оно покажет? Вот, говорят, судьба... А нет судьбы. Так же, как у жизни нет смысла – есть только причина. Судьба – это просто развертывание установок на жизнь».

Из – за крутого поворота показалась стоящая на обочине полицейская машина. Махнули жезлом, свисток. Геннадий остановился.

ГАИ Юлий Цезаревич

Гаишники попортили Геннадию Петровичу немало крови. Эти, в общем – то, одноклеточные существа в одинаковой одежде, обрюзгшие, уставшие, пропахшие городским смогом и выхлопными газами, часто психологически обставляли самого главного пиарщика Москвы. Было просто обидно расставаться со своими честно заработанными денежными купюрами ради людей, которые блюдут, но при этом сами редко соблюдают, более чем условные правила, написанные и сто раз переписанные в тоненькой брошюрке. «А давайте, я какую –нибудь белиберду напишу – типа ходить только в головных уборах – и буду смотреть, кто это не соблюдает, штрафовать. Да у меня внутри все протестует, когда я ничему и никому на дороге не помешал, а эти ублюдки мне чего – то там предъявляют!» – быстро пронеслись сто раз обдуманые экзистенциальные мысли Геннадия Петровича.

Гнев закипал, но сердце уже не замирало при виде «продавцов полосатых палочек и уродских фенов». Гнев надо было быстро гасить, чтобы сохранить боеспособность. Геннадий Петрович вспомнил случай, который ему рассказывал Фридрих Иванович, аналитик «РосПиара», когда – то постоянно проживавший в Ленинградской области.

Ехал однажды Фридрих Иванович по какой – то почти проселочной дороге, без прав, что называется, «немного нагруженный» и без талона техосмотра. Он любил решать проблемы без денег – кучей бумажек: этому написать, что «тот мудак и плохо несет службу», тому написать, что «это мудак и вообще на работе болт забивает». На Фридриха Ивановича смотрели, как на сумасшедшего – склочник всегда получал свое. Он все решил в этом году, кроме получения талона технического осмотра. Но при этом права забыл дома, хряпнул сто фронтных грамм и поехал расслабляться на дачу. Машина была дорогая, престижная, вся тонированная, немного грязная, номера так вообще были заляпаны ленинградской грязюкой.

С одной стороны, штрафовать или «доить» Фридриха Ивановича можно было по полной программе. Но с другой стороны, он тогда бы не был Фридрихом Ивановичем. Но вот злой демон решил испытать судьбу склочника – на дороге возник экипаж ГАИ. Взмах жезла – остановка с визгом тормозов.

– Второй батальон ДПС. Сержант Юрий Семенович Гари. Ваши

документы.

«Прям ГАИ Юлий Цезаревич. Ужас», – прочел по губам Фридрих Иванович. И попробовал применить жест, используемый кем – то из товарищей, приближенных к Обкому. Он открыл на окно на одну четверть, высунул руку ладонью вверх, щелкнул пальцами: «Мол, ваши документы!»

Гаишник растерялся, посмотрел по сторонам, напарник был занят переговорами по рации. Пожал плечами и начал рыться в карманах куртки. Достал документы, протянул в окошко Фридриху Ивановичу. Он повертел их в руках не больше десяти секунд: «А то подумает, что переписываю. А я чисто так, проверяю», – и вернул.

– Все в порядке. – Единственная фраза, которую произнес Фридрих Иванович за всю встречу, стараясь не дышать в окно.

Гаишник отдал честь. Окно закрылось. Машина тронулась.

«Они же – инфузории – туфельки, – уверял собеседников Фридрих Иванович. – Если перед гаишником водятел – его надо «иметь». Если начальник – надо «подставлять жопу». Я просто показал, что перед ним начальство. Тумблер у всех сотрудников органов Министерства внутренних дел переключается подобным образом».

Геннадий Петрович затормозил. Открыл окно наполовину.

– Ваши документы.

Разговор велся на английском.

– А ваши документы? – Попробовал сопротивляться Геннадий Петрович. Сейчас скажет: «Я первый спросил» и что делать?» – начал опасаться он. Видимо, страх полицейскому передался, и он рванул в наступление.

– Мне повторить?

Геннадий Петрович протянул пачку документов.

– Москва, что ли? Фамилию вашу не разберу. Shtyk – le...

– Штык. – Геннадий Петрович почему – то решил произнести свою университетскую кличку.

– Штык? Тут вроде букв побольше.

– Штык. Пять букв. Окей? Пу – тин. Пять букв. Окей?

Полицейский «завис». Протянул обратно документы. До предъявления нарушения скоростного режима дело не дошло.

– До свидания. – Геннадий закрыл окно. С визгом тронулся. Позволил улыбнуться: «Вот ведь, не думал, что случай из анекдота сработает! Юмор – наше все». Согласно народному юмору гаишник должен был отчитаться напарнику, почему он его отпустил: «Однофамилец Путина».

Геннадий расплылся в блаженной улыбке победителя окончательно.

Включил магнитолау, Фрэнки продолжал в образе великого переводчика продолжал:

«Я пришел на работу в МИД уже после исторического поворота в биографии нашей страны. Я имею в виду доклад Хрущева на 20-м съезде Коммунистической партии Советского Союза, где он развенчал Сталина.

Впервые я увидел Хрущева в 1956 году, без малого через месяц после поступления на работу в Бюро переводов МИДа. В начале зимы, помнится, отмечали национальный праздник Албании. Здание посольства было небольшим, и поэтому албанцы решили устроить прием в гостинице «Метрополь». Я работал на этом приеме.

Приехали мы к самому началу приема. Гости постепенно собирались. Вдруг широко раскрылись двери. Вспыхнули софиты. Застрекотали кинокамеры. Все повернулись к входящим в зал. Никогда не забуду этот момент. В зал входили «ожившие портреты» – люди, которых я с детства привык видеть на полосах газет, на плакатах, висящих на фасадах зданий, во время демонстраций. Хрущев, Маленков, Каганович, Молотов, Микоян. Вот они – в трех метрах от меня...

Первое впечатление – все они одинаково невысокого роста. Все сверх нормы упитаны, за исключением, пожалуй, довольно худощавого Микояна. В одинаковых костюмах темно – серого цвета, белых рубашках с какими – то незапоминающимися галстуками. Они прошли в зал, где были накрыты столы. И началась моя работа. В общем, первое впечатление – Хрущев хороший, нормальный мужик. Все «ожившие портреты» на том приеме открылись с неожиданной стороны – доступные, улыбчивые, общительные.

Вот таким было мое боевое крещение. Мне было 23 года, и я еще способен был идеализировать многое, восхищаться многими. На следующий день – снова прием. И снова я рядом с Хрущевым. Правда, сам прием я плохо помню, как и многие другие приемы, встречи, беседы. Ничего не записывал. В молодые годы не думаешь, что когда – нибудь сядешь писать мемуары...

Встречи с сильными мира сего стали просто работой. Со временем я уже стал почитать за счастье, когда меня не посылали вечером на очередной прием, и я мог, как все люди, после рабочего дня идти домой.

На одном из приемов – в английском посольстве на Софийской набережной – я был рядом с Маленковым. Он разговаривал с послом Великобритании, и тот поднял бокал за здоровье советского руководителя. Маленков в свою очередь выпил за здоровье посла. Потом они выпили за здоровье королевы. Маленков обернулся ко мне:

– Давайте теперь выпьем за Ваше здоровье.

«Вот, – подумал я, – какие у нас, однако, человечные руководители». А через несколько месяцев Маленкова назначили директором Усть – Каменогорской ГЭС. Перевели на другую работу, так сказать.

ШОУ – ТАЙМ...»

Лосенок

Литовские леса и поля неслись в окне с приличной скоростью. Полуденный асфальт уже начал показывать миражи – дорога, как будто плавилась на горизонте. Магнитола голосом сумасшедшего Фрэнки продолжала рассказывать о советских лидерах глазами переводчика. Речь уже шла о Никите Сергеевиче свет Кукурузове:

«Помню интервью, которое состоялось у Хрущева с Уильямом Херстом – младшим, сыном владельца крупнейшей газетно – издательской империи США, одного из королей медиа. Я впервые так долго работал – интервью длилось около четырех часов. Хрущев сразу сказал – «Сколько нужно, столько я Вам времени и уделю». Журналисты не поверил своему счастью. Но было поставлено условие: публикация интервью полностью, без купюр.

В меру своего понимания Никита Сергеевич на все вопросы давал исчерпывающие ответы. Считая, видимо, про себя, что он просто ведет курс ликбеза с этими «безграмотными капиталистами».

Когда заранее заготовленные вопросы иссякли, журналисты стали выдумывать на ходу самые неожиданные. Помню один – об отношении коммунистов к религии. Вы, мол, коммунисты – атеисты, а как быть тогда с множеством людей во всех странах, которые верят в Бога? Хрущев пустился в рассуждения:

«Вот читал я еще в юношеские годы рассказ. Не помню, правда, чей. И там была изложена такая история. Шел путник по дороге. Его подкараулили разбойники. Двое. Напали на него и убили. Шли – шли, устали и решили сделать привал, а заодно и посмотреть, что в котомке убитого имеется. Нашли кусок сала. Один вытащил нож и начал сало это резать. Сейчас, думает, закусим. А второй и говорит: «Нельзя сегодня. Сегодня – пятница – день постный». Вот вам и вся религия: человека зарезали, а мясное есть не стали – религия – де запрещает».

Кстати, автора и названия рассказа, который читал Хрущев, ни Институт мировой литературы, ни Пушкинский дом в Ленинграде, ни Союз писателей не нашли. Так никто и не узнал, что за рассказ читал в юности Хрущев. И уж конечно, осталось тайной, читал ли он его вообще. ТРАМ – ТАРА – ТАРАМ...

В 99 случаях из 100, когда со мной встречаются журналисты, они просят рассказать про «Кузькину мать». Понимаю. Но «закрывать тему» мне

никогда не удастся – то ли журналисты стали неумными, то ли не начитанными, а может, такими они были и всегда... Одним словом, дело было так...

В связи с отменой поездки Хрущева в Диснейленд организовали автомобильную экскурсию по Лос – Анджелесу. Хрущев с интересом посматривал направо и налево. И, конечно же, заметил американок, щеголявших в шортах. Для Лос – Анджелеса это совершенно обычное явление, Хрущев сказал:

– Интересно тут у вас... Женщины в коротких штанишках. У нас такое не разрешили бы.

Он не разъяснил спутникам, кто такие те, которые «не разрешили бы»... ТРАМ – ТАРА – ТАРАМ...

Насмотревшись из окна автомобиля на частные дома Лос – Анджелеса с ухоженными лужайками перед фасадами, с непременноми авто у каждого дома, Хрущев высказался:

– Да, конечно, все устроено аккуратно, чисто, люди хорошо одеты... Но ничего. Мы еще покажем кузькину мать...

«Кузькина мать» – одно из любимых выражений Хрущева. По – моему, публично в первый раз он употребил его несколькими месяцами раньше в знаменитом «кухонном споре» с тогдашним вице – президентом США Ричардом Никсоном. Случилось это при осмотре первой Американской национальной выставки, которая разместилась в московском парке «Сокольники».

Геннадий вспомнил, как он почти три года жил рядом с великим московским парком, парком, где охотились цари. «Вот было время», – мечтательно начал думать Геннадий Петрович, но его отвлек звук неясного происхождения: «Пик – пик», и что – то красное загорелось на панели управления. «Бензин, сука, кончается. Надо же! Никогда в жизни не кончался! Ну, еще километров тридцать протяну», – решил Геннадий Петрович, но на всякий случай выключил фары ближнего света (что в Европе не допускалось), нажал «офф» на магнитоле и решил убавить кондиционер. Через десять километров он выключил охлаждение совсем.

Не дотянул.

Машина самозаглушилась, руль резко стал неповоротливым без гидроусилителя, Геннадий завернул на обочину. Обочины – гордость Прибалтики – заасфальтированные, непыльные, почти как многие российские дороги. Сразу за обочиной начинался зеленый ковер даже не пожухлой травы – машин – то мало. А через пять метров – уже хвойный лес. Был почти полдень, солнце разогревало чистый лесной воздух, и он

наполнялся ароматами детства, а именно, пионерского лагеря. Запах был сладок, приятен, так как маленький Геннадий много времени провел в этих детских лагерях. Он знал одного парня, из соседнего класса, который часто попадал с ним в одну смену. Ему с вожатыми не везло, и запах смолистых сосен и солнечной хвои у него ассоциировался с лагерными лишениями и унижениями, попросту его тошнило.

Геннадий вышел из машины, потянулся, посмотрел назад, бросил взгляд вперед – решил ждать попутных машин, чтобы добраться до заправки. И вдруг из леса выбежало нечто. «Лось, что ли? Да нет, маленький. Олененок или лосенок. Вот это да! Ради этого бензину стоило кончиться именно здесь!» – Геннадий просветлел в мыслях. Хотел подойти поближе, но лосенок несколько секунд посмотрел на нежданного гостя, топнул копытцем и прыгнул обратно в лес.

«Даже на мобильный телефон забыл снять. Ну ладно, думаю, мне и так поверят – не враль», – Геннадий направился к машине, чтобы включить «аварийку». Надо было ждать попутчика.

Из – за поворота показалась легковушка, старенькая иномарка. Геннадий махнул рукой, машина проехала мимо, но оттормозилась метров через пятьдесят, дала задний ход.

Внутри обнаружились грибники. Четыре хлопча ехали с полными корзинками в сторону Вильнюса, уже порядочно под хмельком, не исключая в меньшей степени и водителя.

– Братаны, бензин закончился. Не подкинете до заправки?

– Садись!

Мудрость дальнобойщика

Геннадий Петрович без проблем залил бензин в канистру, точнее – пластиковую пятилитровую тару, которую сами заправщики и предоставили. «Понимаем, тут такое часто случается».

Геннадий лил дорогуций евро – бензин на фактически европейской заправке, но система отпуска была такой же, родной и понятной. Не успев нажать на пистолет, цифры полетели бешеным аллюром как в игровых автоматах и спустя доли секунд, но вполне поддающиеся счету, начал заливаться усиливающейся струей бензин. Цифры летели как обычно, но к концу процесса струя уменьшилась, а под самый занавес вообще превратилась в капли. Цифры же работали как часы. – «Вот и тот самый гарантированный недолив. Теперь понятно, почему в пластиковую тару нельзя отпускать – она просто прозрачная, все махинации очевидны».

Спорить Геннадий не стал. В конечном счете, его выручили. Он даже оставил чаевых. «Вот это по – русски, – поймал себя на мысли Геннадий Петрович, – дали лажу, а ты еще и благодарен. В хлебало, по идее, надо давать, а не на чай. Ну да ладно».

Теперь надо было добраться до покинутой машины. На заправке завершал кормление хозяин большой двух – прицепной коровы: на тенте были нарисованы заливные луга и пасущиеся стада – отсюда и ассоциация.

– Молочник, подкинешь километров пять? У меня бензин кончился, вот – набрал, надо обратно.

– Без проблем. Залезай. – На чистом русском ответил молочник, хотя номера были польские.

Геннадий Петрович впервые оказался в кабине настоящего дальнобойщика. Он и сам одно время, после нескольких поездок на тысячу и две с половиной тысячи километров, начал мечтать о карьере дальнобойщика. Но когда ему рассказали на Интернет – форуме, что с заменой одновременно даже четырех баллонов в дождь не сравнится ни одно удовольствие на свете, Геннадий как – то поостыл и на редких популярных ресурсах для дальнобойщиков (больше, конечно, для логистов, выросших из дальнобойщиков) не общался.

В «комнате» шофера было, в принципе, уютно, но грязно, как в холостяцкой берлоге. Чайник какой – то, мятые журналы, пустые бутылки, диски, три мобильных телефона, надорванная упаковка презервативов и водительские прибабасы: рация, радар – детектор, часы с секундомером,

карта и прочее.

– Слухай, а чё самолет с вашим президентом упал? Какие в народе настроения? – Геннадий Петрович решил сразу перейти к вопросам политическим. Потому что про закончившийся бензин мужику на траке от мужика с пластиковой бутылкой и налитой туда желтой жидкостью ничего объяснять было не надо.

– А чё, ну чё, чё тут скажешь? На русских думать – это как в лужу пердеть – слишком логично. Спецслужбам других стран это падение вообще параллельно. Нет интересов. Я думаю, как. Ведь на земле же не только есть воля спецслужб, воля народа, или там коммерция. Есть же еще и Бог. Черт их знает! Может, просто случайность – хоп!

– Слушай, в натуре. Я даже и не думал. – Геннадий повертел головой. Увидел над козырьком, защищавшим от света, не иконку, как у всех водителей это обычно сделано. Там висела бумажка – миллиметровка с аккуратно написанными фразами: «Не тормози. Не жалея. Не ругай».

И дальше неразборчиво, хотя бумажка и была заламинирована вручную – прозрачным скотчем. «А водила не так прост!»

– Не верь, не бойся, не проси?

Дальнобойщик ухмыльнулся:

– Твоя машина?

– Ага.

– Ну, бывай!

– И тебе доброго пути.

Новые друзья разве только не обнялись. Геннадий зачем – то протянул визитку.

– Хорошо, – еще, но уже добрее и вежливее улыбнулся дальнобойщик. – Виктор Степаныч меня зовут.

– Пока, Виктор! Даст Бог, свидимся.

Геннадий направился к своей машине. «Какое удивительное утро, какой денек! Лосенок, дальнобойщик...» – Геннадий любил неожиданно приятные знакомства. Все же к дальнобойщикам он испытывал противоречивые чувства. Терпеливые ребята, уж очень терпеливые – от маршрута отклоняться нельзя, в пробках по обочинам не разгонишься, все хотят «откусить» что – то от груза. Ну что делать? Геннадий бы не вытерпел столько лишений в узких прокрустовых ложах неремонтированных российских дорог.

Мать Кузьмы

Геннадию Петровичу теперь предстояло заправить несчастные пять литров из пластиковой бутылки в самозакрывающийся бак иномарки. Он поискал на земле что – то вроде прутика – нашлась погнутая спица использованного электрода. «Кто ищет, тот всегда найдет», – в эту истину Геннадий верил свято. Порой, свято до безобразия. Однажды, в кризисный 2008 год, начав искать деньги на земле, он не мог остановиться до сих пор. Надо сказать, это стало уже его личной приметой.

Деньги – такая штука: когда они нужны, их нет. Когда есть, смотришь на эти пачки, скрепленные небрежно чуть ли не резинкой от трусов – уже и желания – то особого пользоваться и пользоваться, и использовать их по полной программе – нет. Как с женщинами, одним словом. Когда ты к ним безразличен – к деньгам и к женщинам, – вот они, пожалуйста. Валяются под ногами. Примета Геннадия Петровича состояла в следующем: если на земле оказывалась монетка – обычно достоинством до пяти рублей включительно, новыми десятирублевыми желтыми кругляшками еще никто не начал разбрасываться, – значит к небольшой прибыли. Если на земле обнаруживалась банкнота – к хорошей прибыли. Самое большое, что удавалось найти Геннадию, это сторублевые российские деньги. Через неделю он заключил контракт на пятьдесят миллионов рублей. Доллары и евро Геннадий Петрович еще ни разу не находил.

Электродом была бережно вогнута вовнутрь заслонка в топливном бачке. «Эх, поддержать бы кому», – мечтательно подумал Геннадий. Но трасса была пуста, даже животных не наблюдалось.

Пяти литров хватило с лихвой, чтобы добраться до той же самой заправки и залить полный бак. Геннадий не преминул оставить чаевые. Сел, поехал. Продолжил слушать аудио – книгу. До Вильнюса оставалось километров сто двадцать, сто сорок.

«Я был в это время с Громыко в Женеве. Мой коллега Юрий Лепанов, сопровождавший в тот день Хрущева, придерживался своего способа перевода идиоматических выражений: сначала все дословно переводил, а затем уже разъяснял. И тогда, на выставке, он сперва перевел «мы вам покажем мать Кузьмы», а потом пытался объяснить, что это значит, но кажется, не очень удачно.

Узнав об этой истории, а также вспомнив свой опыт общения с Хрущевым, я сделал вывод, что Никита Сергеевич вкладывал в это

народное выражение совсем другой смысл, нежели растолкованный Далем как «наказать, сделать зло». Показать кузькину мать – в его понимании – означало показать свою силу, лихость, дать жару.

Как раз в данном смысле я перевел полюбившееся ему выражение во время поездки по Лос – Анджелесу. Хрущев вдруг сказал мне:

– Ну что, небось, опять не так с «кузькиной матерью» получилось? А это очень просто. Ты объясни – это значит показать то, чего они никогда не видели. – Оказалось, я был прав. Жаль, что Никита Сергеевич только мне одному, а не широкой публике, растолковал то особое, личное, а не словарное значение любимой фразы.

«Мы вас похороним» – второе любимое выражение, на которое «клюют» журналисты. Что он имел в виду, когда произносил его? Да, всего – навсего лишь объяснение исторической неизбежности победы социализма над капитализмом. Кто – то же должен «хоронить труп» умершего своей естественной смертью капитализма, в конце – то концов?

Удивительное дело, но фразе Хрущева о «похоронах», видимо, до сих пор суждено оставаться непонятой. Ладно несведущие западные журналисты, но даже у нас ее переводят уже обратно – с английского «we will bury you». Получается – «мы вас закопаем». А Хрущев вообще этого не говорил! Вместо чинного могильщика в цилиндре явился грубый мужик с лопатой. Вот она, сила слова, переведенного слова.

Да – да, еще все помнят историю с башмаком. Вообще, веселая тогда была Ассамблея в ООН, 1960–ый год...

Да, он стучал башмаком по столу. Это был даже не ботинок, как писали потом многие газеты. Хрущев очень любил башмаки, что – то наподобие сандалии, с несколькими ремешками на носке... Дааа. Тупоносую коричневого цвета обувь Никита Сергеевич тогда любил носить в теплую погоду. Но я отвлекся.

В зале прямо перед Хрущевым сидела делегация франкистской Испании. А перед его отъездом из Москвы пребывающая в эмиграции в СССР Долорес Ибаррури, деятель испанского и международного движения, обратилась к нему с просьбой: пристыдить и разоблачить франкистов. И вот после выступления министра иностранных дел Испании он, Хрущев, выполняя просьбу, стал выкрикивать слова против Франко и для большей убедительности стучать ботинком по столу. Просьба выполнена. Цель как бы оправдывала средства.

Но есть и другая версия истории с «ботинком». Хрущев так бил кулаками по столу, – его реально выбесил испанский оратор, – что часы на руке остановились. «Черт возьми, еще и часы сломал из – за

капиталистического холоя»... Хорошо, что еще башмак уцелел. ТРАМ – ТАРА – ТАРАМ! Но почему – то мало кто помнит, что именно тогда, останавливая Хрущева, Глава Сессии ирландец Болланд так стучал председательским молотком, что его головка, кувыркаясь, полетела в зал. Потом молоток заменили более крепким, норвежским. Сломать его было не просто, тем более что таких возмутителей спокойствия в ООН с тех лет как не было, так и нет до сих пор.

ШОУ – ТАЙМ.

Я работал с Фиделем Кастро, четой Кеннеди, Неру, Ллойдом, Макмилланом, Вильсоном, Рэнальдом Черчиллем, Наесером, Индирой Ганди, четой Трюдо, Ховейдой, Мухаммедом Сиадом Барре; и с нашей стороны соответственно – с Молотовым, Микояном, Фурцевой, Ворошиловым, Косыгиным, Громыко.

А работать с премьером Израиля Леви Эшколом, как вы понимаете, мне не пришлось. На самом деле, его звали, Лева Школьник из города Николаева – ТРАМ – ТАРА – ТАРАМ».

«Вот ведь – были же люди. А почему были, Виктор Суходрев – речь шла именно от его лица, Геннадий Петрович догадался после сюжета про Кузькину мать, – был жив и здоров. Ему рассказывали, что сейчас он живет, как тихий пенсионер, на даче. Дача на Рублево – Успенском шоссе и прекрасные соседи, люди искусства – это, пожалуй, все, что оставил Советский Дракон в наследство старому служаке. Хорошо, хоть не расстрелял, правда? Теперь и будет жить в этих нерасстрелянных сердцах ложная благодарность режиму, как обычное следствие стокгольмского синдрома. А почему ложная? Может, и искренняя. Факт остается фактом – жизнь сохранена, условия жизни сохранены, светлые минуты в памяти вообще никто никогда не отберет. Все отлично! Жизнь продолжается, Кузькина мать ее дери».

Мимикрия

Голос Фрэнки продолжал глаголом жечь:

«Многие сотрудники похожи на своих шефов... Мимикрия, господа.

Все до сих пор поражаются моему портретному сходству с Леонидом Ильичем Брежневым – самым стойким партийцем.

Я впервые увидел его в 1956 году. Выше среднего роста, крепкий, молодцеватый, с зачесанной назад шевелюрой, он излучал здоровье и силу. Так случилось, что после этой первой встречи я в своем профессиональном качестве практически не встречался с Брежневым добрых полтора десятка лет.

Возвышался Брежнев медленно. Даже, я бы сказал, исподволь. Помню, в конце 60-х я обратил внимание на то, что его стали выделять среди других членов Политбюро – в статьях «Правды», например. Однако решающим рубежом в его восхождении стал, пожалуй, 1971 год. А точнее – съезд КПСС, состоявшийся в марте – апреле того года. Брежнев принял широковегетельную Программу мира, которую советская пропаганда связала с его именем прочно во всей внешней политике. Но на характер и привычки Леонида Ильича бремя власти повлияло не сразу – по мнению многих, он долго оставался, «нормальным мужиком».

Леонид Ильич до самого своего увядания – до 1975 года, по моим ощущениям – был первоклассным жизнелюбом. Как он «зажигал» в любимом месте отдыха – в Завидове. Помню, в мае 1973 года в Москву прибыл Генри Киссинджер, мы поехали в Калининскую область поохотиться.

Свежим завидовским утром Киссинджер был вызван к Брежневу неожиданно рано. Надо сказать, что у моего шефа уже тогда развилась неодолимая наркотическая зависимость от снотворных лекарственных средств, и он отключался в самые неподходящие для сна часы. Это раздражало иностранных визитеров, да и меня тоже не очень радовало...

Итак, солнечное майское утро, запах свежих сосен, пение заповедных птиц... ПРОСТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО. Генри Киссинджер топчется у крыльца Брежневской резиденции.... Выходит Брежнев с помятым после сна лицом. Голосом человека с похмелья он предложил покататься на катере по водохранилищу. Киссинджер был ошарашен, но согласился.

Брежнев велел подать к подъезду машину.

– Какую именно? – спросил адъютант. – «Мерседес» или «Роллс – ройс»?

Леонид Ильич потребовал «Роллс – ройс». Часть солидной коллекции иномарок, накопленной Брежневым, находилась именно в Завидове.

Через несколько минут сверкающий на солнце автомобиль стоял у подъезда. Брежнев сел за руль. Киссинджер – рядом, я – на заднее сиденье, и машина рванула вперед. На одном из поворотов переднее колесо «перешагнуло» через бордюр, нас тряхнуло, но Брежнев скорости не сбросил. Еще минут десять такой гонки – и мы оказались на берегу обширного водохранилища.

К причалу был пришвартован небольшой катер. За рулем снова Брежнев. Рядом – Киссинджер. Механик – водитель и я – рядом.

С первых секунд плавания мне стало ясно, что этот катер – очередное чудо советской конструкторской мысли – на подводных крыльях, с мощнейшим двигателем. Брежнев гнал на максимальной скорости, закладывая резкие виражи с фонтанами брызг. Несколько раз, не снижая скорости, мы проносились сквозь заросли камыша. Продолжалось это минут тридцать и закончилось благополучно. Брежневу были просто необходимы такие встряски, острые ощущения явно приводили его в чувство.

И охотился он тоже отлично. Удачную охоту отмечал водочкой – непременно «Столичной». Охотился Леонид Ильич успешно не только на кабанов. Он почти никогда не брал жену в поездки. Считал, что ни к чему «ездить в Тулу со своим самоваром». Причем ни от кого из сопровождающих не пытался этого скрывать.

ТРАМ – ТАРА – ТАРАМ...»

– Вот это классно, про «Роллс – ройс»! – отметил Геннадий Петрович. У сильных мира сего свои слабости, но по большей части это, конечно, железные кони.

«Вы спросите меня, что я чувствую, когда проезжаю по улицам и проспектам Москвы, уже давно носящим имена моих «подопечных»?... Не знаю. Попробуйте догадаться сами... Зайти за пределы мысли о том, что наша профессия вечна...

Мой сценарий писала сама жизнь. Но жизнь не моя. Жизни моих шефов или подопечных – как угодно – делали мою жизнь. Жизни великих людей нашей ушедшей страны, Атлантиды или Вавилона – как вам будет удобно. «А мне было хорошо»... Да...

Никита Хрущев, Алексей Косыгин, Леонид Брежнев, Андрей Громыко, Михаил Горбачев – руководителей этого Вавилона, да и самого Вавилона,

давно уж нет. Хотя мы, я, в частности, работали исправно. Как мне казалось. Или все же не все зависит от переводчика?...

Работа переводчика многогранна. Приходится высидывать много часов за столом переговоров, сопровождать высоких лиц в поездках, на встречах, так сказать, неформального характера. Это и работа в том же качестве переводчика на шикарных изысканных банкетах, завтраках, обедах, когда эти трапезы становятся удовольствием для кого угодно, но только не для переводчика, которому подчас и кусок в горло не лезет, поскольку ему приходится и за обеденным столом играть ту же роль, а именно – быть единственным посредником, дающим возможность людям, не понимающим языка друг друга, общаться. Причем общаться так, чтобы они забыли о самом присутствии переводчика, чтобы им казалось, что они действительно общаются друг с другом.

Все профессионалы перевода помнят случай с переводчиком Сталина Валентином Бережковым, который впервые за много голодных дней притронулся на переговорах к бутерброду, а Великий Кормчий вовремя не получил перевод вопроса от собеседника; «Вы что, сюда есть пришли, товарищ Бережков?» – это звучало как приговор.

Высший пилотаж моей профессии: стать как бы невидимым, но присутствующим, если хотите, необходимым злом, потому что было бы идеально, если бы люди могли общаться напрямую, глядя друг другу в глаза, говоря на одном, едином языке.

Приведу красноречивый пример. После двухдневных переговоров между Никитой Сергеевичем Хрущевым и Джоном Кеннеди в Вене в 1961 году я надиктовал 120 страниц текста. И этим мне приходилось заниматься практически на всем протяжении всей моей служебной карьеры – с 40-х до 90-х годов, то есть в течение добрых пятидесяти лет. Так что в конце многих документов о важнейших встречах руководителей моей страны с высшими представителями других государств – США, Англии, Индии, – повторяю, очень многих документов, покоящихся сейчас в архивах, напечатано, как официально положено: «Записал В.Суходрев».

«Три часа почти. Анкат – версия. А интересно, что я буду думать, о чем, о ком, когда когда –нибудь прокачусь про проспекту имени своего клиента?» – Геннадий Петрович был почти у Вильнюса. Решил остановиться, оправиться, подумать.

Тренькнула эс – эм – эска: «Не доезжая города – завернуть в придорожное кафе. Пакет оставить бармену. И обратно. Не смотрел?:)»

«Идиоты», – Геннадию некогда было смотреть в чужие пакеты, не тот возраст.

«Ему можно доверять», – вынесли вердикт в штабе.

Хочу в «телек»

Геннадий Петрович очень болел душой за российскую пиар – отрасль: издавал газету, писал что – то в отраслевые журналы, одно время делал портал, вел блог и даже учредил специальную пиаровскую «нормальную» премию. Но этого, конечно, для поворота в сознании было очень мало. Нужен был «телек» – так любовно называли пиарщики упоминание в рамках телевизионных программ: комментарий ли эксперта, мимолетная засветка, – все ценилось как клиентами, так и коллегами по цеху. «Сколько у нас телеков на прессуху?» – «Наши любимые с ТВ – Центра отказались, «РБК – ТВ» точно будут, а «Рен – ТВ» утром скажут – после планерки». – «Ну, ладно, уже что – то».

Для пропаганды пиар – отрасли нужна была телепередача. На отдыхе, а учебу Геннадий Петрович пока называл отдыхом – работа – то еще не началась, – он набросал начерно сценарий телепередачи про пиар. Даже рабочие названия придумал: «Мифология пиара», «Эпоха пиара», «Тотальный пиар» и все в таком духе. Геннадий мыслил глобально. Просто так привык.

План сценария ежемесячной телепередачи выглядел так:

1. События за истекший период с пиар – тракторкой и поиском «тайных смыслов».

Никаких теорий заговоров! И так информации предостаточно, чтобы попытаться в ней найти тайные смыслы. Например, гаишникам хотят разрешить носить в жаркое лето шорты и сандалии. Товарищи, уже август – пора шубы покупать! Видимо, кому – то нужно сбыть залежалый товар в крупных партиях по госзаказу. Или – приняли закон, что автолюбителям нельзя пить квас. Квас, квас, квас. Нельзя. Нельзя. Нельзя. В России все, что «нельзя», продается в разы быстрее: черная икра, группа «Мальчишник», Высоцкий, ТаТу. Далее можно сделать прогнозы на следующий отчетный период: помесь слухов, вбросов и инсайдов.

2. Интервью с директором одного из пиар – агентств – российским или зарубежным – как с «властителем умов».

Властители умов – это не ученые, не писатели, не педагоги и даже не дети. Властители умов – это практикующие пиарщики – директора пиар – агентств. Новые русские, хипстеры, парео – все эти «ярлычки» кем, Вы думаете, придуманы?

3. Пиар – фишка – один из пиар – приемов или стратагема для самостоятельного изучения и использования.

Если пиар – приемы будет применять население, все проникнутся идеями пиара – раз, мыслью о первичности идей – два, и самовоспроизводством новых идей – три. Почему на книжном рынке в ходу, в диком ходу, книги по кулинарии? Потому что как написано – так и делай. Даже редакция, где выходят книги по кулинарии, похудению, кройке и шитью – называется DIY (do it yourself). Пиар тоже можно приготовить в домашних условиях. Начать с тех же изящных китайских стратагем.

4. Интерактив – вопросы телезрителей и посетителей форума программы.

Обратная связь – пиаровское Все. Глухие к просьбам зрителей передачи, глухие к отзывам читателей журналы, Интернет – порталы с неработающим емейлом info@... —первые кандидаты на смерть. Какой –нибудь опрос или смс – голосование – уже лучше, чем молчание.

5. Обзоры дурацких реклам, призванные показать, что «пиар – лучше».

Пиарщики давно и упорно «мочат в сортире» старшего брата – рекламу. Мол, пиар – и лучше, и эффективнее, и всем хорош, и так далее. Но, как мы видим, безуспешно. Реклама первая прорвалась на телевидение и отобрала пальму первенства. У нее есть неоспоримое преимущество: реклама может себя афишировать. «Я – реклама. Заказывайте меня». Пиар это делать не может: не напишешь же в каждой популярной телепередаче, что «приглашение в качестве героя программы – платная услуга». Но как – то бороться надо! Единственное правило, которое оговорил для себя в этой рубрике Геннадий Петрович – это не обсуждать телевизионную рекламу. Она же, по идее, и будет кормить его высокорейтинговую передачу.

Хронометраж – один час. Один ведущий. Выход – суббота, вечер.

Так, всего за один час, у Геннадия Петровича оформился сценарий, который он давно вынашивал. Он практически уже видел себя главным редактором и ведущим своей программы. Софиты, голос режиссера в ухе, аплодисменты телезрителей, поклонницы у центрального подъезда телецентра «Останкино», мешки писем типа «здравствуйте, дорогая редакция» и прочие атрибуты жизни публичного телевизионщика. Стало до того наглядно, что Геннадий уже и расхотел быть автором программы. «Так, сяду, где –нибудь за кулисой, буду рулить», – мечтала пока еще не состоявшаяся звезда.

Когда цель достигнута – а хоть бы и в голове – то она уже неинтересна. Геннадий Петрович уже давно заметил за собой такую особенность.

Поэтому что? «Робить надо, вот и благодать настанет», – гласила украинская пословица. Скорей бы уж на работу.

Но пока – продолжались лекции.

Мафия власти и способы борьбы с ней

Вера Марковна пришла на эту лекцию одна. Мужчины – Геннадий и Игорь – были на сложных переговорах, как они сказали. «Ну какие переговоры, работа еще не началась? Дуют в уши, небось, пошли по значным местам...» – Вера Марковна не то чтобы негодовала, ей было все равно, но как – то отомстить придуманной собой ситуации по – женски хотелось. И просто хотелось, чего уж там; природа, скоро сорок.

– Теории заговоров, мировая закулиса, тайное правительство. Все это для тех, кто мыслит «глобально». Но действовать – то нужно локально, как мы помним из принципа экологов. – Начал свой рассказ лектор.

«А локально – это не всем под силу», – думала Вера Марковна, которой – то уж точно под силу.

Лектор, в котором знающие люди сразу бы рассмотрели мафиозного стратега, продолжал.

– В каждом деле существует «мафия», или еще «отцы», или там, «старцы», неважно... Их задача, кроме «руления», еще и не впускать «новичков». Максимум – тебе могут дать орден, премию, ценный приз и попросить заткнуться. Для этого и проводятся различные конкурсы «прорывных идей» для перспективной молодежи. Различные «конкурсы инноваций от какого – нибудь Майкрософта или Би – Пи» – это устранение конкурента под благовидным предлогом. Например, Вы знаете, сколько патентов зарегистрировано на эффективную добычу нефти, транспортировку газа, я уже не говорю про альтернативные источники энергии? Очень много. Хватит, чтобы обеспечить энергией пять планет Земля! Но все эти патенты хранятся под надежным замочком компаний – гигантов, а их авторы с обналиченным чеком на тысячу долларов валяются где – нибудь в подмосковном коллекторе или кормят рыб в Индийском океане. Обладателя патента на пивные крышечки, дедушку, и того «замочили», как Вы понимаете, не в холодной воде.

– Но ведь тогда не существовало таких понятий, как «СверхЧеловек», «СуперЧеловек», «Супермэн». Нет ведь в природе «сверхчеловеков», «сверхлюдей», «суперменов». Он всегда один. Противостоит, борется и так далее. А фильмы – «Самурай», «Игла», «Расплата» – они же все про суперменов. – Задала вопрос Вера Марковна. И про себя удивилась: «Почему же еще до сих пор не замочили лектора?»

– Скоро Вы сами ответите себе на этот вопрос. Продолжаем.

Поговорим об устройстве власти.

Есть три вида, три инструмента, с помощью которых можно пасти пастухов, руководить руководителями, тренировать тренеров, и так далее. Короче, как властвовать?

Можно с помощью идеологии. Придумали систему, всем рассказали, понты разбросали, назначили себя новым Верховным Правителем Нижней Монголии, и – вперед. Идеология не нужна для того, чтобы удовлетворить тщеславие, кстати. Идеология нужна под создание торговых отношений, в конечном счете.

Второе. Можно править, удерживать внимание за счет интереса. Будьте интересным человеком, развитым, начитанным, свободным – к Вам потянутся, и будут тянуться до тех пор, пока ты лично растешь. Если ты – журнал, то удивляй. Если ты мачо – умей навешать лапши. Причем каждый день – новая лапша: сегодня «Роллтон», завтра – «Александра и Софья» и так далее.

И третье – это власть с помощью компромата. Генрих Мюллер держал за жопу не только всех советских, но и германских пидеров. Простите, оговорился, конечно – «лидеров». Лидеров он держал за жопу. Почему его увезли в Америку, а не распесочили на Нюрнбергском трибунале.

– Распесочили, по – моему!

– Ну, неважно. Распесочили – не распесочили, но в тюрьгу его не упекли, не убили тем более. Последние годы он жил в Америке, работал в Пентагоне, трахал всех жен своих подчиненных и начальствующих, курил сигары, бухал вискарь и отдыхал, короче, от трудов праведных.

– В Пентагоне?

– По – моему, да. Продолжаем. Есть две идеальные структуры власти. Первая – это, так называемая, «орденская система». «Американ Экспресс», например, древнейший орден ионитов. Еще тогда они переводили деньги, выстригая «код» на лысине монаха – паломника перед отправкой его в далекое пешее путешествие. Орден – такая штука, что вступить туда, относительно, можно, а выйти практически невозможно. Если тебя орден сам не выкинет с позорным клеймом. Сложно это, из ордена когда выбрасывают...

Лектор на мгновение, едва заметное, но все – таки призадумался, остановился. Лекция, в целом, шла в темпе. «Похоже, его самого когда – то из ордена выкинули, – смекнула Вера Марковна. – Но клейма я пока не вижу. А может, преподавать здесь – тоже своего рода – клеймо? О таком не спрашивают, конечно». Тем временем рассказ об устройстве власти продолжался:

– И второй способ эффективно властвовать – это через раздачу приказов и контроль через внутреннюю структуру «смотрящих», резидентуру. На каждом большом предприятии есть один человек, который вообще не разбирается в деле, в процессах, в производстве. Но он – уважаемая личность. Он – смотрящий. Осекся – получил пизды или черную метку, смотря что нарушил. Раньше смотрящих вербовали из родственников, бывших одноклассников, друзей, а сейчас – из сектантов. Даже есть такой бизнес – создал секту, потом за деньги «поставил» туда заказчика как тотема, и все – бизнес работает дальше. Секта молится на заказчика.

– А политики – все, что ли ангажированные? – Вера Марковна вспомнила о чем – то своем.

– Ангажированность – худшее для политика. – Невозмутимо продолжил лектор. – Должности надо покупать и «отбивать», а не идти в профессию политика, чтобы «крутить жопой». Осуществлять «торговлю ебалом» придется, по – любому, в чьих – то интересах. В Москве в 1996–2008 годах должности покупались. Итак, что мы имеем. Три вида власти: информационная власть, денежная власть и законотворческая власть, то есть лоббирование.

Вера Марковна почему – то покраснела. Негусто так, невиновато, а по – женски, как – то кокетливо. Решила поделиться с лектором самым сокровенным:

– Был у меня один знакомый политик, любовник, скажем так. Я подозревала, что он артист. На телеэкране – говорлив, резок. За ужином – спокоен. А в постели... Ну в постели, как бы Вам сказать. В общем, у мужчины длинным должно быть что – то одно: или язык, или... Встречались мы недолго. Оказывается, он просто играл чью – то роль?

Лектор спокойно кивнул.

– А что Вы делаете сегодня вечером? – Вере Марковне захотелось пополнить свою женскую коллекцию тем, кто знает о власти больше, чем сама власть.

Заказное убийство как показатель отличной работы

Игорь лежал и предвкушал праздник души и тела, организованный Геннадием Петровичем по случаю «надо город посмотреть».

Игорь думал о работе.

Он не раз вспоминал моменты, когда он, выходя из офиса, оглядывался. «Нет ли людей с пистолетами или, на худой конец, с бейсбольными битами, – опасно озирался. – Вроде, нет». И вприпрыжку, как зайчик – энерджайзер, шагал к метро. Это почти за полночь, вприпрыжку – чувствуете, как пёрло человека? Столько энергии придавали новые воплощающиеся на глазах создателя идеи. И времени на сон около четырех – пяти часов было просто за глаза и за уши.

Сегодня он придумал пиар – проект, который выводил их фирму «Бизнес Блинк» на новый уровень. Конкуренты имели реальный повод взбеситься. Но, видимо, собратья по рынку были настолько слабенькие и нерешительные пенсионеры, что ума у них хватило только на то, чтобы перекупить ценного сотрудника. Причем, предложение сделали непосредственно директору «Козы Блинка». А директор малого предприятия, фактически недавно выросшего из статуса «и – пэшника», чтобы Вы понимали – это вертлявый, торгашеский, хитрый, недалёковидный, хотя и энергичный болван. Правда, обычно эта энергия ему выходит боком – если вовремя не начнет практиковать различные техники компенсации статуса (бомжом, например, прикинуться или проституткой, или хотя бы актером, в крайнем случае – уличным музыкантом; экстремальные виды спорта помогают, но не долго). Продавать ценного сотрудника он не хотел ни под каким предлогом – ну как же, он его сам нашел, воспитал, взрастил и проч. и проч. Ну, не дорос он еще до книжек великих предпринимателей, советующих в духе «жалей, но продавай; продавай, но жалей».

Впрочем, не важно, что именно Игорь придумал (пресс – конференцию обычную, на самом деле, просто ее посетил чудесным образом «Первый канал» и НТВ), – главное, что безнаказанность со стороны конкурентов и отсутствие каких – либо ответных ходов, а также прирост клиентов в «Бизнес Блинке» толкали его на новые подвиги. Странно при этом, что директор фирмы, тот самый бывший «пэ – бэ – о – юл», вдруг ввел интересную схему бонусов – выплата премиальной части

зарплаты волевым решением была перенесена на конец года, это летом – то. «Ну, хрен с ними, с деньгами – не только же за деньги я работаю, в конце концов», – подумал тогда Игорь и приступил к покорению новых высот.

Игорь помнил интервью уважаемого их Альфреда – тезки по фамилии самой раскрученной микробной палочки. Его спросили, что если о нем плохо думают, значит, он делает работу хорошо? «Конечно», – ответил он. – «Главное, что не убивают», – добавил про себя Игорь. Чувство домоклова меча, повешенного по своей доброй воле, как мокрый плащ на переполненную вешалку в веселой компании. Упадет – даже веселее будет.

Сейчас Игорь, когда не видел перед глазами мельтешения босса, размышлял о том, как бы создать от имени небольшой коммерческой компании большую общественную инициативу. Обычно это происходило или за обедом, или в туалете, или по дороге в магазин, когда отпущенное на бизнес – ланч время заканчивалось. Надо сказать, что бизнес – ланчи в округе «Бизнес Блинка» – а это, извините, центр Москвы, где обеды подавали до 17.00 – были на удивление непродолжительными. Да, в общем – то, на эти бизнес – ланчи Игорь не особенно – то и рвался, особенно по понедельникам. Именно в начале недели у всех рестораций как класса «премиум», так и класса «нижнеум» – Игорь посещал и те, и другие без комплексов – подавали гречку под разным соусом. Это была его самая нелюбимая еда.

Итак, на обед Игорь опоздал. Но погода радовала. Недавно он облюбовал себе местечко – остановку общественного транспорта прямо над линией московского метрополитена. Как понять? Очень просто: сидишь, ешь вкусный пирожок из «Печки», запиваешь квасом или улетаешь шаварму с безалкогольным пивом, а под тобой скамейка начинает вибрировать. «Вот он, пульс города», – чувствовал Игорь и продолжал наслаждаться этим три – дэ эффектом. Еда съедена, питье выпито – на все про все с дорогой от офиса и обратно тридцать пять минут. И снова в бой. Игорь редко «доедал» обеденное время – подкрепился, потребность пожевать удовлетворил и отлично.

«Памятник что ли установить? Или демонстрацию провести? Нет, демонстрацию не надо – как – то уж очень оппозиционно. А может фильм снять? Дорого. Книгу можно написать!» – мысли Игоря, подкрепленные калориями, неслись аллюром.

«Надо посмотреть, что делают старшие коллеги в других отраслях... А что уж там бизнес – на государство надо ориентироваться! Что такое PR в

государственном масштабе? Это создание общественных инициатив. Или, на худой конец, отвлечение внимания. Когда подняли цены на ЖКХ – сразу же «возник» захват Норд – Оста замороженными террористами. Когда пошло назначение губернаторов – стали часто падать самолеты. Под глобальные государственные инициативы создаются, рукотворятся инициативы общественные. Все знают про жару, про птичий и свиной гриппы, про неудачное выступление на Олимпиаде. Но лишь немногие знают о коррупции, глобальных тратах на «ремонт дорог», новые налоги и так далее. Так, меня что – то не туда занесло. Пока, слава Богу, никого «отмывать» и отвлекать не надо».

Размышления продолжались вплоть до усаживания за свой компьютер. Потом начиналось действие.

Белый шум

Геннадий Петрович и Игорь в компании с рижскими миллионерами продолжали обсуждать остроты международных моментов. Разговор начался с того, что из России надо уезжать как можно скорее. И непременно, в Латвию. Когда все уехали, конечно, можно и порассуждать. Дело – то уже сделано. Скоро станет известно, сколько капитала утекло из России, спохватятся, начнутся международные розыскные мероприятия.

– Типа, белый шум. Понимаю. Может, помните ситуацию, когда в 2002, что ли, и до 2008 года очень активно обсуждали тему «Вступим мы в ВТО или не вступим»?

– То в говно, то в партию, – очень кстати вставил приснопамятную шутку Игорь.

Геннадий посмотрел на вяло двигающихся, бледных, абсолютно безэмоциональных, но, черт – их – дери, красивых латышских стриптизерш. – «Какие – то тут все отмороженные, даже русские девчонки. Что ж поделать, будем работать с тем, что есть». Отхлебнув местного «Калуа», продающегося под именем «Мока», с молоком, продолжил:

– Все вдруг всполошились и гоношатся до сих пор – когда же мы, мол, будем в ВТО. Нам надо конкурировать с западными товарами, компаниями, пусть заходят к нам, выживут сильнейшие и все такое. Так вот, это исходило из всяких американских и английских торговых палат, то есть фактически от самих западных компаний. А их и так уже навалом и в Москве, и в России. Зачем ВТО, все уже и так потоптались порядочно. Пользуют во все щели. Вон, даже Медведеву приходится продукцию «Кэнон» на «Первом канале» рекламировать!

– Ну, не надо упрощать, Геннадий. – Миллионер Роланд достал изо рта трюфель, смоченный в соусе из подкопченной на пихтовых углях черной икры, запил вином, как бы прополоскал рот – привычка детдомовская, когда зубных щеток было две штуки на десять человек в палате, и которой он пренебрегал – предпочитал полоскание.

– Чегил, привет! – Все миллионеры почтительно привстали. Ролан встал полностью, пожал руку присоединившейся к компании новой персоне. Весь в белом – носки, брюки, костюм, ботинки, даже волосы были блондинистые – он кивнул всем присутствующим.

«Налоговая, что ли», – прикинул Геннадий Петрович. Но знакомиться не стал, просто пожал руку.

Роланд говорил о том, что народ видит одно, но ничего не понимает. Профессионалы в том же инфополе видят что – то, нечто, возможно о чем – то догадываются. Например, те же нано – технологии. Народ в России привык думать, что все инициативы государства – это «распил бабла» и пустые траты денег честных налогоплательщиков. Однако же, настоящие траты – это строительство дорог, когда знакомые Роланда, финансисты, получали техническое задание от «дорожников» на обналичивание двадцати миллионов рублей в день. Или знакомые из фирм, занимающихся недвижимостью, покупали для самих чиновников, жен и детей чиновников, сокурсников чиновников и так далее до бесконечности, виллы и огромные особняки в Болгарии, Финляндии, той же Латвии, Литве, Германии. Возвращаясь к нано – технологиям и «Роснано», Роланд как профессиональный финансист и мега – менеджер отметил и положительный момент. По сути, новая организация строила горизонтально – позитивное министерство.

Новый гость в разговор так и не вступал, потягивал какой – то зеленый коктейль с листьями, возможно, мохито. «Безалкогольный», – отметил Геннадий Петрович, который в коктейлях знал толк. Спасибо другу из ассоциации барменов.

– От каждого из существующих министерств берется что – то хорошее и внедряется через «Роснано». Россия возвращает идеи при государственной поддержке, объединяет лучших, предотвращает утечку мозгов, и так далее. Чем плохо? Новый вид объединения необъединяемого – отлично! Это как партия зеленых: ты красный, а ты – белый, а ты – вообще бесцветный, но природу – то вы любите? Вот и вступайте в партию. Клево.

– Что – то мало они набрали на выборах, – заметил Игорь. Он единственный в этой теплой компании не пил алкогольных напитков. Ему доверили – ну как доверили, взяли в прокат за счет принимающей стороны – AG Excalibur. На ней как – то прошлым летом ездила сама Ксения Собчак. Это и стало подсознательным аргументом Игоря, чтобы вытребовать себе эту машину. Женщины постоянной у него тут не было, надо же на чем – то отводить душу?

О Ксении Собчак Игорь мечтал втайне, может даже отчасти завидовал. «Вот, девчонка – ровесница, а как прорвалась!» Поразмышляв однажды немного более обстоятельно, он понял, что завидовать особо не чему («просто телевизионный феномен»), но Ксения Анатольевна все равно ему нравилась. За ее успехами и творчеством он следил довольно цепко. Все нравилось, за исключением книги Ксении, в названии которой фигурировал

среднестатистический «лох». Ну нельзя рядом со своим именем ставить неприятные, негативные коннотации – однозначно проассоциируются и перемянут любой позитив. Он даже однажды отказался писать статью для мужского журнала, который заметил его литературные успехи в жанре «интервью». Редакция настаивала, чтобы статья, где Игорь мог бы подвести итоги и рассказать о впечатлениях проинтервьюированных им людей (это были «монстры российского пиара», такие как Сергей Зверев, Алексей Кошмаров, Ефим Островский, Асламбек Дудаев и ряд других), называлась «Почему лох цепенеет». Игорь отказался, хотя гонорар предлагали приличный.

Разговор с миллионерами не мог просто так вот закончиться в ресторане продуктовым оргазмом. За ним должен был последовать оргазм в общепринятом смысле этого словосочетания. Как награду принял его Геннадий Петрович, в эту неделю испытывший оргазм производственный, и принял предложение поехать покататься на яхте с новыми друзьями. Игорь же отправился в путешествие по ночной Риге и окрестностям.

Американская мечта

Игорь проснулся в четыре часа утра. Не спалось. Сны не снились. Было душно. Слишком тихо. Хоть бы под боком кто – то засопел – но нет, Игорь даже на своей машине «за миллион евро» не решился подкатить к девушке, чтобы предложить ей сначала «покататься и покувыркаться». – «Нет, ну что может быть в голове у девчонки, которая может дать за одну хорошую машину, точнее, за покататься? Какая мотивация? А может, машина не моя, или она думает, что я ей такую же подарю? Не понимаю я таких». – Хотел Игорь того или нет, но мысли возвращались к одному и тому же. Никакая машина, никакая скорость не заменит секса. Если только рукоблудие, и то ненадолго.

Игорь вышел из ванной, включил телевизор, поставил его на таймер «тридцать минут», чтобы уснуть под звуки какого –нибудь ночного фильма, но при этом под него же не проснуться.

По спутниковому телевидению шел «Армагеддон» с Брюсом Уиллисом. Игорь как раз попал на тот момент, когда Земля провожала команду спасателей на борьбу с астероидом. У всех провожающих выступили слезы, заиграла патетическая мелодия, крупные планы. «Возвращайся» – «Я обязательно вернусь» – «Да поможет вам Господь»... Игорь почувствовал, что поплыл. Вот так, в бессонной тихой ночи, под попсовый американский сто раз пересмотренный фильм. «От себя я такого не ожидал», – Игорь пошел на кухню, выпил полстакана виски. И собрался уже было поехать на дорогой, чужой машине в пьяном виде закадрить – таки какую –нибудь не спящую латышку... Но в дверь позвонили. Это вернулся Геннадий Петрович.

На часах было 4.35.

– Что делали? – Игорь решил проявить раннеутреннюю вежливость.

– Да вообще! – Геннадия переполняли эмоции. – Яхта, море, музыка, коктейли всякие, девушки, разумеется. У меня сбылась мечта, можно сказать. Как в одном американском порно – фильме. Я чисто натурально погрузил яйца в шампанское, а член в рот одной даме. Непередаваемые ощущения!

Игорь поспешно оделся и выбежал. Геннадий еще продолжал рассказывать минут десять – пятнадцать, как будто, разговаривая с телевизором. А потом, когда таймер отключил питание, отключился и Геннадий Петрович.

Игорь вышел во двор. Не то, чтобы светало, но и Рига не оживала. Скорее, ночные жители ложились спать, а простой народ, которому завтра на работу, ходил в туалет второй раз за ночь, чтобы доспать потом законные два часа с пустым мочевым пузырем.

Машина завелась безотказно, стразы в обивке салона засверкали, засеребрились, включилась музыка. «Пора на приключения. Правда, это не Москва, но мало ли», – Игорь, конечно, мало на что надеялся, но попытать счастье этой развратной субботней ночью стоило.

Cosa Roba или Утренний разговор

Игорь вернулся. Совсем не пьяный, не уставший – наоборот, как пел один рэпер – провинциал – «бодрячком».

Геннадий пил кофе, смотрел утренние новости – вручную, так сказать, мониторил эфир. Новости были сухие, летние. Один депутат Сейма утонул в командировке, другой – готовится снять полномочия, выдвинули инициативу по переносу памятника. Необходимой новости Геннадий Петрович пока не заметил. Решил включить «Яндекс». Убийство на Юге Москвы, беспорядки в Дагестане, сгорел гараж на Востоке Москвы, выпустили под залог какого – то «несогласного», что – то про футбол, джип задел маршрутку на Севере столицы. И это – российские, всероссийские новости. Новости про Москву, да и только. Лето, мертвый сезон в новостях. «Москва – очевидный коммуникационный центр, вот и новости только про нее», – заключил Геннадий Петрович.

– Прогноз погоды. Южный антициклон никак не повлияет на работу новой энергоемкой подстанции в Лиепае. Рига – плюс двадцать и облачно, Даугавпилс – плюс восемнадцать и ясно...

«Вот оно! Все уже расслабились, отключили информационные фильтры – вот, бах! – наша энергоемкая подстанция! Отлично сработано, господа», – Геннадий усмехнулся бы в усы, если бы они у него были.

– А как Вы открыли свое дело, Геннадий Петрович? – эта было уже не праздное любопытство. Где – то глубоко в душе Игорь мечтал о своем собственном деле, о своем пиар – агентстве, например. Хотел быть большим человеком, биг – боссом. В том, что его первое место работы было предприятие под названием «Бизнес Блинк», он тоже видел некое знамение. Дело в том, что на пятом курсе к нему попала стильная книжка «Менеджер Мафии» от автора под странным псевдонимом «V.». Уже через месяц у Игоря была вся коллекция – вся серия. И вот в одной из них он и вычитал итальянский термин «ББ», что в переводе означало «Большой Босс». А тут, как сон в руку, пришел емейл, в котором говорилось, что «Вы приняты на работу в качестве «менеджера по пиар и рекламе» с перспективой роста в фирму «Бизнес Блинк», г. Москва». Вот Игорь и решил сначала обрасти московскими связями на позиции «менеджера по пиар и рекламе с перспективой роста» с Большим Боссом, а потом и самому им стать. Босс, как выяснилось впоследствии, оказался не таким большим, а даже напротив – маленьким, по убеждениям. Росту он тоже был

невысокого, но это скорее плюс – все великие, в основном, карлики не выше ста шестидесяти: «Вот голова лучше и варит – меньше сила притяжения», – так объяснял себе этот феномен Игорь.

– О – о–х, Игорек. Суббота, утро. Какие разговоры о своем деле? Ты в своем уме, мудила ты грешная? У меня голова не болит, она переполнена сладкими воспоминаниями о прошедшей ночи, а ты лезешь. – Геннадий при этом не прекращал смотреть телевизор, хотя инициированный их командой сюжет уже прошел как нельзя более гладко.

– Позвони, пожалуйста, Михаилу, узнай что – как в офисе творится. Скажи, я поручил, и надо срочно отчитаться.

До конца вечера Геннадий Петрович потягивал коктейли, иногда совсем не разбавлял. Но зубы перед сном почистил и душ принял безукоризненно. Была у Геннадия такая привычка – отмечать успех, даже минимальный, маленькими саморазрешениями – не почистить зубы, не помыться, причесываться ему и так не надо было (не использует расческу с 8 класса). Однако, от этих саморазрешений Геннадию пришлось отказаться быстро, хоть и болезненно. Дисциплина прежде всего.

Твое дело, или За себя и жизни не жалко

– Алло, Михаил. Это Игорь, коллега Геннадия Петровича. Он просил отчитаться, что – как.

– Представьтесь, пожалуйста. Не совсем взял в толк. – Михаил только проснулся, что называется, не в состоянии – после вчерашнего.

Это было классическое «послевчерашнее» среднестатистического россиянина. И работяги, и наемные менеджеры, хоть и высокого уровня, хоть и в самом крутом пиар – агентстве Москвы и даже России, предпочитали более простые и проверенные способы расслабления, нежели собственники компаний. Геннадий Петрович, как мы помним, изобрел не более двенадцати часов назад вторую новую позу в современной Камасутре. Первая, опять же напомним, была «68» (тоже самое, как «69», но мужчина оставался должен). И вторая – «яйца в шампанском, член во рту». И безо всяких нюансов.

– Что у вас там происходит? – Игорь знал, что если рассусоливать, разговор затягивается. – Геннадий Петрович может отвесить.

– Понял, докладываю. – Михаил присел на кровати, почесал лоб и раздвинул шторы. – Вчера взяли новую сотрудницу. На свой страх и риск – без опыта работы, но очень толковую, как показалось.

– Что значит, показалось? – Игорь понял, что выбрал нужный тон. Впрочем, и Михаила с похмелья несло, как и всякого русского человека, на откровенность.

Он поведал историю о том, что опыт работы – это ключевое понятие при найме новых сотрудников. И даже если кандидат чересчур интеллигентен: красный диплом, куча выигранных олимпиад, практика в каком –нибудь органе государственной власти. Все это чушь. Потому что чересчур интеллигентный кандидат при знакомстве с графиком работы – обычным графиком по ТК РФ – начинает на глазах томиться и скукоживаться. Потом он в шутку упоминает о том, что крепостное право отменили в каком – то там году (точная дата называется). Потом начинает отпрашиваться на более щадящий график, например, «с 11 до 19 и без обеда». Интеллигентный кандидат без опыта работы очень недооценивает важность обеда. Когда ему отказывают, кандидат, точнее сказать, кандидат, находящийся уже на испытательном сроке, внезапно заболевает. Но не забывает торчать в аське все дни лечения напролет. Короче, Михаил все понял, и нового кандидата уже нашел. Кандидат все понимает, уже

стреляный воробей, с рабской психологией согласен и не ропщет попусту. На самом деле, все дело в интересе! Если интересно вести проект – кандидат кряхтеть, громко вздыхать и отпрашиваться почему зря не будет. Но интерес – дело прививаемое.

– Понял, передам. – Игорь больше понял для себя, чем для того, чтобы передать. – Позвоню позже. Отчитайся по проектам четко, без демагогии и эйч – ар политики. Мне по реперным точкам срез сделать надо.

– Окей. – Михаил повесил трубку, но аппетит разговора что – то разгулялся.

Игорь опять решил пристать к Геннадию Петровичу с концептуальным вопросом.

– Геннадий Петрович, а можно сказать, точнее, представить, если Вас убьют, Ваша фирма продолжит работу?

– А мне какая разница? Продолжит она или не продолжит. – Невозмутимо ответил Геннадий. – Договора слетят? Клиенты будут жаловаться? Репутация рухнет? Да пожалуйста, мне в гробу уже будет не до этого.

– Как все запущено, Геннадий Петрович. А я думал, что Вы стратег... – Игорю явно не понравился ответ директора и основателя крупной московской пиар – фирмы. – Вы это серьезно?

– Ну, послушай. У меня пока нет детей, нет братьев и сестер, кому я мог бы мое дело передать. Я живу, и дело живет вместе со мной. Я живу в моем деле. Мне достаточно того, что после моей смерти – постучи по дереву, олух! – будут жить идеи, которые я воплотил для своих клиентов. Хотя, ты знаешь, вопрос хороший. Это, вообще, даже не элемент престижа – передать дело по наследству. Это необходимость. Я, правда, задумываюсь о продолжении рода. И тогда ответ на твой вопрос изменится и станет тебе приятным, дружок.

Игорь, кажется, смягчился. Но настороженность к Геннадию Петровичу появилась. А с другой стороны – таких людей надо любить! Они живут если не сегодняшним днем, как наркоманы или алкоголики, то уж точно завтрашним или послезавтрашним – не пропадут, в любом случае. Они живут жизнью, берут от нее все блага в полном объеме, и находиться рядом с ними в такие моменты очень полезно – от них как бы заряжаешься жизнелюбием.

Дело Геннадия Петровича действительно еще не было автономным. Конечно, он мог улететь в тот же отпуск или, как сейчас, на специальное задание максимум месяца на три. Но все равно, минимального еженедельного контроля дело требовало. И до какого момента такое,

интересно, продолжается – до статуса «средний бизнес», до «крупняка»? Хотя там, наверное, и бизнес – то тебе особо не принадлежит – хоть вообще не появляйся. Какую – то долю основатель будет недополучать, но это будут смешные цифры, за которые пришлось бы пожертвовать свободой передвижения, общением с детьми, с родителями и так далее. Геннадий Петрович еще годом раньше однозначно думал, что работа для него – это первое, а все остальное – второе дело. И, кажется, сейчас, пребывая в продолжительном отпуске, убеждения стали меняться: от «А не пошли бы вы все к черту?» до «Надо бы побольше внимания уделять своему внутреннему миру, друзьям, вечным ценностям...». Возможно, это то самое расслабленное бытие влияло на выжатое и заработавшееся сознание. Очень может быть, что, работая и работая без конца, Геннадий бы и не отдал первое место пьедестала личных предпочтений никому, кроме работы, кроме Дела.

Самый счастливый день

В соседском коттедже случился пожар. Потушили на редкость быстро. Головни тлели всю ночь и все утро. Чтобы создать имитацию курения после секса, достаточно было выйти на балкон.

Вера Марковна соблазнилась не столько на власть лектора, сколько информацию о власти, эксклюзивной информации. До 5.00 они еще не были знакомы. Вернее лектор знал, что перед ним «русская пиарщица», но себя предпочитал не обозначать.

Жажду знаний о власти Вера Марковна удовлетворила до жажды сексуальной. Пока ее новый знакомый, совращенный преподаватель, принимал душ перед процессом, она полистала его конспект, не зря подозревая, что он чего – то недорассказал. В конспекте содержалось следующее:

Построение властной структуры

2 типа властных структур: орденская и сетевая

Элементы власти:

– *Идеология, (во что – то верить); И. – источник групповых норм и ценностей. Добиться для подчиненных **ощущения ясности.***

– *Деньги и материальные блага.*

– *«Социалка» (нематериальные блага) – решение проблем сотрудников (квартира, семья, детский сад, юридическая помощь)*

Где есть зависимость от работодателя, там будет и включенность в работу.

Работа на эмитента – прерогатива «низовки», «среднего класса», и тупых богатых.

Способы управления производительностью труда для разных каст: страх (шантаж) – для высшей, «моббинг» – для низшей.

«Ну, немного недорассказал, я бы все равно не поняла», – Вера Марковна сочла теоретическую часть законченной, настало время практики.

Это было небо в алмазах сначала от Веры незнакомцу, потом – в обратную. Смятые простыни, потные тела, фаза короткого сна в голом виде. Потом оба доползли до халатов, ибо лежать в голом виде без одеял было для незнакомых людей неестественно (спустя больше тридцати минут

после секса). Далее нужно было или знакомиться по именам, одевшись; или разбежаться, опять же в одежде; или заходить на новый круг рая.

Мужчина одел халат, полежал немного, встал с постели, включил телевизор, «дощелкал» до «Евроњуз». Без звука посмотрел около десяти минут и ушел в ванную, произнеся почти шепотом одну фразу: «Новости футбола».

– Как Вас зовут, мужчина?

– Стиций.

– Как?

Дверь в ванную закрылась. Вера Марковна взяла мобильный телефон, открыла в «Опере» мобильный «Яндекс» и прочитала заголовки. «Что за новости футбола? Если не удалось установить имя, надо хоть где – то найти источники его слов. С полуночи он совсем что – то замолчал».

А новости были такими:

– Убит глава «Шинника», «Зенит» вышел в плей – офф, матч сборной России перенесли.

«Отлично, три из пяти новостей – про спорт, причем один и тот же. Такое на «Яндексе» только по выходным бывает. И по утрам, а сейчас, точно, как раз утро. Надо моего милого разговорить. Может, анекдот про футбол?»

Мужчина вышел из ванной, вытирая плечи большим полотенцем, которое скрывало картину ниже пояса.

– Меня зовут Стиций, Сти – цый.

– Очень приятно, Вера Марковна. Хочешь анекдот про футбол? Ну, ты про осьминога слышал, наверное? Да, я на «ты», ничего?

– Все в порядке, рассказывай. – Стиций – лектор сел на край кровати, чуть облокотился на матрас, пригладил волосы. Его вид говорил, что он готов еще минимум два раза.

– Так вот. «Все знают, что Пауль предсказывает матчи, залезая в коробки с едой, которые обозначены национальными флагами сборных. Когда встречались сборные России и Германии, осьминог Пауль накакал в коробочку со сборной России и выбросил ее нафиг из аквариума». Классно же?

– Да, смешно. – Без лишних движений он навалился на Веру Марковну и начал долбить, как отбойный молоток. На секундочку Вере Марковне стало страшно, немного брезгливо, но повторное расслабление наступило быстрее, чем она могла представить.

Снова вышли на балкон, как бы покурить.

– А какой у тебя был самый счастливый день в твоей жизни? – Этот

вопрос Вера Марковна помнила еще со времен обучения в любительской школе театрального искусства. Там еще были задания вроде «познакомиться за один день с пятью людьми на улице», «поздороваться с двадцатью людьми в день и дождаться ответа», «спеть в людном месте» и другие. Но задание со счастливым днем ей запомнилось больше всего. При каждом удобном случае она применяла его для того, чтобы разговорить необщительных собеседников.

Стиций неожиданно ответил:

– Помню, не счастливый день. Счастливое утро. Меня в пионерском лагере на утро после королевской ночи напоили водкой. стакан водки практически натошак, еще до чистки зубов. Я даже не опьянел. Но дня, к сожалению, не помню.

В юности маленький Стиций пребывал в пионерском советском лагере почти каждый год по две смены минимум. Лагерная пища в столовке, гребаный чистый и подслащенный воздух сосен, чистка картошки не сильно надоели ему. Ему надоели постоянные нападки на его имя. Поскольку тогда он не подтягивался и пяти раз, точнее, не имел никакой физической формы вообще, за себя он постоять не мог. Тогда – то и начали расти в нем два чувства – ненависть к человечеству вкупе с мстостью и готовность заниматься спортом до изнеможения. К этим двум векторам мудрый вожатый Чегил Олегович добавил и желание знать больше, чем знают все остальные. Вербовочный разговор был делом техники.

«Менеджер» – от какого слова?

Лекция прошла в чисто мужской компании.

Вера Марковна по уважительной для себя причине отсутствовала.

Вел Фридрих Иванович. Именно на этой лекции как – то не особо верилось в достоверность излагаемого. Темой был «Бизнес и менеджмент». Как знали все слушатели, у Фридриха Ивановича опыта подобного не было. Как – то не подходила к его внешности предпринимательская жилка: угловатость форм, резкость в высказываниях, некая скуповатость в одежде, напряженность что ли. Наоборот, лектор был вальяжен, округл формами, спокоен, расслаблен. Хотя, может быть, такими и бывают, скажем, председатели советов директоров?

– Итак, правила бизнеса по – русски.

Правило первое – мудаки все. Кроме тебя. Все подчиненные – мудаки полные. Это понятно, и вы с этим согласитесь.

Правило второе – это не должно раздражать.

И правило третье – мудаков надо постоянно пинать и напоминать им про то, что надо делать. Человек типа «офисный планктон» ли, или «работяга», или «интеллигент» какой –нибудь, там, врач или учитель, инженер, не важно – это представитель броуновского движения с затуханием. Дал ему пизды – он проехал два километра, и снова требует пинка.

На секундочку – менеджер – это от слова «менжевать». Подчиненные боятся, но люлей просят. Такой специфический перевод на русский. Так, короче.

Чем это обусловлено? Да простыми перепадами температур, сезонов и так далее. Вообще, Россия – страна неустойчивого земледелия, когда есть «нормально», но есть и «голодные годы». Штольцы, типа как все, например, ленинградские менеджеры, сейчас не в чести. В чести был Брежнев – типа Обломов. Ну, подробнее на этом останавливаться не буду.

Что такое бизнес? Ваши мнения? – Задал Фридрих Иванович вопрос, чтобы в очередной раз возбудить аудиторию и дать ей додумать дома, а не сейчас, когда уже следующий вопрос разбирают.

– Бизнес – это ресурс здоровья и ресурс власти. – Это Игорь, не зря ведь будущий кандидат философских наук, зрит в корень.

– Бизнес – это творчество. Сначала раскрепощаешь сознание, потом – тело, а потом и творишь, переделываешь мир под себя с прибылью для себя

же. – Геннадий Петрович сам от себя не ожидал такого пассажира.

– Ну, в целом, конечно, все имеет место. Мнение Игоря – это мнение образованного пролетария, как у Шукшина Глеб в рассказе «Срезал». У Геннадия Петровича – в принципе, верно, но суть не ухвачена. Мнение Веры Марковны мы тут обсуждать не будем.

Бизнес – это риск. Основа бизнеса – это безопасность. Безопасность – это служба безопасности или искусственно созданное болото. Создать болото надо непременно самому. Для контролирующих органов у вас в ответ должна быть выставлена неопределенная социальная система, клиентела. Это не я слово придумал, потом посмотрите в словарях. Далее.

Бизнес – это война. Воевать нужно со всеми – с подчиненными, с бабами – всегда со всеми готовы поссорить.

– А со спецслужбами? – уточнил на всякий случай Игорь, еще верящий в их могущество.

– Со спецслужбами – не дружить, не ссориться, вести себя ровно, – сразу нашелся Фридрих Иванович. – Продолжаем.

Руководитель не может контролировать более 6–7 подчиненных. Они тоже, в свою очередь, не могут контролировать более 50 подчиненных. Потом уже начинается заваруха, по большому счету.

Да, кстати, а скажите мне, какой главный критерий в подборе подчиненных? Нет, не профессионализм, не опыт. Не связи – сами должны всего добиваться. Нет, не готовность отсасывать в нужный момент. Главное, чтобы руководителю было – у – доб – но. Ком – форт – но. Удобно и комфортно, больше критериев нет. Себя руководитель должен уважать и любить. Его главное дело – кадры и психология. Короче, есть такое умение – «думать». Вот это и должен уметь делать руководитель. Это правило табуретки: три ножки – неустойчиво, а четыре ножки – в самый раз. Кадры, психология и отдых еще. Отдыхать от трудов обязательно надо.

– А как правильно увольнять? – Уточнил Геннадий.

– Лучшее решение проблем – радикально. Справедливость – на хер. Справедливо то, что к моей пользе. То есть, к вашей, понятное дело. А к вашей пользе должна задавать систему координат система «Свой – чужой». Останавливаться на этом не буду. Есть такой тренер – Радислав Гандапас, посмотрите его видео – курсы. Одобряю.

Вопросы есть?

– А как соотносится экономика мировая, скажем, и национальные рынки? – Игорь помнится, что – то понахватался у друга, закончившего МВА, и теперь пытался тоже говорить по – умному. Конечно, задачи показаться умным у него не было, ему хотелось как бы кинуть «кошку» с

вопросом на пока недоступную гору знаний, в данном случае – макроэкономике. А дальше – сам подтянется.

– Экономика и рынок – не равновесны. – Больше Фридрих Иванович предпочел не распространяться. Игорь ответом удовлетворился, что – то записал. Кивнул, и икнул, в знак благодарности. Кошка зацепилась за новый термин – «неравновесность».

– А еще уточните, что такое инвестиционный банк? И кто такие инвестиционные банкиры? – Игорь решил ковать железо пока горячо. Он как – то читал, что инвестиции – дело прибыльное, а инвестиционные банкиры – крутые, в общем, мужики. Правда, он не понимал, почему, как он вычитал в одном интервью с миллионером, один инвестиционный банкир решил стать гражданским пилотом. Ну да ладно, позже разберемся с психологией, а сейчас хорошо бы понять терминологию.

– Инвестиционный банк – это умение создавать условия, чтобы туда можно было вложить. Во что верят инвесторы? Вот такие условия и нужно создавать. – Фридрих Иванович опять был немногословен, но Игоря ответ удовлетворил.

– Спасибо.

– У меня есть вопрос. Назрело. Фридрих Иванович, а какая же структура бизнеса идеальная? Что – то мне не нравится этот феодализм с признаками рабовладения.

– Идеальный бизнес – это сетевой бизнес. Но это уже, извините, платная лекция. Потом оставлю Вам мой телефон, почту – напишите, если хотите. А тут у нас базовый курс. С сетями вам работать не придется.

Заключительная лекция

На эту последнюю лекцию, наконец, собрались в полном составе – Геннадий Петрович, Вера Марковна и Игорь. Собрались они все вместе не только потому, что после лекции был назначен фуршет. Все, как пиар – специалисты, хорошо знакомые с принципами организации пресс – конференции, знали, что даже если информационная составляющая будет никакая, все равно либо никто не придет – это в лучшем случае, либо все уйдут под впечатлением неоправданных ожиданий, что негативно скажется на перспективах отношений с информанщиками. Сказать, что информационная начинка каждой лекции была впечатляющей, значит, не сказать ничего. Другое дело, что одной темой не завлечешь, да и срочные дела отвлекали. Но главное, каждый в душе носил желание поделиться знаниями с тем, кто на посещенной им лекции отсутствовал. Вера Марковна, например, очень хотела рассказать Геннадию Петровичу о власти. А он ей – о менеджменте.

Заключительную лекцию проводил уже полюбившийся всем Фридрих Иванович.

– Психика не имеет отношения к логике. Все, что происходит в Вашей голове – нелогично, никаким законам, по крайней мере, известным науке законам – не поддается. Соответственно, сознание, бессознательное и всякое иное подсознательное – это не наука. Это практика, если хотите. Жизненный опыт. И то, у каждого психиатра – опыт свой, и ошибки тоже свои. Знаете, говорят, у каждого врача есть свое маленькое кладбище. У психиатра это собственный дом душевнобольных, которым он на время внушил, что они здоровы.

Что я хочу сказать? Психиатры – те же адвокаты, те же стоматологи.

– Те же пиарщики? – Уточнил скептически, как показалось многим присутствующим, Игорь. Он читал интервью одного уважаемого директора пиар – агентства, который констатировал факт того, что пиарщик в народном сознании есть нечто среднее между частным адвокатом и личным стоматологом. – «Хорошо, хоть не персональный водитель». – Так что вопрос для него был несправедным, без подколки.

– Нет, пиарщик, наверное, нет, в меньшей степени. Так вот, психиатры, как и стоматологи, как и адвокаты, настроены на то, чтобы лечить и защищать, а не вылечивать и не «отмазывать». И поэтому что? Поэтому каждый должен быть себе сам психиатр! Вот таков мой вывод.

Далее. Сверхчеловек может быть только один. Вопрос. Кто этот сверхчеловек?

«Вы!» – ответил бы Игорь еще до начала этого лекционного курса.

«Бог», – подумала Вера Марковна. – «Или Иисус?»

«Я – сверхчеловек», – так бы ответил Геннадий Петрович до встречи с Фридрихом Ивановичем. – «Я – сверхчеловек. Вы тоже. Вера Марковна, безусловно. Игорь, не знаю, может быть», – такие мысли у него были в голове сейчас.

– Вот, по лицу Геннадия вижу, что он мыслит правильно. Он – сверхчеловек. И ты Игорь, тоже сверхчеловек. И Вы, Верочка. И я, конечно. Каждый сверхчеловек, и это надо понять и принять. И применять.

Целесообразность сверхчеловека – то, что полезно, и то, что этично для него самого. Своя мораль у каждого должна быть, чтобы каждый творил свое добро и свое зло.

– А если зло творят с тобой? – Уточнила Вера Марковна. – И человек не менее сверхчеловечный, чем ты сам?

Фридрих Иванович не замедлил с ответом:

– Во – первых, главное качество сверхчеловека какое? Сверхчеловечность. Никогда сверхчеловек давить равного по разуму не будет, иначе он глуп – и преимущество, по определению, у Вас.

Во – вторых, если нашла коса на камень – это у сверхлюдей бывает, но редко – мой совет: из ситуации не выходить.

И в – третьих, каждая ситуация может быть переведена в полезную. Полезную для Вас. Продолжаем.

Вера Марковна уверенно кивнула, поняла, что – то записала. Записала и зарисовала она, кстати, только следующее: значок молнии, стрелочка и слово «выход».

– Все вытесненные желания переходят в агрессию. Поэтому, если что – то накопилось, есть что сказать – говорите. Выражайте чувства. Не держите все в себе. Пусть говно выходит хоть с агрессией, но выходит. А избежать агрессии очень просто – надо врагов любить, проявлять не банальную сексуальность и домогания, а именно любить. Всем телом, всей душой. Бог есть любовь, помните? Вот. И если любите, желания будут выходить как надо, без агрессии, без нервов. Как говорили в девяностые в аппарате правительства – «невротик, это тот, кто не берет в ротик». Едем дальше.

Правила эффективного поведения Сверхчеловека:

«Делать первое, что приходит в голову».

«Думать только о себе». Как старуха Шапокляк, короче.

Геннадий Петрович хмыкнул, он помнил этот мультик наизусть. Пожалуй, мультфильмы про Чебурашку и Крокодила Гену, а также «Ежик в тумане» – это были единственные произведения искусства, которые Геннадий знал наизусть. Про Гену, это Вам, конечно, понятно почему. Геннадия иногда дразнили крокодиллом. А «Ежик...» – просто хороший мультик, душевный, философский.

И – «Все дозволено».

Вопросы есть?

Вопросов не было. Игорь еще секунду подождал старших товарищей и решил задать свой насущный научный вопрос. Дело в том, что ему предстояла будущей осенью, на худой конец – зимой, защита диссертации. Вопрос все время откладывался из – за несобранности его научного руководителя. И денег ему дали, и на соавторство (читай – труд негра) Игорь подписался, и сайт ему персональный сделал. Все равно и воз и ныне там – защита постоянно откладывалась. Но какой же сверхчеловек без научной степени, простите?

– Как мотивировать профессора? У меня научный руководитель профессор. – Пояснил Игорь Фридриху Ивановичу, который как – то упоминал о своей научной карьере в Академии РАН.

– Ну, профессор тоже кушать хочет... – Мечтательно сказал лектор, даже сглотнул. Сейчас – то еды вдоволь, но, видимо, в его годы с продуктами была напряженка. Вспомнилось как – то.

– Денег давал. Не еду же ему из кулинарии давать. – Уточнил откровенно Игорь. Коллеги не обращали на этот разговор внимания, думали о чем – то своем, смотрели в записи, подчеркивали что – то – Геннадий Петрович ручкой, Вера Марковна – карандашом. Они давно были кандидатами наук, он – политических, она – филологических.

– Тогда профессору надо дать почувствовать перспективу. Перспективу работать с Вами. Например, вместе книгу написать. Или связями за границей блеснуть. А в чем проблема, собственно? – Нашелся Фридрих Иванович.

– Да диссертация никак не идет, не защищается. Я такие идеи предложил. Я просто реальный пионер и новатор. – Встрепенулся Игорь.

– Молодой человек. – Назидательно проговорил как бы нараспев, как бабушка у подъезда, укоряющая за плевков ей под ноги. – Молодо – ой челове – е-е – ек. Профессору и научному совету Ваша новизна не обосралась сто лет. Профессору может быть, конечно, но он решений не принимает. Диссертация кандидата, – каких Вы там наук, философских? – это тест на лояльность. Нужно писать, что говорят, а говорить в философии

сейчас что – то новое бесполезно. До сих пор у нас господство марксизма, еще ладно, но ведь – марксизма – ленинизма. Так что – не выебывайтесь, пишите под копирку с прошлых защищенных диссертаций и будет Вам счастье. А научные доводы в книге какой –нибудь своей изложите.

– Спасибо, Фридрих Иванович! Я что – то подобное предполагал, но чтобы до такой степени... – Игорь изумился. И в науке, даже в философии, его идеи не нужны. Хорошо, что он в пиаре, в этом царстве, в этой фабрике идей.

– Пожалуйста. Итак. Мое последнее слово. Напутствие. Сейчас – время идеократии. Идеократия – это управление через информационные конструкты. «Власть идей». Конечно, это долгосрочный период. На короткосрочный – это вирусный маркетинг, не более. Я желаю вам удачи в информационном предстоящем бою. Не будьте идиотами, будьте идеократами. А идиотов – убивайте. Беспощадно. Всем спасибо.

Круглый стол на День здоровья

День здоровья как апофеоз общей физической подготовки было решено завершить выездом на природу для физкультурных соревнований в первой половине дня и безалкогольного фуршета вечером. Забегая вперед, отметим, что безалкогольным праздник получился только у преподавателей.

Пять дней тренировок в тире, бассейне, на велотренажере, с «железом», а также день с лекцией о диете, прошли незаметно, и рассказывать о них особо нечего. Никто не пострадал, никто не пропустил, никто не пошутил. Все руководство компании «РосПиар», а также примкнувший к ним Игорь ценили здоровый образ жизни. По следованию девизу о том, что «креатив, равно как и здоровый дух, могут быть только в здоровом теле», Геннадий Петрович различал «своих» и «чужих». Дизайнерам в свитерах, впитавших запах дури; креативным директорам с остекленевшими от кокаина глазами; полиграфистам и печатникам с утренним или любого другого времени суток запахом перегара – всем этим подрядчикам в «РосПиаре» давался от ворот поворот. Сам же Геннадий Петрович пил алкоголь, как религиозный фанатик, только после и до захода солнца.

Выехали поздно, далеко за полдень.

На природе Фридрих Иванович прочел короткую лекцию об основах здоровья.

– Нервная система – есть продолжение мозга. Каков мозг, такова и нервная система. Проще говоря, все болезни от нервов, но это ничего объясняет. Точнее, не объясняло – сейчас расскажу.

Нервные волокна заканчиваются в каждой клеточке тела такими небольшими хвостиками, аксончиками. Нервные волокна – это проводники тока, вырабатываемого мозгом. В этих самых аксончиках происходят обычные физические явления – конденсация, накопление заряда, схлопывание, расслабление и так далее по новой. Аксончики надо энергией насыщать и не забывать полностью разряжать. Как? Общась с другими людьми. Не банальный переписхон, а реальный сексуальный контакт. Дам потом книжечку, почитаете.

Далее. Душа и тело – едины. Тут спорить не будем, хотя я понимаю, вам шизы много уже нагнали и в школе, и в университетах.

– А что такое «шиза», Фридрих Иванович? – обратился Игорь. Они

определенно нравились и симпатизировали друг другу – опытный лектор и любознательный ученик. Прямо таки Ликеум – возрождение античных традиций. Фридрих Иванович реализовывался с Игорем, как настоящий, по его представлениям, педагог. Поэтому и отвечал он Игорю вежливо, хотя и снисходительно, но по – доброму, охотно, в общем.

– Шиза – это информация, которая не применима в работе. – Лектор был сама лаконичность. Игорь не возражал. – Вот пример самой известной шизы – Дарвин и его учение. Он говорил о конкуренции видов, в связи с чем его обсмеяли еще при жизни. Конкурируют популяции, то есть и народы, а не отдельные личности – так будет правильно, но в школе до сих пор учат неправильно. Если вообще еще чему – то сейчас учат, кроме того, как поставить галочку в заданиях ЕГЭ. Вот вспомните, в чем заключалась подготовка аристократов, что у нас, что в Европе, что в Англии. Воспитание состояло в отсутствии воспитания. Аристократ сам решит, что делать, как учиться, у кого учиться...

Всегда есть толпа и есть хозяин. Хозяином может быть только аристократ. Так, ну я отвлекся. Есть вопросы?

– А расскажите про качества хозяев и рабов? – Вера Марковна, впрочем, не возражала против своей рабской сущности, но все – таки, надо же знать, как отличать хозяев жизни – для личных отношений, для поиска клиентов.

– Верочка, спасибо за вопрос. Отлично. Как раз хотел рассказать. Например, жестикуляция. Жесты у хозяина идут из внешней зоны во внутреннюю, у раба – из внутренней – во внешнюю. Представьте, революционер на броневике рубит правду матку, приглашает вступить в партию, как бы загребает к себе сторонников. И с другой стороны, оправдывающийся мудачила: «Я не знаю, кто виноват. Не я. Это не в моих силах, не моя зона ответственности. И прочая лабуда». И руками, как китайский болванчик, разводит. Понятно, да?

Хозяин никогда не бьет прямо. У хозяина плечи развернуты. Удар наносится сбоку, с хорошего размаху – тут надо смотреть, у кого насколько плечевой пояс раскрепощен. И обычно хороший боковой удар бывает смертельным – в основание черепа. В воинской тактике это называется – зайти с фланга. Знаменитый стратег Германии, забыл как его – Шлиффен, что ли, – всегда наносил победные удары с флангов, и даже книжку об этом написал. А что может сделать раб? Прямой удар? Да кому он нужен с такими куцыми плечами? Получится интеллигентский тычок, и в следующую секунду его автор будет лежать на земле.

– Традиционный вопрос, Фридрих Иванович. Посоветуйте, что

почитать по этой теме? Вопрос – то обширный. – Задал вопрос Геннадий Петрович.

– Пластика в целом управляется внутренним состоянием. По пластике, по раскрепощению почитайте «Пластику чувств» Гиппиуса. Это набор тренингов по фактической системе Станиславского. Помните, он говорил, что жест должен быть эмоционально окрашен? А как окрашивать – это Гиппиус.

– Спасибо.

– Пикник пора начинать! Стемнело.

– А можно на утро что – то типа круглого стола? Не хотим Вас отпускать, Фридрих Иванович!

Фридрих стал им наподобие отца, и отлучаться от него было сложно. Фридрих и сам понимал свою роль – уже больше пятнадцати лет он вел различные тренинги. Причем сам решил для своей же, именно своей пользы – а что вы хотели от очень актуализированной личности? – проводить не менее чем двухдневные мероприятия. Оптимально для него – две недели. И все привыкали, и смотрели ему в рот, и вопросы задавали детские – привыкли, в общем. Причина такого стяжательства душ проста – Фридрих не имел детей и всех семинаристов воспринимал как родных, что, конечно, и не скрывал. Актуализатор, короче – открытое навязывание своей воли.

– Насчет круглого стола решим. Ну, в самом деле, какой тут круглый стол? Поляна будет нам ковром.

Однажды утром

Слушать лекции с похмельной головой и спорить с коллегами все одно приятнее и легче, чем ехать в даль с похмельной же головой и спорить с бодрыми нездоровыми психологами – гаишниками.

Утром собрались на поляне в полном составе.

Утро. Здоровья всем.

– Здравствуйте.

На поляне стоял недопитый коньяк. У Геннадия Петровича немного побаливала голова. «Все, что сделано наполовину, губит целое», – вспомнил он слова Заратустры. И это не зависело от стоимости коньяка.

– Приступим. Какие вопросы будут, друзья? – Фридрих Иванович еще не натянул очки и спрашивал вслепую. Отсутствие очков делало его лицо более глупым и доброжелательным. Такой, в общем, и должен быть добрый папа, а точнее даже дедушка.

Начал серию вопросов и ответов Игорь:

– У меня часто появляется обида на мир. Почему люди такие тупые, глупые и вдобавок идиоты? Почему они не хотят слышать ничего нового, почему не дают хода молодым, всегда врут. Вот, правда, накопело и надоело.

– Дорогой мой, ты живешь в мире иллюзий. Живи в реальном мире и воспринимай все как исходные условия. Не будет иллюзий, не будет и обиды. А если говорить про трудовой коллектив, то надо лишиться иллюзий трудовой коллектив, тогда будет нормальная рабочая обстановка: «расслабишься – выебут». Люди не любят неопределенности. Навяжите им Вашу определенность. – Фридрих Иванович, наконец, надел очки и поумнел. Перехода никто не заметил. Очкарик Вера Марковна отметила практичность очков Фридриха – они были роговые, литые, без носовых поддержек, которые постоянно загрязняются зеленым салом. «Почему зеленым? Я нос зеленкой не мажу», – недоуменно гадала Вера Марковна, и тоже подумывала о литых, но модных очках.

– Это – вот про иллюзии в трудовом коллективе – ко всем относится? И к мужчинам, и к женщинам? По – моему, женский коллектив – ему комфорт важен, он вообще более доброжелательный. – Спросила Вера Марковна.

– Женский коллектив – прямой путь к склокам. Важно не упускать мелочей с женщинами. Мужчины, слышите? Как минимум, всегда

интересуйтесь их здоровьем и семьей. – Фридрих Иванович ответил, как всегда, глубже, чем его спрашивали.

– А что Вы можете сказать про всякие миссии компаний? Это просто бесполезное маркетинговое фуфло? – Поинтересовался Игорь.

– Ну и вопросыки у Вас с утра. Не утренние, и не на природе о таком спрашивают – а где –нибудь на курсах типа Эм – Бэ – А. Миссия – штука хорошая, в целом. Руководитель компании должен иметь видение (ударение на первый слог я специально сделал), тогда желаемого будет достичь проще. Цель нужно увидеть. Так вот. Работникам тоже надо что – то видеть. Поэтому эффективнее всего иметь две миссии – внешнюю и внутреннюю. Обычно они в общем виде формулируются так. Внешняя и внутренняя миссии компании – это: удовлетворять клиента и быть самой доходной компанией, соответственно. В переводе на русский сие означает, что клиент это – тамагоччи, которого надо пасти, кормить, развлекать и говно за ним убирать, а зарплата няньки зависит – от результата. Это понять и принять, а тем более начать двигаться в этом направлении, зачастую руководителю очень сложно.

Вообще же, проблемы в бизнесе – есть проблемы в голове. Самая классическая проблема – «сопротивление изменениям». Важна для начала идеология изменений, а потом и сами изменения, привыкать съезжать с насиженного места – хороший навык. Мобильность – наше все. А как действовать в ситуации, например, того же «кризиса»? Многие работают по старинке – зарплата, выходные, набор лишних сотрудников – кто поплакался, кто по знакомству и прочий бред. Надо по пунктам:

Первое. Зафиксировать обнаружение ситуации. «Все бя, приплыли» или «Скоро гикнемся».

Второе. Принять меры: снижение зарплаты, увольнения нытиков и неумех. «Пошел на хер, я кому сказал?» или «Без выходного пособия – еще чего! – шагом марш в пешее путешествие!»

И третье. Придумать план спасения. «С завтрашнего дня работаем без выходных» и в таком духе.

Все оставшиеся на корабле план должны безропотно принять и подчиниться. В организации важна цельность.

– А если организация большая, корпорация какая –нибудь? Там реально ее хозяин или там, основатель, имеет какую – то власть? – Спросил Геннадий Петрович.

– Про власть у нас рассказывал лектор, как его там зовут – то?

– Стиций! – Уточнила Вера Марковна.

– Да, точно, Стиций. Верочка, спасибо. А что мы так покраснели?

Ладно, дело твое. Так вот, вы на этой лекции, по – моему, не были – у меня отмечено. Вера Марковна вам потом расскажет. Если коротко, то основы удержания власти – это обеспечение резидентуры путем создания касты «смотрящих». Раньше на эту роль брали родственников, однокурсников, товарищей по спортивной секции и подобных не обязательно профессиональных, но знакомых людей. Когда и их лимит исчерпывается, берут тех, кто тебя считает за Мессию на Земле. Сейчас даже такой бизнес есть – вырастить паству на заказ под клиента. Что – то вроде коммерческой секты. Тебе башляет большой дядя, ты фотографию этого дяди распечатываешь и кучу народу заставляешь, добровольно, конечно, на него молиться, чесаться, кончать и все такое прочее. А потом, просто предъявляешь его живьем, и он, соответственно, берет их в бизнес – и дешевые сотрудники, и преданные, что еще надо для дела?

– А можно про макроэкономику пару слов, Фридрих Иванович? Вот российская меня интересует. Какие – то реформы, преобразования, а народ по – прежнему нищий, дороги не дороги, а направления, продукты дорожают. Что происходит? – Игорю тоже хотелось в последний день все понять. Ему казалось, что лектор, как и в школьные годы учителя, живут в другой реальности – все знают как бы со стороны, знают, как лучше поступить, как жить. И Игорь хватался за них как за соломинку, чтобы зарядиться уверенностью. Никто не знает, кроме самих учителей и лекторов, каких сил стоит излучать уверенность, обитая в том же самом подлунном мире, что и ученики. Впрочем, когда ученики дают кредит уверенности, хочешь не хочешь, а уверенным станешь. Как – то исподволь. Но выражение лица при этом становится глупым – блаженно глупым, или самоуверенно глупым, или непробиваемо глупым – как яйцо, короче: и красиво, и гармонично, и никак. Это даже в анекдотах народной мудростью подмечено: «Вы педагог? – интересуется мужчина на лавочке в парке у рядом сидящей дамы. – Да, а как Вы догадались? – У Вас глупое лицо. – Вы просто хам! У Вас, между прочим, тоже глупое лицо! – Все правильно, я тоже педагог». Напускная глупость – защита от сумасшествий горнего мира. Игорь думал, что большинство душевнобольных, в общем – то, счастливые люди. Они, не все, счастливы тем, что на них смотрят, как на сумасшедших и с глупостями не пристают, а они могут вести себя, как угодно, думать о чем угодно, радоваться жизни. Игорь вспомнил, как один раз к его родителям пришла их давняя подруга с двумя детьми, девочками. У одной из девочек было нарушение мозговой деятельности, потому что мама не убрала один раз лекарства с ночной тумбочки. Игорь играл с девочкой – дауном, она не все понимала из его слов, иногда кидалась

игрушками невпопад, но на ее лице чаще всего было улыбочное выражение... Сейчас девочка умирает от многочисленных переломов и травм головы – несовершенство мира ее доканало. Но это проблемы мира, а не девочки, в общем – то, если разобраться. Душа будет расти и развиваться на небе, а мир останется гнить на земле. Лучший из миров? Ну – ну.

– Российская экономика очень простая. Каждые двадцать лет – пенсионная реформа. Что такое пенсионная реформа? Это всего – навсего грабеж стариков. – Фридриху Ивановичу, судя по всему, до пенсии оставалось не пять, и даже не десять лет – чуть побольше, но вопрос задел его за живое – проскользнула, блеснула его не учительская, а человеческая сторона. – На пенсию прожить невозможно. Пока работаешь – живешь, ушел на пенсию и умер.

Но есть и хорошие стороны. – Фридрих не был бы Фридрихом, если не нашел бы позитивных моментов, объективно позитивных. – Монополии, государственные монополии. Монополия, что бы ни говорили – всегда намного более эффективна, чем частное хозяйство. Что скрывать, все знают, что экономика в России на сорок процентов – дотационная. Куда уж тут частники попрут?

На самом деле, Карл Маркс был прав насчет будущего. Он провидец. Кстати, и не марксистом был Маркс – замечательный парадокс, да? Постиндустриальное общество – и есть коммунистическое общество в лучшем его идеале. Только, как мы видим, до него мы дожили без советской власти и почти без коммунистической партии.

– Фридрих, а вот где можно почитать про то, как заработать деньги? Нет, я, конечно, не собираюсь открывать свой бизнес или там, становиться Еленой Батуриной. Мне бы роли «жена Лужкова» хватило бы. Так вот, просто интересно, как люди зарабатывают большие деньги? Нет, понятно, что такими знаниями никто не поделится, по крайней мере, бесплатно, но все же. Как вообще зарабатывают? – Вера Марковна сама от себя не ожидала такого пассажира. «И дался мне этот Лужков – старый какой – то, но вот властью от него пышет. Люблю причастных к власти, к Олимпу. Ну вот, спросила про деньги, а сама про мужиков думаю, как обычно». Вера Марковна заострила свое внимание на этом переключении – с денег на власть, а на власть, чтобы на мужиков. А на мужиков понятно, почему. Но обратить внимание на то, что она проговорила про свой бизнес – «не собираюсь открывать» – пока не посмела. В том, что Вера Марковна под отрицательной частичкой «не» уже обозначила желание своего подсознательного, она еще не поняла, не осознала. Ее счастье, что этого пока не осознал и Геннадий Петрович – не любил он чересчур

самостоятельных женщин.

Открыть свой бизнес – было самым частым желанием после прослушивания энергичных, взвешенных, уверенных лекций Фридриха Ивановича. Кто побывал на его тренингах – тем более в этом желании укрепились. Однако стоило бы почитать еще и теоретические материалы Фридриха Ивановича, чтобы понять – свой бизнес еще не есть гарантия от безбедного существования и путь к счастью. Ключевым понятием было – Свое Дело. Дело – не всегда бизнес.

– Вера, все очень просто. Никто никогда не опубликует то, на чем «поднял» деньги. Даже Нобелевская премия вручается через семьдесят лет после «апробирования результатов», когда все сливки сняты. Но если кто – то что – то и опубликует – это будут энтузиасты с малыми тиражами. Таких книг немного, благодарите их авторов за журналистский зуд, открывающий дверь на небеса, к золотым горам и тому подобным благам.

Книги по бизнесу от бизнесменов – это шлак или реклама. Они либо уже сделали своим бизнесом издание книг, всякие семинары, где можно «прикоснуться к легенде с первой полосы», либо восстанавливают или создают репутацию. Исключения, повторюсь, есть, но они редки.

По бизнес – книгам бизнесу не научишься. Учиться каким – то там ходам, подвыподвертам или фишкам бесполезно. Если они написаны, значит, они уже отработаны и для Вас не послужат. Учиться нужно энергетике, управлению своими чувствами. Читайте больше художественную литературу, там все есть. А инструментарий заколачивания денег очень простой обычно – купил дешевле и продал дороже, вот и вся простая кулацкая железная философия.

Да. О чем это я? Мы говорили о коммунизме, так вот. Жить уже надо не с прибыли. А жить надо с издержек. Некоммерческая организация, деньги под проекты и все такое прочее – кто хочет, лично расскажу подробнее.

И насчет продаж. Никакие массовые продажи, долбежки, системы СПИН, НЛП, брайаны трейси вместе со школами тигров неэффективны будут в постиндустриальном коммунистическом государстве – то есть, в скором будущем. Запомните, принцип дуалистической монополевой торговли: «Один продавец с уникальным товаром – один покупатель с нормальными деньгами, заинтересованный в этом товаре». Все, один на один.

– Может, чаю попьем?

Несколько контрольных в головы и один в сердце

Вернулись домой. После такого Дня здоровья действительно хотелось жить.

Между тем, наступила очередная реперная точка, момент истины, рабочий промежуток, чек – поинт – время, когда надо проконтролировать сотрудников лично. Геннадий Петрович все чаще доверял этот процесс Игорю. Игорь понимал такое доверие однозначно – это приглашение работать в «РосПиаре» на должности, как минимум, личного помощника, а максимум – в качестве исполнительного директора или директора по клиентам.

У Игоря уже были все номера «асек» всех сотрудников «РосПиара». Проверку он решил начать постепенно: включил мобильного ісқ – клиента в телефоне. Самыми смешными и дающими повод для разговора были статусы у каждого из сотрудников. Например, сегодня среди них обнаружил следующие:

– «в'job'ываю» – это глава копирайтерской группы, «Понятно, вкальвай – вкальвай, Вероника – собственные словечки – показатель творчества»;

– «миром правит не тайная ложа, а явная лажа» – это директор инновационной практики Римма, «Кто ее натолкнул на эту мысль, не мониторинги ли иностранной прессы по теме стартапов?»;

– «страпон» – это директор финансовой практики. «Хорошо, что их клиенты – аудиторы повсеместно запретили пользоваться всеми аськами – одноклассниками – а то бы точно пристали бы к очаровательной Оксане с вопросами, не относящимся к пиару. Хотя, знаете, директора же аудиторских фирм – мужчины. Как там было у Губермана: «В духовной жизни я корыстен, И весь пронизан этим чувством: Всегда из двух возможных истин, Влекусь я к той, что больше бюстом»;

– «ріјamas» – это директор практики по новым медиа и социальным сетям, «Видимо, Алеся еще не ложилась. А может, просто аську никогда не отключает»;

– «30 лет озвучивал фильм, но это было немое кино» – это Александр, директор по прямым продажам, «Ему как раз тридцатник недавно исполнился, говорил Геннадий Петрович. Ценил этого сотрудника – прямые продажи в консалтинговом бизнесе трудная штука – продажа воздуха, мотивация, когда тишина по два месяца, новые схемы

вознаграждения придумывать надо постоянно... Надеюсь, теперь он прозреет ушами и поймет – у него лучший в мире руководитель»;

– «Я как наркотик... Со мной умрешь от передоза. А без меня от ломки» – это эвент – девушка Ника, организатор различных семинаров, конференций. Вот это странно от нее слышать! Наркотик какой – то...»

И вот эта самая, в пижаме, Ася написала сама:

А: Привет

И: привет

А: Как у вас дела?

И: короче.

А: Тут запрос. Из Африки.

И: сборная Ганы обратилась за информационным зондом против Америки?

А: В точку! Как догадался?

И: я шучу. Что там в Африке?

А: Правительство Ганы хочет однодневный семинар – консультацию по информационному сопровождению своей страны. Это срочно, пока со стороны Америки к ним есть интерес, они хотят.

Игорь перезвонил. Если она не была пьяна, то это кажется, интересный международный контакт. Невзирая на роуминг, Игорь набрал мобильный заведующего «РосПиара» по социальным сетям.

– Привет!

Молчание, сопение.

– Привет. Ага.

Слышны удары по клавишам.

– Ну что там?

– Ну что, заказывают.

– Что заказывают, куда заказывают, что я, клещами должен вытягивать?

– Я же все рассказала. Смотри в аське.

Игорь понял, что разговор с Алесей будет менее конструктивен, чем переписка. Он вспомнил слова Геннадия Петровича, что современные фанаты соцсетей письменным владеют лучше, чем устным русским. Звонишь таким – как будто вчера разговаривать научились.

– Алеся, в течение двадцати минут вышли предложение объемом одна страница. Кто, что, когда, сколько оплата, оплачен ли счет. Одну секунду.

– Геннадий Петрович! Геннадий! – Позвал Игорь. – Вы в Африку завтра на один день сможете слетать? Заказ из «РосПиара».

– Легко! – Отозвался Геннадий Петрович. «Не отдохну, так

прокачусь», – вспомнилась мысль из прочитанной книги «Йод» писателя Андрея Рубанова месяц назад. – Бизнес – классом!

Впереди было три выходных на «разграбление города и близлежащих селений». Их можно было использовать каждому на свое усмотрение.

Пока Игорь «вставлял пистоны» остальным главам отделов «РосПиара» – «Что было запланировано? Что сделано? Что еще запланировано? А я помню. Почему не сделано? Короче! Когда будет сделано? Нет, давай не через две недели, а через неделю. Полномочия? Я могу штраф выписать, могу уволить. Все, свободен».

И так с каждым из шестерых. Игорь старался быть максимально коротким, ясным, гавкающим. На каждого – не больше трех минут. Ответы не слушал. Его задача была – наорать на каждого, всадить энергичный стержень, чтобы мозг подчиненных не затухал. Он предугадывал реакцию: сейчас все будут ворчать, нервно курить, жаловаться на несправедливость. Почти как после изнасилования. Зато потом пойдет реакция по подчиненным, дела завертятся, и все будет хорошо.

«Игорь не случайный человек – помощник главного», – всем эта мысль была донесена.

Все будут чувствовать сильную руку хозяина. Лекции, определенно помогали и наполняли сутью приказы Геннадия Петровича. Геннадий научил его такому обращению.

Роль администратора с широкими полномочиями ему определенно нравилась.

Парашют, самолет, девушка

Пришлось вылететь в Гану. «Эйр – Балтик» – хорошая компания, даже прислала трансфер к дому. Но молодой водитель не понимал по – русски ни бельмеса. «Хорошо, хоть не джихад – такси», – подумал Геннадий. – «Как можно не знать русского в Эстонии, в Литве, в Латвии и особенно на Украине? Не понимаю, это же проблемы молодежи, тут козырять нечем, да и недолго».

– Мина эй осска вэнэ кээльт.

– Аш некалбу русишкой.

– Ес нерунаю криевиски.

– Я не знаю російської мови.

Стыдно! Стыдно и паскудно звучит!

«Ф – ф–фу. Учите русский! Поучитесь у грузин. Точнее, у одного грузина – Отара Шалвовича Кушанашвили», – подумал Геннадий.

На борт поднялись все пассажиры, захлопнулись двери, бортпроводницы провели глухонемой инструктаж. Командир корабля пожелал всем приятного полета, включились конфорки, разогревающие «питание и напитки», и самолет, разрывая балки солнечного света, взмыл в воздух. Кто – то некстати захлопал, и большинство, зная, что так не принято, все равно поддержало. «Наконец – то», – вылет задержали на полтора часа. Случай, в общем – то, анекдотичный, но чтобы такое происходило с тобой – нежелательно, лучше не надо.

На борт поднялись все, кроме одного – минутой назад его все – таки выпроводили. Рослый, прилично одетый в кэжуал мужчина сначала прошел сквозь немую сцену регистрации, потом на пограничном досмотре и, наконец, у стюардесс. За плечами в ручной клади он нес парашют. Обыкновенный бэушный парашют: новый стоит четыре тысячи евро, старый – полторы. Разница есть, особенно для миллионера, сколотившего состояние своим собственным трудом. В багаж же ноутбуки никто не сдает – и расколют, и дорогая все – таки вещь. Особенно, если летишь куда – нибудь в Бразилию или, чего доброго, Африку – сопрут и «спасибо» не скажут. Вот он и взял его как ручную кладь в салон – кто – то сумку с подгузниками для ребенка берет, кто – то компьютер, другие личные вещи, а он решил взять парашют.

– Молодой человек, что это у Вас? – С детской непосредственностью и легким украинским акцентом – «шо» – спросила миловидная беленькая

толстушка – стюардесса.

– Батюшки, да это парашют! – Не веря своим глазам, сказала старшая бортпроводница, уже довольно немолодая, для календаря новогоднего такую не снимешь. Она стояла рядом с молоденькой, встречала «паксов», указывала места и давно не обращала внимания на разные чудачества – кто и что с собой несет. Привыкла уже пропускать всех подряд – глаз, да и не только глаз – чего уж там! – за время долгой службы на высоте замылился.

Мужчину задержали в тамбуре, но следом идущие стали возмущаться и немножко паниковать: «Кто – то с парашютом летит!» Парашютиста отвели в зал бизнес – класса, там люди более взвешенные, и не то видели. Возможно, там и сейчас сидело половина салона с парашютами – ну зачем же их на виду таскать, право?

В общем, потребовался час, чтобы приехала авиа – полиция и полчаса ушло на разбирательство, установление личности, пробивание по базам и прочее. Пассажир согласился оставить парашют на хранение в бизнес – классе, а сам ушел на свое место в общий салон – миллионер же (сам так сказал; люди, сделавшие деньги собственным трудом так не хвалятся, а констатируют факт).

Геннадий Петрович наблюдал всю эту историю как раз из салона бизнес – класса. Ценный парашют стоял не так далеко от него. Зато рядом сидела приятная, чуть уставшая, крашенная в блондинку, брюнетка с волевыми чертами лица. «Где – то я ее видел, не помню. Телеведущая? Певица? Бизнес – вумен? Не помню», – размышлял Геннадий.

– Геннадий. – Представился Геннадий.

– Любовь. – Сказала Любовь.

Для поддержания начала разговорной прелюдии оба проговорили случай с парашютистом – миллионером. Улыбнулись, решили выпить кофе, поспать, почитать, а потом снова вернуться к разговору.

Вернулись.

Геннадий давно носил в себе мысль стать писателем. Но случая начать все не представлялось. Материала накопилось с лихвой, энергетика переполняла, время писать было, но хлопка стартового пистолета как – то не следовало. Геннадий всерьез подумывал о соавторстве и соавторе с крепкой сюжетной линией. «А почему бы и не соавторша?» – заключил Геннадий Петрович, когда Любовь полушепотом (с ней летела ее маленькая, но уже все понимающая и умеющая сопоставлять факты и задавать прямые обезоруживающие вопросы на публике, дочка) рассказала ему свою историю.

Любовь была миллионером в опале. Что не мешало ей, впрочем, летать бизнес – классом. Геннадий уверился в мысли, что бизнес – класс все – таки себя оправдывает в цене: такие попутчики дорого стоят. Любовь разведена. Хотя и трое детей, надо же. Три бывших мужа, вот с последним и была история.

Муж, теперь уже бывший, стал угасать во всех смыслах. Сначала как – то несерьезно – обычное дело сорокалетнего. А потом как – то будто под откос покатился – то одна болячка, то другая. Все было плачевно – жена не удовлетворена, дети не выгуляны, на лекарства куча денег уходит, на врачей. Чуть ли не к знахарям уже отправились на Алтай. Но, секундочку, о врачах. Лечить мужа взялся друг Любви, давнишний герой ее романа, студент Второго медицинского, доктор наук, большой специалист. И дорогой. Скидок даже для подруги молодости не делал. Мстил?

Как – то были назначены обычные анализы по ходу лечения. Ничего хорошего муж Любви от них не ждал: от недели к неделе кровь была все хуже, сосуды слабее, кардиограммы неприятнее. Он пришел в поликлинику совсем хмурый: «Мне кал на анализы сдать». – «Какие именно данные нужны? Дисбактериоз, на глисты, на гастрит, общий – какой именно анализ?» – «А давайте на все сразу, чего уж там!» Муж хоть и тратил только деньги жены, но считать их умел, и забор анализов был настолько дешевым, что он решил «гульнуть на все». Хуже не будет. – «Для каждого анализа – отдельный забор». Нет проблем, утром он еще не просрался – график сбит, первый стул был только в обед, то есть прямо сейчас, когда он с трудом добрался до поликлиники: стоял у каждого столбика – голова кружилась, вдыхаемый йод, равно как и проходившие мимо прохожие не помогали.

Короче говоря, анализы он сдал в полном объеме, на следующий день пришел получать данные. И тут его, мягко говоря, огрели обухом: «У вас в крови яд известного происхождения, умертвляющий. Обычно вводится внутривенно. Кто вам уколы делает?» – любят доктора поучаствовать в личной жизни!

Семейный совет, жена с работы пораньше. Все поняла и приняла. Вечером приехал доктор, с которым Любовь говорила уже наедине, рядом с домом – в грузинском ресторане.

«Вот и пришло время стать тебе моей женой». – Ничего себе! Любовь умела держать себя в руках. Доктор был, как настоящий доктор, циничен, целеустремлен и невозмутим. «Жена и муж – это ненадолго. По опыту знаю. А друг – это навсегда. Ты хочешь потерять друга?» Доктор понял отказ правильно и ценного клиента терять не хотел, так как друга он

потерял только что. А Любовь потеряла третьего мужа, но клиентов доктору приводить не перестала. Нет, не боялась, что ее отравит – просто нравился, как мужчина, хоть и такой подлючий.

«Отличный получится детектив! Полуженский такой, второй же автор – я». Женскими же детективами, насколько понимал Геннадий, самый популярный и продаваемый жанр на российском книжном рынке, назывались таковыми из – за именно женского авторства? Просто он не читал ни одного «женского детектива».

Прилетев в Африку, в Гану, в международный аэропорт «Котока» столицы Аккра, он открыл – таки на своем компьютере файл и назвал его «За себя» – это рабочий заголовок романа – непременно, романа! Впоследствии название романа много раз переделывалось в угоду то своим вкусам, то литературной истории: оказывается, хиты названий, которые Геннадий думал, что выстрадал сам, уже когда – то кем – то и даже великими писателями уже были названы точно также. «Надо отличаться!» Название файла оставалось тем же.

Как сделать предложение будущему соавтору Геннадий еще не придумал, однако телефонами с Любовью обменялись.

Лучший отдых – это работа

По дороге из аэропорта Геннадий прочитал техническое задание.

Заказчик: правительство Ганы. Повышенное количество обращений за визами, переполнение брони гостиниц. Боятся, что после чемпионата мира интерес погаснет – надо удерживать людей. Максимальный прицел – бизнесмены с инвестициями. «С инвестициями, а не с деньгами», – было подчеркнуто в техническом задании. Разницу Геннадий Петрович знал. Странам не нужны богатые туристы, которые в аэропорту купят пирожок, а на сдачу сам аэропорт. Странам нужны перспективы, длинные деньги и расположение. Денег можно было снять за одно лето и потом куковать на бобах, даром, что в Гане процветают угожья какао – бобов. А можно и два – три сезона просидеть без шальных денег, на стабильных поступлениях, а потом экономика расцветет пышным зеленым цветом с маркировкой «In God We Trust» на каждом листочке.

В конце технического задания была приятная строчка, отражавшая качество бизнес – процессов «РосПиара»: сумма заказа – 5 000 евро – «ОПЛАЧЕНО», перелет «бизнес – класс» в оба конца – «ЗАБРОНИРОВАНО», бытовой райдер – «ПОДПИСАН».

По дороге в форт Кристианбург, который сейчас является резиденцией главы государства и правительства Ганы одновременно, Геннадий Петрович размышлял над заказом: «Многие козыряют, что в их клиентах – разные правительства. Давно об этом мечтал. И вот одна из моих мечт сейчас сбывается. Что я чувствую? Да ничего особенного. Гану проконсультировать – да, пожалуйста! Президента США? Легко. Главное – не загордиться». Геннадий ясно помнил случай в пятом классе школы.

– У кого выходит пятерка в четверти? – поинтересовался маленький Гена у учительницы математики.

– Сейчас посмотрю. – Симпатичная, хоть и пребывающая в пост – бальзаковском возрасте, учительница заглянула в классный журнал. Поводила пальцем по линейке, что – то прошептала про себя, задумалась – выводила среднее в уме. – Да, похоже, что только у тебя.

– Спасибо, Татьяна Михайловна.

Ни взаимная симпатия, ни бабушкины наказания «Уйми свой гонор!», ни родительские собрания не помогли избежать Гене тройбана. Перегордился. И запомнил на всю жизнь – расслабляться нельзя, точнее можно, но только в одном месте – в туалете.

Итак, чернокожие ребята интересовались, что можно сделать и в случае повышенного интереса к ним Соединенных Штатов Америки. Обратиться к Геннадию порекомендовал старый знакомый – переводчик МИДа, работающий в Африке. Он и переводил, синхронил данную консалт – сессию.

Все прошло на должном уровне. Круглый стол располагал к равноправному во всех смыслах общению с умными неграми сплошь в дорогих очках. «Ну, не идут негритянским лицам никакие очки! Уж лучше линзы», – этот комментарий Геннадий, конечно, оставил при себе. Беседа была оживленной: они что – то спрашивали, он что – то отвечал, они что – то записывали. Геннадий поделился международными контактами дизайнерских и Интернет – контор, посоветовал зарегистрироваться в «Фейсбуке».

Оперативно получилось, на следующий день в Сети появился домен и заглушка на сайте Where is Ghana.com. Геннадий Петрович не сомневался, что и остальным рекомендациям черные люди последуют со скоростью ракеты. Таков любой южный темперамент – возьмите ту же Южную Корею.

Геннадий решил не ночевать в Африке. Ночь на берегу Гвинейского залива проводить не хотелось – шумно и страшно: голоса есть, а людей не видно, «черным черно». Лабади Бич днем густонаселен, а ночью не освещен – сложно в такой толпе почувствовать себя уютно. Посещать ночные клубы не хотелось – кончилась молодость. К сожалению. Давно. «Ребята, давайте в аэропорт». Намечалась одна семичасовая пересадка в Амстердаме, и Геннадий рассчитывал посетить знаменитый квартал красных фонарей.

К сожалению, не успел: время пересадки сократили до полутора часов. «В следующий раз», – подумал Геннадий. «Работы и так много – сублимировать надо. Впрочем, мне ж еще роман писать!»

Геннадий Петрович открыл ноутбук и в охотку в полете набросал первую главу.

1. Начало.

В то утро мне позвонил мой старинный друг, который до этого дня где – то пропадал уже несколько месяцев. По телефону он сбивчиво рассказал, что причиной его пропажи были какие – то совершенно сказочные планы по получению легкой прибыли. Всего – то требовалось найти какое – то доселе неизвестное науке существо, привести доказательства его существования и получить свое законное вознаграждение. В конце своего

повествования он добавил, что его поиски увенчались успехом, что он сейчас зайдет и все расскажет.

Саня не был из разряда тех людей, которые носятся за «летающими тарелками», поэтому такое поведение моего друга показалось мне, по меньшей мере, странным. Я знал, что с недавних пор в его семье наступил финансовый кризис, но «выход», который он нашел, совершенно не соответствовал образу мышления моего друга.

Через полчаса Саня был у меня. Вид у него был такой, словно он не спал несколько дней. Мысли путались, он заговаривался, руки слегка дрожали. Я сделал ему кофе, а себе чаю и принялся выслушивать его рассказ.

– Я стал искать свидетельства очевидцев за весь этот год. Ты не представляешь, как много нечисти обитает на территории России.

– И ты так легко поверил в то, что написано в какой – то сомнительной статейке?

– «Статьейка» была не одна, – он сделал глоток горячего напитка, – каждое свидетельство было тщательно мной проверено, в результате моей целью стали три точки: лес близ Павлино, пруд за Обнинском и одна деревушка, которая даже не отмечена на карте.

– И что там?

– В Павлино я пробыл дольше всего. В лесу находится какой – то военный объект, к которому очень тяжело подобраться. Но местные уверяли, что многократно видели, как на его территорию ввозят странных людей, а иногда даже и каких – то существ в клетках. Я караулил это место месяца два, но моим «уловом» стал лишь какой – то человек, завернутый в простыню, которого вел конвой человек из десяти.

– Это и есть твоя «нечисть»?

– Нечисть ждала меня в Обнинске. В том пруду видели русалку, – в этот момент я не смог сдержать смеха, но мой друг невозмутимо продолжил, – к сожалению, у меня не было нужного оборудования, чтобы прощупать все дно, но меня заверили, что раз в неделю русалка сама выбирается на берег. К тому времени, когда я собирался заступить на свой караул, мне рассказали про аварию на местной АЭС. Так я понял, что местная русалка может оказаться простым мутантом, и что вознаграждения за нее я никакого не получу.

– «Простым мутантом», ага, таким же, какие ходят у нас по улицам...

– Я про то, что мутация не относится к разряду неисследованных существ. И вот тогда меня отправили в ту самую деревеньку. Там, в одной из избушек, живет Маленький Мужик! – он сделал паузу.

- Что это такое?
- Это существо, которое я видел!
- Фотографии сделал?
- Нет, моей целью были не фото, а поимка существа! Фотографий и так полным – полно, но авторы за них ничего не получили. А вот за то, что можно потрогать и изучить, вознаграждение будет вполне ощутимым!
- И где же мужик твой?
- Там же в деревеньке и остался.
- Как так?
- Вот поэтому я к тебе и пришел! Ты должен съездить туда и забрать мужика!
- Стоп! А почему ты не смог?
- Потому что я и так пропадаю несколько месяцев, я подготовил почву, тебе остается только собрать урожай. Я все проверил – это действительно какое – то неизвестное существо. Местные с радостью его показывают всем желающим, они и ночлег тебе предоставят и питание!
- Отдохни, наберись сил и сам туда езжай через время.
- Ты не понимаешь! Я уже прикоснулся к чему – то неизвестному. Откуда мне знать, что «через время» оно еще будет там?
- А откуда мне знать, что я поеду черти куда не ради карлика или ребенка с каким – то отклонением? Опиши, что это за мужик такой, почему ты так уверен, что это какое – то неизвестное существо?
- Это точно не карлик и не ребенок. Это какое – то гуманоидное существо. Оно похоже на зрелого мужчину, только ростом оно... – он стал оглядывать комнату, затем остановил свой взгляд на кружке, из которой пил кофе, – вот! С эту кружку оно размером! Сидит в чугунке. Довольно толстый. Бабка, у которой он живет, говорит, что раньше он худой и даже стройный был, но потом откормили. Говорить не умеет, но та же бабка уверяет, что если ему что – то надо, то он находит способ, как об этом сказать.
- Откуда он у бабки этой появился?
- Я не успел спросить. Я ничего о нем узнать не успел, потому что был очень вымотан, но одновременно с тем, как только гуманоида этого увидел, так обо всем и забыл. Знаю только, что картошку сырую любит. Я даже сам его с рук кормил.
- Ценная информация.
- Борь, я тебя как друга прошу, мне больше обратиться не к кому. Смтайся ты туда, забери мужика этого.
- А ты сразу, что же не забрал?

– Я же сказал, я не мог, вымотан был, да и не ждал чего – то особенного там. К тому же, не мог же я просто вломиться в избу и забрать существо. Желательно, чтобы они добровольно его отдали.

– А мне, думаешь, отдадут?

– Я очень надеюсь. Останься там на пару дней, записи делай, небольшой дневник веди, если и не отдадут, то ты будешь моим свидетелем того, что я говорю правду.

– Так они еще могут и не отдать? То есть, я могу впустую не пойми куда съездить на несколько дней?

– Неужели тебе самому не интересно посмотреть на что – то неизведанное? Если не отдадут, то хотя бы увидишь, вокруг чего я такой шум поднимаю.

– Ты пропадаешь неизвестно куда на несколько месяцев, затем внезапно объявляешься и сразу же рассказываешь мне какие – то небылицы. Подожди, надо быть более рассудительным.

– Да что тут рассуждать? Знаешь, какие бабки за него потом отвалят! И, да, не переживай, все честно поделим.

Саня пробыл у меня еще некоторое время. Мы долго обсуждали эту деревню и гуманоида, который просто так живет в одной из изб. Саня продолжал настаивать на том, чтобы я туда съездил, а я продолжал сомневаться. В конце концов, он оставил мне подробную схему проезда и начал собираться к себе. В прихожей Саня еще раз довольно эмоционально описал внешность существа и повторился, что мне обязательно нужно это увидеть и чем быстрее, тем лучше. Я ответил, что мне нужно пару дней, чтобы все обдумать, но в любом случае, я сообщу ему о своем решении.

Геннадий принудительно сохранил файл, подумал и набил название: **«Маленький мужик»**.

Часть 3

Боевые действия

Идея – это не то, что мы думаем. Идея – это то, что мы делаем.

Автор неизвестен

Думай глобально, действуй, как знаешь

– Итак, объясняю задачу. – Прекратив все утренние микро – перепалки между собравшимися, строго сказал высокий мужчина в костюме.

Все – и Геннадий, и Вера, и Игорь, а также полный состав ассистентов – были подняты в 5.30 утра. Не лучшее время, чтобы хорошо и со вкусом одеться: приятнее и полезнее лишние пять минут вздремнуть. Все пиарщики, как правило «совы». Однако ассистенты были при полном параде. Что ж поделаешь – им нужно быть на высоте, если не интеллектуально, то хотя бы внешне. В чем – то должны они шефов поддедюлить?

Но одежда дяди Степы была выше всяких похвал. «И еще гладко и без красноты выбрит», – отметила про себя Вера Марковна, и, по всей видимости, большинство присутствующих девушек. Посмотрев на идеальное лицо, выглаженный костюм и четко до ремня опущенный галстук, женская половина с некоторой частью мужской не забыла проверить – застегнут ли гульфик? Ну, не может быть все идеально утром в 5.50! При этом нельзя было даже предположить, что обладатель идеальной внешности был в состоянии «еще не ложился». И бодр, и строен, и чист. Что он скажет?

– В Липеае строится электростанция. Альтернативный уникальный источник энергии – кому интересно: нагретый углекислый газ. Потом могу остановиться поподробнее, но не сейчас. Вводные параметры, рекомендую записать или включить диктофоны, жду пять секунд.

В зале защелкали молнии сумочек и пеналов, защелкали ручки, зашелестели еще не выпавшиеся блокноты, начали хрустеть костями диктофоны.

– Станция – часть большого энергетического проекта экспансии России на мировой рынок. Что – то подобное уже разработано в Японии, но ассоциироваться технология должна с Россией. Первая задача: надо выработать рефлекс у будущих покупателей и партнеров – «эта качественная штука делается только в России».

Второе: нужно подготовить вступление Латвии в Союз Независимых Государств, как одной из первых в Прибалтике. «Музей оккупации» в Риге при этом бомбить необязательно, а памятники я бы восстановил.

Третье: станция строится на средства частного инвестора. О нем важно хранить молчание, не давать щелкоперам и всяким рейтингам –

составителям писать ни строчки.

Четвертое. Внимательно слушаем и не пугаемся. У нас есть конкуренты и они уже здесь, на территории Латвии. Устранить. Предложите несиловые методы устранения.

И пятое: себя не обозначать, кто вы и что вы. Вы – штатные работники предприятия. Ну, это не мне вам объяснять. Вы как тени бренда, личные его переводчики. Тонкие посредники. Ваши месседжи должны слышать, марку должны запомнить, вас – нет.

По целевым аудиториям, спикерам от нас, мониторингам и прочему – вам ответят по ходу работы. Офис находится в здании Swiss – банка, три верхних этажа. Смотрите не упадите. Шучу.

У меня все. Вопросы?

– Скажите, а мы не составим конкуренцию нефтяникам, газовикам, обычным энергетикам? – Поинтересовался Геннадий Петрович. – Насколько мне известно, все патенты на новые виды энергии давно скуплены корпорациями. Ходу им нет по определению – мы все порушим, все денежные потоки большим дядям перекроем.

– Вообще – то такие вещи вам знать не положено, но я отвечу.

Геннадий про себя улыбнулся. Сказывается журналистское чутье, близкое к психологическому мастерству. Когда говорят: «Никому не говорил, но вам скажу» – значит, ты заставил собеседника быть откровенным. Однако сейчас такой собеседник пошел, который журналистику лучше старых асов, отцов профессии, знает и вводные слова перед социально – желанными ответами ставит нужные.

– У нас серьезная служба безопасности, которая с каждым днем совершенствуется. У нас есть сторонники в этих самых корпорациях – они готовы к революциям. Это не пенсионеры – молодые люди до двадцати девяти лет, дальше уже маразм начинается. Мы хорошо помогли им в карьере. И третье, Россия через лет пять – семь истощит свои недра, и к нам даже пенсионеры из нефтянки и газа на коленях приползут. Но встретит их упомянутая служба безопасности. Я вас познакомлю, конечно. Так вот, Россия должна стать энергетическим центром сначала Европы, а потом и мира. Это вполне реально. Сначала покорим всех идеями, а потом и поработим деньгами.

«Похоже, не врет. Соглашусь», – почему – то внутренне для себя заключил Геннадий.

– А почему именно Лиепая? – Вера Марковна уже хотела узнать о месте все бытовые подробности. – Далеко от Риги?

– Лиепая – первый город, где мы опробовали сначала идею

альтернативных источников энергии, а потом и их самих. Когда будете подъезжать, увидите на горе большие пропеллеры, мельницы, вентиляторы, как угодно. Это ветрогоны. К ним все привыкли. Когда будут вспоминать про Лиепая, они подозрительными не покажутся никому: есть и есть. Между тем, данные ветрогоны – прививка, вакцина, *что альтернативные источники энергии*. Они уже работают, мы вам их покажем. От Риги – два часа езды.

6.00.

– Пора расходиться. – Строгий мужчина подавил зевок. – Подробности объяснят мои помощники по ходу дела. Сегодня приступаем, времени как всегда мало. – И вышел.

«Все – таки, не спал он сегодня, а может даже и позавчера», – пронеслось в голове у Веры Марковны, которая от таких задач уже окончательно проснулась еще до первого глотка кофе.

На крыше мира

Офис на последнем этаже Swiss – банка был светлым, просторным, в формате уже и не новомодном, но крайне удобном и поэтому прижившимся в российских офисах – орен – спрасе. Виды поражали красотой, масштабом и лаконичностью.

Здесь, как и в редакции деловой газеты «Ведомости», ставили на «Мак». Все компьютеры и мониторы, соответственно, были фирмы «Эппл». В редакции «Коммерсанта», к слову сказать, были «Майкрософт». Геннадий Петрович любил «Коммерсант» больше «Ведомостей», а «Майкрософт» больше, чем «Эппл». «Ну ладно, будем пробовать «Эппл», как Барак Обама. Сам я все равно их бы не купил», – подумал Геннадий.

Помощник Главного, у которого почему – то все забыли спросить имя, рассказал и показал, где чей кабинет.

– Впрочем, если захотите поменяться местами, то это сделать можно. Не принципиально. – Сказал помощник, тоже пока не представившийся. «Буддисты что ли? Сказал имя – потерял свободу», – подумал Геннадий.

Планерка, вот с чего решил начать Геннадий. «Сначала займи всех вокруг, а потом занимайся сам», – главный принцип руководителя.

Переговорная – без окон без дверей. И правильно – отвлекать ничего не будет. Собрались, даже без кофе, в руках – только блокноты.

– Во – первых, мне нужна полная раскладка – кто у нас работает. Все, кого я знаю, определитесь, за что вы будете отвечать, не пересекая зоны ответственности. Я вам их сам пересеку, если что. А все, кого я не знаю – напишите, кто что умеет. Как я вижу, наших и ненаших тут примерно половина.

– Тут, вообще – то все «наши», – сказала девушка приятной холодной латышской внешности. Ее имени Геннадий Петрович не знал.

Далее. Вера Марковна, организуйте мониторинги по энергетике – на уровне Латвии, на уровне Прибалтики и федеральный уровень, по России в смысле. Ключевые слова – электростанция, альтернативные источники энергии и так далее, додумайте сами. Надо понять, как медиа – среда. И по Лиепеае промониторьте, что думают об этой территориальной единице. С мониторингами понятно.

Игорь, ты сделай закупку всей прессы, которая в Латвии выпускается, которая реально существует, влияет, которую читают – все газеты вообще, и деловые, и лайф – стайл, но без кроссвордов, сканвордов, гороскопов и

книжек – раскрасок, сам понимаешь. Короче те, где бывают новости. И важно – составь базу СМИ, которые пишут об энергетике. Чисто латышских таких будет немного, российские подключай. Короче, список журналистов по энергетике нужен, желательно с днями рождений и подборкой их лучших статей.

Что еще? Вам говорю, помощник, имени Вашего не знаю, к сожалению, пока.

– Янис.

– Янис, очень приятно. Геннадий. Нужны списки чиновников, которые отвечают за энергетику. И еще список мероприятий, которые, так или иначе, будут относиться к бизнесу, к энергетике и все такое. Выставки, конференции... И еще, Янис, самое главное, кто у нас будет спикером, и кто для нас есть важнейшие целевые аудитории?

– Отвечу я. Меня зовут Инесе. – Проснулась ундина. На вид ей было не больше лет двадцати двух, двадцати четырех. Геннадий не думал, что она, Инесе, сможет ответить на самые важные, в общем – то, вопросы.

– Да, пожалуйста.

– Основные спикеры – это вы. Вы, Геннадий Петрович Штыкленников – глава пресс – службы электростанции. И Вы, – она кивнула в сторону Веры Марковны, указав на нее рукой ладонью вверх. – Вера Марковна Револьвер – директор по корпоративным отношениям.

– Отлично!

– Просто замечательно!

– Да, это решение принято давно. – Инесе была невозмутима.

«Что ж, я так я. В новинку, в охотку. Перед хэд – хантерами мне выебываться не надо – что это за пункт в моей биографии. Хотя, объективно, чего уж там – пункт хороший», – подумал Геннадий Петрович.

«Ничего не поделаешь. А что, в сущности, такого страшного? По – моему, хорошо звучит. Энергетика – новая практика. Полезно для...» – Вера Марковна не додумала мысль, для чего же все – таки ей это полезно. Кивнула.

– Теперь про цели.

Если бы она сейчас повторила – «Какие у нас цели?» – Геннадий бы точно опознал бы в ней начальствующую особу. Однако она сформулировала все четко – выучила и давно этим целям служит, прекрасный исполнитель. – «В самом деле, что я, совсем что ли? Такая молодая, и всю эту кашу заварила?»

– Главная целевая аудитория – это президент Латвии, президент России и немецкий канцлер. Короче говоря, президент Латвии или его

круги, должны сказать России, чтобы ее руководство презентовало наш проект в Германию. Показатель результата – подписание договоренностей о намерениях выкупа технологий данной модели предприятий российским правительством. А в надежности они должны удостовериться с помощью Германии. – Инесе, казалось, не дышала, все произносилось ровным уверенным тоном.

– Инесе, нам еще хорошо бы съездить на место. Посмотреть, что как. Планируем пресс – тур через месяц, это однозначно. Но нам там надо побывать первыми.

– Конечно, Геннадий Петрович. – Инесе кивнула.

– Все, собрание закрываем. За работу. После ужина соберемся, обдумаем какую – нибудь партизанщину, вирусы и т. п. Да, Янис, Инесе, у нас есть конкуренты на территории Латвии и в Европе?

– Конкурентов у нас по близости нет, Вам говорили, только в Японии – но это далеко, и им пока доверия нет. И не забудьте про косвенную задачу, подготовить вступление Латвии в СНГ. – Сказала, нет, пожалуй, выпалила Инесе.

«С этим позже разберемся, главное – электростанция. Что в этой девчонке есть немецкого», – подумал Геннадий Петрович. Мысли о том, чтобы завалить Инесе в постель пока не было – чисто деловая обстановка не располагала к сублимациям.

Геннадий пошел обозреть прекраснейшие виды на Старый город, телебашню, реку Ридзене, гладкие трассы, не отягощенные бляшками мегаполиса – пробками. «Красота», – Геннадий решил немного передохнуть, чтобы броситься в работу с головой, как последний вздох перед погружением. Вышел прогуляться до магазина.

Прививка от терроризма

Работа начиналась в восемь утра. Никто не опоздал, но и раньше, чем за пятнадцать минут, не пришел. Когда к работе относишься ровно и ответственно, приходишь ровно в срок. Когда работа нравится, то приходишь и за полчаса, и за час раньше. Когда работа не нравится – все начинается с пятиминутных задержек и заканчивается отпуском по болезни за свой счет. Больше пяти задержек в общей сумме больше получаса говорят о том, что с сотрудником нужно провести мотивационную беседу или сразу уволить ко всем чертям на все четыре стороны.

Геннадий завел в рабочем планере страничку учета рабочего времени (главным образом, опозданий в начале дня, так как переработки его мало интересовали, даже если ими и пытались козырять) для своих сотрудников. Почти ничего нового по «ненашим», кроме Яниса и Инесе, он не увидел: Инесе – стратегия, Янис – тактика, Андрис – технические поручения, ИТ, авто, спецснаряжение; Юрис – коммуникация, переводы; Инга – личные поручения. Итого, получается – трое русских и пятеро латышей. «Великолепная восьмерка», – вспомнил Геннадий Петрович популярный в его время вестерн.

Наутро все отчитались по базам СМИ, мониторингам, планируемым мероприятиям, чиновничьим малинам и всему, что требовалось. Пока Геннадий вникал, делал пометки и анализировал, наступил одиннадцатый час.

– Есть информация, что нас хотят взорвать. Что будем делать? – Александр (так его звали, Инесе сказала), тот самый, что ставил глобальные задачи вчера, не поздоровавшись, сразу, таким образом, перешел к делу. Все были оторваны от дел ровно в одиннадцать утра, о чем было предупреждено в восемь общей рассылкой с мейла We – Did – It – Yes@lieraja.su, тонко намекавшего о советской принадлежности в прошлом и некоему общему союзу в будущем.

«Лето, солнце, море. Какие еще взрывы? Дураки что ли? Жить не умеют?» – Подумал Геннадий Петрович. Хотя ему было известно, что погода – то точно никогда не меняет, не должна менять планов человека. Когда – то давно в университете на лекции по обществознанию им рассказывали, что люди раньше очень сильно зависели от дождей, засух, магнитных бурь и других природных явлений – неважно, причем, каких именно, явных или скрытых. На то были объективные причины – дождей

нет, нет и урожая. Обилие дождей приводило к той же порче урожая, и так далее. Со временем человек научился приручать природу и в тоже время легко переносить лунные циклы, приливы и отливы, различные взрывы на солнце, метеоритные дожди. Это было, как говорил преподаватель, победой эволюции человека. Уточним, взрослого человека, так как младенцы до одного месяца со дня рождения очень метеочувствительные. Это уточнение Геннадий узнал от друга детства Коли, который уже вошел в Клуб Молодых Мап («мапа» – сокращенно от слов «мама» и «папа»).

Все равно погода влияла на мировосприятие Геннадия Петровича довольно серьезно. От банальных вещей «в дождь из дома никуда не охота идти» до «прогнозирования политической ситуации». Геннадий помнил тот зимний предновогодний вечер, когда на Украине началась оранжевая революция. Он возвращался в какую – то съемную квартиру на окраине Москвы, шесть остановок на транспорте от конечной станции метро. Одна из немногих недель в году истощилась в этот раз не буйной алкогольной пятницей – все берегли силы на Новый год. Тускло светили фонари, зато светили все – перегоревших лампочек не наблюдалось. Под ногами скрипел снежок – убирать будут только утром. И вдруг зимняя дымка сменилась сильнейшим снегопадом – хлопья падали и на помойки, и на дорогие машины, и на головы уставших после трудовой недели граждан.

Геннадий взял бутылочку портера и поднялся на третий этаж. Хрущевка была бедненькой, но чистенькой, как и квартира Геннадия, которую подруга называла в шутку «ночлежкой» – кроме кровати и шкафа из мебели была только кухня.

Зашел, чмокнул подругу – уже и имя – то ее забыл – в щечку, разделся, стряхнул уже мокрый снег, скинул, не развязывая, ботинки, помыл руки, сел за стол, открыл бутылку, включил радио (телевизора в квартире не было).

– Сбацай – ка пельмяшей! – Геннадий накручивал ручку приемника в поисках ток – радио. Как ни странно, хотелось еще послушать умных людей – за неделю не наслушался. Настроился. Радио вещало:

– На Майдане собрались тысячи сторонников Юлии Тимошенко и Виктора Ющенко. Ситуация остается напряженной, оппозиция требует пересчета голосов... И новости погоды: снегопад продолжается на всей территории Центральной и Южной России. Это первый продолжительный снегопад в этом году. Аэропорты работают в штатном режиме.

– Ну, все, сейчас снежком все накроет и уляжется революция. – Заключил свой политический прогноз Геннадий и, не закусив еще ни одним пельменем, опустошил уже половину бутылки. А портер – пиво темное,

крепкое.

Революция не закончилась ни под Новый год, ни после него. Пока Геннадий пребывал в теплой полудреме рождественских каникул, его товарищ по кличке Продам Что Угодно Кому Угодно гнал фуры оранжевых елок на Украину. Это как вентиляторы в аномальную жару – можно озолотиться. Хотя, казалось бы, зачем покупать? Сделай сам! Нет, надо купить, и обязательно у именитого продавца. Пока из телевизора пиар – отдел М – Видео докладывал о нехватке вентиляторов, через дорогу на улице Семеновская эти чудо – машины стояли в широчайшем ассортименте; продавец еще жаловался: «Думал, будут быстрее разбирать!»

И сегодня летнее настроение, как оказалось, Геннадия Петровича обмануло – кто – то готовит террористический акт в Лиепеае.

– Что делать будем? – Вопрос Александра повиснуть в воздухе не успел, Игорь нашелся.

– Давайте сделаем прививку от терроризма!

– В чем суть? – Уточнил Геннадий.

– Помните, прошлым летом, в июне что ли, был случай – произошел теракт, но обсуждения было о нем больше, чем самого теракта. Да и теракта, уверен, как такового не было – фотки можно за пять минут нарисовать. И, главное, сразу опрос подоспел от Левады – центра «Как вы относитесь к террористам и их актам?» с самым популярным ответом «Никак». Наши, конечно, сработали топорно, белыми нитками. Но идея – то хорошая.

Кажется, все догадались об идее, иначе бы не были теми, кем они являются сейчас и не сидели бы здесь в теплой компании, но озвучила мысль вслух Вера Марковна:

– Террористы добиваются информационного шума. Я даже в чем – то согласна с бредом Вольфовича, что о терактах надо молчать и особо активные СМИ судить, как пособников злу. У организаторов этих зверств – взрывов, захватов заложников и всякого такого – смысла не будет: ну взорвали, ну починили, ну вылечили, а народ живет как жил.

Идея была принята на «отлично». В качестве объекта самосожжения было решено взять православный мужской монастырь недалеко от Лиепайи.

В монастырь

– Надо кому – то ехать. Кто? – Может показаться, что Александр обращался в слишком уж приказном порядке, однако возражений не было, как мы видим. Просто слов он использовал мало, и интонации были добрые, мягкие. По всей видимости, он знал пятое и шестое правила Глеба Жеглова наизусть: правило пятое – «Даже «здравствуйте» можно сказать так, чтобы оскорбить человека» и правило шестое – «Даже «сволочь» можно сказать так, чтобы человек обрадовался».

– Я поеду.

Так в одну минуту Геннадий принял решение стать паломником. Пусть на три дня, пусть понарошку, но он стал – таки затворником, хоть и с ответственным заданием.

– Поживешь паломником денька три, совершишь там диверсию, и обратно. Вернее, даже диверсию не надо – просто договорись с настоятелем, чтобы поджечь пару башен, взрыв чтобы был. Несильно, ну как получится, мы потом оплатим расходы. Взрывчатка, уверен, у них есть. Давай. А мы пока пресс – релизы подготовим.

«Свежий воздух, свободная голова, занятые руки, польза окружающим людям и служение Высшему – о чем еще может мечтать свободный человек?» – такие мысли иногда приходили Геннадию Петровичу в минуты тяжелой работы в замкнутом помещении. Конечно, он не знал или не хотел знать, а может быть, знал и предпочитал не говорить о монастырских ограничениях в еде, в общении с противоположным полом, в распорядке дня и так далее. Однако в монастырь влекла неведомая сила.

Мужской Сиверский монастырь находился на небольшом полуострове, дорога к которому вела через сосновый бор километров тридцать от шоссе. Озеро, лес, лето – все располагало к тому, чтобы «отдохнуть» от мирской суеты. Кто – то ездит отдыхать в армию (восемь часов сна, одежда, еда, четкий распорядок дня, физическая подготовка), кто – то в тюрьму, а кто – то и в монастырь. Так или иначе, но в монастырях, армиях и тюрьмах наблюдается одна и та же картина – начальство толстеет, а все «жители» гарантированно худеют.

Объект служил в монастыре на средней должности, помощником завхоза, жил там уже более пяти лет. Подобраться к нему в течение дня, чтобы все выведать, было затруднительно – все время при деле. А ночь для сна, разумеется. Сон попросту в подобных местах никто не растрчивал.

Разведка доложила, что на воротах монастыря постоянно висит объявление: «Приглашаем паломников. Физическая работа и покаяние. Питанием обеспечиваем. Сроком на 3 дня и 2 ночи. Администрация имеет право отказать, и проч.»... Но почему – то у руководителя проекта была уверенность, что Геннадию – то не откажут.

Так и случилось. Сначала было импровизированное собеседование на тему «Дядюшка, кто вы такой?» («Худо мне, друженька, приеха души очистить») еще у ворот монастыря, на автостоянке с человеком, одетым бедно и праздно, без рясы и т. п. Он и проводил новоиспеченного паломника к настоятелю. Впоследствии этот служка оказался кем – то вроде советника главы монастыря. Вот ведь, действительно, не знаешь, с кем и когда надо быть вежливым. А вежливым надо быть всегда и со всеми.

Настоятель оказался человеком упитанным, невысоким бородачом с мощным лбом, выдающимся подбородком и вообще крупными чертами лица. «Крепкий хозяйственник, – решил Геннадий Петрович. – Еще бы, не быть хозяйственником: позади девяностые годы. Чуть ли не каждый монастырь, особенно рядом – то с большой трассой, использовался как склад заморских сигарет и крепких алкогольных напитков». Но почему именно фондам ветеранов Афганистана, обществам инвалидов и церкви дали серьезнейшие налоговые льготы, для Геннадия Петровича было большой загадкой до сих пор.

– Распорядок дня такой. В шесть утра подъем, моление, работа на огороде. В семь часов, стало быть, завтрак. Затем еще три часа работы. Моление снова. Далее – выполнение поручений настоятельского совета. Отдых, если успеешь. Обед. Отдых небольшой. Моление. Работы снова. Моление на сон грядущий и отбой, то есть простите, на боковую, спать короче – в десять часов вечера. – Рассказал доходчиво и споро настоятель. – Меня зовут отец Никифор. А Вас как зовут? Что привело к нам?

– А вопрос можно? – Геннадия Петровича вопрос волновал настолько, что он невежливо пропустил последние слова отца Никифора и ответил вопросом на вопрос. Отец Никифор смутился.

– Что ж, можно. – Отец Никифор отступил на шаг назад.

– Я молиться не умею, молитв не знаю. Как на моление – то ходить? – Вопрос Геннадия Петровича был самым часто задаваемым вопросом новых паломников.

– Не те тебя волнуют вопросы, уважаемый. Не беспокойся, молимся все вместе. Вскоре выучишь. – Ответил отец Никифор. – А теперь про себя – то расскажи, не стесняйся.

– Я – Геннадий. Нахожусь в депрессии, нехорошо мне внутри. Хочу

поработать, помолиться, покаяться. – В принципе, Геннадий не соврал, по большому – то счету. Он был готов даже причаститься.

– Хорошо, Геннадий. Нарекаю тебя на эти три дня послушником Григорием. Пойдем, провожу тебя в келью. Сигареты, фляги разные с огненными напитками, или что там у тебя в пакете – это нельзя, выкинь.

– Да это у меня сменное белье. Не пью, не курю.

– Это хорошо. Хорошо, поправим твое дело.

Исповедь в ночи

– Геннадий, скажи, а что такое, по – твоему, личностный рост? Вот я думал, что я состоялся – настоятель монастыря, двести человек в подчинении, благодарности РПЦ. А спокойствия в душе нет – самореализовался ли я? Нет, это не гордыня, гордыню я замолил. Ты мне скажи, как у тебя? Я сравнить хочу.

Пить начали еще с заутренней. Геннадий решил по – дружески проставиться, а отец Никифор открыл тут же и осушил чуть ли не полбанки. Поговорили обо всем, и беседа вышла на экзистенциальный уровень.

– Как стать высокоэффективной личностью? Как все успевать, делать все, что задумал, быть уверенным в себе и все такое прочее. Я так называю, «все прочее», но работа над собой, честно сказать нелегкая и обширная. Ну что тут скажешь, отец?

Мой ответ – пиар. С пиара надо начинать.

– Что такое «начать с пиара», что есть пиар на начальном уровне, для меня? Я в этом ничего не понимаю. – Отец Никифор подался вперед. Конечно, сейчас уместнее смотрелся бы жест наполнения бокала алкогольным напитком, но такие радости в монастыре были запрещены.

– Это все и значит, что нужно уметь общаться с пользой. Причем, с пользой, как для себя, так и для окружения.

Как у меня лично начался внутренний подъем? Это была какая – то очередная темная дождливая осень. Я, наемный сотрудник, пиар – менеджер (хоть и начальник отдела, но сути и внутренних ощущений это не меняло), собрался на Клуб Столичных Ораторов. Ведущему я после мероприятия задал волнующий вопрос личного плана, по здоровью можно сказать. Типа, как не краснеть на публике? Я вообще краснею, ужас. И ведущий быстро сориентировавшись, указал в толпе на человека: «Он поможет». Последующий разговор длился не более пяти минут, но это общение окрылило и продолжалось минимум года три. Потом я сам себя научил окрылять, окрыляя других. Вампиризм не вампиризм, не знаю.

Суть – то в чем? Я не стормозил и задал волнующий вопрос. Хотя сор из своей избы выносить не принято – страшно делиться страхами. Меня направили к нужному человеку, и сказали нужные слова. Вот и все – общение с пользой!

Выпили еще. Запивали родниковой водой – как в пионерском лагере.

Был у Геннадия такой опыт общения с огненной водой: в пять утра после королевской ночи, водка «Зимушка» крепостью 45 и запить водой из речки. Кайф!

– Отец Никифор, а что такое «гений» в Вашем понимании? Кроме Бога.

– Вот представь, Геннадий, что тебе нравится только то, что ты делаешь. Ты принимаешь это, безусловно, как высшую категорию. А если не принимаешь результаты своего труда, как лучшие в мире, значит, надо над этим работать. Вот я, к примеру, объективно люблю свои проповеди, свои службы, свои молитвы, свой голос. И второй человек, ты его не знаешь – отец Кирилл, вот его я тоже люблю, всю его деятельность, все труды люблю. И понимаю, что никогда, ну может, если всю жизнь положить – но зачем? – не превзойду его. Ну, зачем Богу два отца Кирилла, правда? Вот таких людей, которых я люблю, творчеством которых упиваюсь и не завидую им не в коем разе – вот таких людей я называю Гениями.

Геннадий понял, что прямо сейчас нужно перейти к делу.

– Взорвешь монастырь?

– Взорву. Для спасения своей души.

«Сложный вопрос. Один вечер. Отлично. Я профессионал», – Геннадий успел завести будильник, погасить вертолеты и заснуть, чтобы проснуться в лучах славы. Не сразу, конечно, но день обещал быть насыщенным.

«А может, еще пописать?» – Геннадий открыл ноутбук:

2. Я твой единственный друг.

Поездка в междугороднем автобусе оказалась не из приятных: несколько раз мы останавливались потому, что у одного из пассажиров были какие – то проблемы с желудком; еще несколько раз для того, чтобы остудить мотор; рядом со мной сидела женщина, которая, не переставая, рассказывала о своих детях, которые отдыхают где – то под Обнинском, о том, какой там хороший климат, о каких – то «забавных» случаях с прошлых поездок, о том, как я плохо выгляжу, и что мне непременно нужно месяц – другой отдохнуть за городом.

Когда водитель довез нас до конечной, то основная масса народа отправилась на вокзал, продолжать свой маршрут до других населенных пунктов, а я, сверившись с указаниями Сани, двинулся в сторону вспаханного поля.

На полуденном подмосковном небе была взбита пуховая перина.

«Поваляться бы там. Хотя нет, что я несу? Рано мне еще на небеса».

Небесная перина

Прощаясь, моя невольная спутница обратила внимание, что она впервые видит, чтобы кто – то из города шел в сторону этого поля, хотя совершает подобные поездки чуть ли не каждые выходные.

Я сдавленно усмехнулся и отправился своей дорогой. После того, как я пройду поле, мне предстояло выйти на тропинку, которая огибает лес и идти по ней до тех пор, пока не увижу ворота, которые когда – то служили своеобразным приветствием для всех, кто решался посетить эту деревеньку.

Я шел целую вечность, за это время я даже успел осушить двухлитровую бутылку воды, которую взял с собой, пока, наконец, не увидел грудку покосившегося ржавого металла, которая, по всей видимости, и являлась бывшими воротами. Вдалеке виднелись крыши домов и какое – то плохо различимое движение – это и была конечная точка моего путешествия. По моим подсчетам, идти до нее нужно было еще минут двадцать.

Как только я дошел до ворот, то обратил внимание, что в небольшом

овражке, левее, в груди какого – то металлолома при помощи палки копошится парень. У него были длинные сальные волосы, потрепанный черный кожаный плащ, на котором виднелась размазанная засохшая грязь, а на шее был повязан шарф, который по своей структуре больше напоминал эластичный бинт. Парень меня заметил и в два шага запрыгнул на дорогу. Он перегородил мне дорогу своей палкой и сказал:

– Кто такой? Куда идешь?

– Здравствуйте, – я немного растерялся, – мне сказали, что у вас тут...

– На диво наше посмотреть пришел? – парень отвел палку в сторону.

– Наверное... мне сказали, что у вас тут, – я несколько замялся, – какой – то маленький мужик есть.

– Верно тебе сказали. А зачем тебе на него смотреть? – он подозрительно на меня взглянул.

– Простой интерес.

– Да, у вас в городе такого не увидишь, небось.

– Я пока и у вас ничего такого не видел.

– Ну, иди, – парень убрал палку за спину, освобождая мне путь.

– Благодарю. – Я сделал два шага в сторону деревни, но затем развернулся, – А ты видел его?

– Мужика? Да кто его не видел!?

– Что это такое вообще? Откуда он у вас?

– Сам и увидишь. Только ты смотри, да не засматривайся, – он засмеялся.

– Почему?

– Потому что в деревне у тебя друзей быть не может. Я твой единственный друг, – после этих слов он снова прыгнул в овражек.

Я проводил его взглядом, а потом неспешно пошел к домам вдалеке.

Первый житель на моем пути и уже не от мира сего! Интересно, саму деревню тоже населяют такие вот персонажи? Мне захотелось поделиться первыми впечатлениями с Саней, но мобильный телефон не смог поймать сеть. На всякий случай я отправил ему СМС: «Почти добрался. Встретил своего «единственного друга». Сеть не ловит», – с расчетом на то, что за вечер я все же смогу ее поймать.

Дойдя до деревни, я сразу же остановился у первого дома в начале улицы. На крыльце сидел парень в одних только широких тренировочных штанах и что – то вытачивал небольшим перочинным ножиком из куска древесины.

– Извините, – обратился я к нему через забор.

– На Мужика смотреть приехал? – не отводя глаз от своей поделки,

отозвался он.

– Да... – я снова смутился. Видимо, туристы вроде меня тут не редкость.

– Он у бабы Раи живет сейчас, – он отложил ножик и поднялся с крыльца, – но ее сейчас дома нет. Хочешь, заходи пока ко мне, я тебе квасу налью, картошки наложу. С дороги – то устал?

– Честно говоря, не особо, – такого гостеприимства я не ждал.

– Я тебе и покрепче чего налить могу!

– Нет, спасибо.

– Тогда просто так заходи, посиди, дай ногам отдохнуть, пока бабу Раю ждать будешь.

– Еще раз спасибо, но я пока просто осмотрюсь.

– Как знаешь. Баба Рая в зеленом доме живет, он тут один такой, с другими не спутаешь. – Он снова взялся за ножик и погрузился в свою работу.

– А когда она вернется? – уходя, спросил я.

– Скоро, – лишь буркнул мой новый знакомый.

Я начал осматриваться. На участке следующего дома была вывалена огромная куча песка, в нем возились дети, пытаюсь вылепить какое – то подобие замка. Самое обычное и безобидное развлечение. Затем шел цветастый домик с решетками на окнах. Кажется, тут жил самый богатый житель деревни, раз он позаботился о сохранности своего имущества таким образом. По его участку расхаживала небольшая стайка гусей, а где – то позади дома слышалось блеяние коз или овец. Последующие несколько домов и участков были почти неотличимы друг от друга и ничем не выделялись. А дальше располагался зеленый дом, в который мне и нужно было. Заходить на участок я не решился, но, к счастью, со стороны улицы стояла небольшая самодельная лавочка, на которой я и решил отдохнуть, пока дожидаюсь хозяйку.

Я поставил свою сумку на землю рядом с лавкой, прошелся вдоль забора, но не увидел на участке ничего примечательного, за исключением большого картофельного поля. Как не пытался я заглянуть внутрь дома, но с улицы не было видно абсолютно ничего.

Сев на лавку, я достал из сумки тетрадь, которая должна будет послужить мне дневником на это время, поставил в ней сегодняшнюю дату, коротко записал про свою встречу с «единственным другом», а затем убрал ее назад.

– Вы из города? – ко мне подошла девочка лет шести. Кажется, я видел ее в той песочнице.

– Да.

– Значит, бабушка вернется? – она с надеждой посмотрела на меня.

Я не успел переварить этот странный вопрос, как ее кто – то окликнул.
Я снова остался один на лавочке возле зеленого дома.

Странное место. Пожалуй, только тут и может сосуществовать с людьми некое гуманоидное существо.

Сохранил. Выключил. Заснул.

Проявившийся хвост

«Вот так и делаются дела с отличным разделением труда. Решение принято, а технически его уже найдут, как обставить», – думал Геннадий. И коллеги не подвели, обставили в лучшем виде.

Андрис завез взрывчатку, причем, ехала она на трупах. Всех служителей эвакуировали по ускоренному дипломатическому каналу, дали свежие загранпаспорта, открыли визу, сегодня они чартером вылетели в теплую Черногорию в местечко Бари. Если будут тихо вести – обещали сохранить жизни. «А что они узнают? Я пришел, с каждым переговорил, так и так – наш монастырь переезжает», – отец Никифор убедил Геннадия не уничтожать его паству и «личный состав». Но правдоподобность взрыва это не отменяло – навезли мороженных трупов, нарядили их в черные одежды, раскидали по монастырю.

Наутро исправно вышли заголовки: «Электростанцию пытались взорвать тонной тротила...», «Взрывоопасный груз не довели до цели». Позже пошли оттягивающие заголовки про разрушенный монастырь – исторический памятник.

Итого: информация про электростанцию вброшена, информационные справки по техническим вопросам прилагаются; преступники обезоружены на подступах, всплеск информационной активности наличествует. Отлично.

Новоявленная медиафигура главы пресс – службы ЛИЭП (Лиепайская Инновационная Электрическая Подстанция) не вылезала из телевизора целый день. Дошло и до федерального уровня: «Сегодня рядом с частной электростанцией Лиепая прогремел взрыв. Погибло больше пятидесяти человек – служителей мужского монастыря. Разрушен вековой памятник архитектуры. Среди работников подстанции и мирного населения жертв нет.

Отчитался для новостников, пошли запросы от еженедельников и ежемесячников. Надо было сделать небольшую передышку. Закрыв глаза, сразу упала калейдоскопическая тьма – все завертелось, начало складываться в причудливую мозаику. Сеанс бреда прошел, начали вспоминаться события дня, нерешенные дела автоматически трансформировались в задачи завтрашнего дня. Оформилось. Теперь наступил черед мелких деталей. Геннадий вспомнил, что, стоя у окна, видел на парковке черный «Опель». Такое же авто ехало за ним сегодня

ранним утром от монастыря подальше.

Все равно надо развеяться. Физический труд – лучший отдых интеллигента, то бишь работника труда умственного.

Геннадий попросил Игоря дать ключи от «AG Excalibur» – «Поеду прокачусь по вечерней Риге, может, до Юрмалы» – спустился пешком с десятого этажа (до него со своего офисного пентхауса доехал на лифте) и вышел из подъезда. Вращать ключи за три тысячи евро на указательном пальце было хорошей подготовкой к легкому и непринужденному кручению руля машины за один миллион евро.

«Стоп, а если я просто нервничаю? Надо проверить, правда ли это хвост? Зачем рвать когти раньше, чем враги того заслуживают? Прокачусь – ка я до «Лидо», а потом в Юрмалу, понаблюдаю за хвостом, если он есть, конечно».

В «Лидо» Геннадий взял шашлык, квас местного разлива, пирожки со шпиком и салат «Весенний» из овощей и зелени. «Почему «Весенний»? Лето же», – успел подумать Геннадий, перед тем, как сглотнул слюну на аппетитный шашлык. – И где у них найти фирменное блюдо, как его там, горох жареный с кефиром что ли? Хотя нет, получится слишком музыкально». Пробыли чек, рассчитался за парковку – купил специальный жетон, оставил чаевые и пошел выбирать столик. Народу наверху было немного, все переместились вниз, в пивную, болеть за национальную баскетбольную сборную. Нашел столик у окна.

Поставил поднос, уселся поудобнее. Достал телефон: у «Нокии» поверхность похожа на зеркало, – и стал осматривать столики в пределах видимости. Боковым зрением заметил, что с кофе и десертом присели два молодых человека в костюмах. «Они бы еще черные очки надели, это в сумерки – то. Сейчас еще если газету развернут – вообще атас. Не умеют шифроваться или просто липовые ребята для отвода глаз», – рассудил Геннадий. И вдруг вспомнил, – несмотря на голод и аппетитный вид шашлыка, он пока не мог отведать ничего из съестного, только квас пригубил, – старый проверенный способ разведчика: «Эврика!»

Еще не начав есть и даже пить, как следует, Геннадий встал, начал заправляться. Люди в пиджаках и правда открыли газеты, даже как будто, одинаковые.

Геннадий развернулся и быстрым шагом направился к двум красавцам. Они взглянули на него из – за газеты, брови взметнулись. Начали поспешно складывать газеты и вставать. Когда Геннадий Петрович уже приблизился к ним, бросая вдогонку свой вопрос: «Кто вы? Давайте поговорим!» – ребята удирали, как зайцы. Одного он успел настигнуть прыжком и хотел было

схватить за рукав пиджака. В руки попала газета, которой отмахнулся «разведчик», оторвался кусок. «Ладно, я вас догоню». Геннадий бросился за ключами, которые он оставил на своем столике.

«В погоню! – У Геннадия отпал аппетит и случился прямой впрыск адреналина. – А если ловушка?» – Но эта мысль осталась где – то на задворках сознания.

Посмотрел мельком на клочок газетной бумаги – «Пионерская правда», передовица. «Потом прочитаю», – надо же, вот они где проявились.

Погоня вышла поганю

Геннадий бросил взгляд на несостоявшийся ужин, не пожалел, удивился сам себе: «Когда он последний раз бросал не то чтобы готовый нетронутый стол, но и даже недоеденное и недопитое?» Не вспомнил, да и некогда было.

Выбежал на улицу – черная «бэ – эм – вэ» вылетала пулей с тесной парковки. Шлагбаум на треть поднялся – клац! – отлетел. Некогда было ждать, когда монетка окончательно перевесит эту полосатую палку и взметнет ее вверх. Прибалтика, а что вы хотели? Это шутка, конечно, где вы видели, чтобы шлагбаумы поднимались быстро. Это как в любом крупном магазине – двери открываются медленно – медленно, чтобы вор с продуктами не мог быстро убежать. В лучшем случае он сильно стукнется лбом и уедет на «скорой», откуда сбежит без административного преследования, в худшем исходе – будет избит охранниками и подобран сотрудниками вырезателя, как бомж.

«Окей, не надо будет мне свой жетон тратить», – Геннадий завел машину. Хорошо, что потрудился припарковаться мордой внутрь парковки, то есть выезжать было легко.

Газ в пол. «Где кик – даун?» В салоне через минуту запахло жженой резиной – Геннадий еще не успел отрегулировать ни вентиляцию салона, ни климат – контроль, ни ионизатор, который, по словам Игоря, «был просто сказочный». – «Сейчас не до сказок!» – запах жженой резины напомнил анекдот про супермена и запах горелых из – за сильного трения презервативов, а также о том, что давно у него не было плотской любви. «Авто – это секс. Точнее, замена сексу, причем – отличная замена!» – У Геннадия лет пять назад был опыт пилотирования машины на льду. Потом он еще много раз приезжал на этот автодром ночью, когда клянчить секс у старых и новых подруг надоело, а пить горькую или идти в спортзал желания не возникало. Алкоголь и железо – тоже могут иногда заменить секс, но не надолго. Иные варианты Геннадию в голову приходили, вернее, скажем так, наведывались, но уходили, встретив железную рецензию: «Моветон» или «Некомильфо», в зависимости от тех или иных языковых симпатий – французское или русско – французское – в соответствующий момент.

«К черту секс! К чертям мохнатым тренажеры! Водку – в жопу! Винни – Пух сказал бы: «Ай!!!»», – что – то пробило Геннадия на юмор, погоня

как никак – детская забава, а юмор – защитная реакция на нестандартную ситуацию.

Конечно, все получилось не как в кино. Шашечные перестроения, бешеные ускорения, полицейские развороты, – Геннадий все это умел, но, к счастью для владельца машины за миллион евро, ничего не пригодилось. Подумаешь, по встрече прокатились – после «Лидо» «бэ – эм – вэ» свернула не направо, а налево, доехала до развязки и стартанула по набережной в сторону моста, уводящего на дорогу Рига – Таллин.

Геннадий, доехав до моста, запутался в развязках, выбрал одну из трех, но когда выехал на прямую дорогу – впереди было ни огонька. Рига спала. «Тьфу! Только спугнул. Поеду на Балтику, развеюсь и остужусь», Геннадий оказался на берегу, где убегала ввысь рижская телебашня, чем – то напоминавшая кусочек Шанхая, проехался по набережной, мимо офиса и – укатил в Юрмалу.

«Кто бы это мог быть? И номера я не запомнил. Черная или серая «бэха», призрак какой – то. Сейчас их газетку почитаем». На этот раз Геннадий не смотрел в зеркало заднего вида, и, как оказалось, зря. Вдали светили ксеноном фары той самой машины, которую, как ему показалось, он победил, взяв «на понт». Они и не думали отступать.

На берегу уже знакомого кафе Геннадий заказал сок. А чуть позже потребовал и шашлык. Опять, с новой силой, нахлынул приступ аппетита.

Геннадий вгрызся в содержание и кусок шашлыка одновременно. Заодно решил раскурить сигару как несостоявшийся, но все же Джеймс Бонд. Текст под фотографией взывал:

«Пионерская правда» — в поддержку Владлена Мстиславовича!

Одно из первых PR – агентств в стране и старейший член Российской Ассоциации Профессионалов Пиара (РАПП) – агентство Корпорация «Мы» – было подвергнуто подразделением правоохранительных органов ЦАО г. Москвы показательной публичной акции с применением особых устрашающих мер воздействия на руководство и сотрудников.

Акция вызвала широкий общественный резонанс. Очевидно, что именно на это и рассчитывали ее инициаторы, применив в своих целях «черные» PR – технологии по привлечению внимания. Остается непонятным, против кого и зачем были применена публичная демонстрация силы? Почему именно PR – агентство было выбрано такой целью?

Трудно поверить, что в УВД ЦАО Москвы приняли решение об акции и остановке работы компании, руководствуясь юридической необходимостью. Что именно искали офицеры милиции, производя обыски и выемки, и почему нельзя было обойтись обычными в этом случае процедурами запросов необходимых документов и показаниями налоговой службы?

Почему отдел по налоговым преступлениям УВД ЦАО Москвы посчитал старейшее PR – агентство настолько неблагонадежным, чтобы нанести такой урон его репутации? Настораживает, что это сделано именно тогда, когда Президент страны говорит о необходимости либерализации и отказа от неочевидных карательных санкций против бизнеса.

Кажется более чем очевидным, что удар наносился не по скромной компании, находящейся по одному юридическому и фактическому адресу и под одним названием уже 20 лет. Много ли в Москве таких стабильных фирм, адрес которых прекрасно знают уже поколения пиарщиков и рекламщиков? Удар наносился по основателю – депутату Мосдумы Владлену Мстиславовичу Радийному, известному своей активной политической позицией по реформе МВД и изъятию у этого ведомства излишнего функционала, позволяющего, словами нашего Президента, бесконтрольно «кошмарить бизнес», одному из наиболее публичных депутатов «Единое ядро России».

Если это не политический заказ, не «мечь органов» (именно так по опросам портала Superjob.ru считают 2/3 россиян), то что?

РАПП от имени всех PR – специалистов и агентств, которые она объединяет, считает своим долгом высказать недоумение по поводу незаконных публичных действий правоохранительных органов Москвы.

Мы дорожим репутацией нашей профессии!

С газетного портрета смотрел улыбчивый гражданин, никак не кажущийся обворованным милиционерами. Геннадию не мешали вырванные клоки бумаги, текст читался, но был, невооруженным взглядом, шит не то что белыми, а красными с позолотой нитками. «Все ясно. Самострел. Топорный причем. Или копирайтер пресс – релиза так думал, а

его отредактировать забыли. Муть собачья: «Мы дорожим репутацией нашей профессии!»

А что, похоже, так оно и есть, поскольку ни одной подписи под документом не значилось». Геннадий дожевал шашлык, запил чаем – алкоголь нельзя. Сигара выпала из рук – опустился под стол, поднять надо, только начал раскуривать.

«Бах! Бах – бах!» – три пистолетных выстрела подряд и щепки посыпались на Геннадия.

«Бах – бах – бах! Бах – бах!» – пять выстрелов в ответ прозвучало откуда – то из – за стойки бара.

Геннадия потом рассказали, что его постоянно прикрывали люди из службы собственной безопасности заказчика. В том баре они обосновались, когда там первый раз прошла грандиозная пьянка. Сегодня дежурили двое – бармен и охранник кафе.

Один из нападавших был убит на месте. Второй, раненый, убежал в свою машину, ту самую черную «бэу», и скрылся, визжа резиной.

С трупа сняли отпечатки пальцев и вывезли в море с камнем на шее. Пока его тело на весельной лодке доставляли к катеру – Балтика, мелко у берега – «разведчика» обыскали. Спортивное телосложение, хорошая одежда, лицо какое – то волевое, знакомое. «Где я его видел?» – попытался вспомнить Геннадий в сумерках, не удалось. И документов никаких. Только мобильный телефон. Геннадий Петрович повертел его в руках – старая «Моторола», ничего особенного. Записная книжка в телефоне: «Ага». И здесь ничего интересного: «Командир 1», «Командир 2», «Вася Лохов», «Вера», «Виконт»...

«Вера? Какая Вера?»

Телефон зазвонил – завибрировал. Высветилось слово «Вера» – номера не было видно, и посмотреть его Геннадий в телефонной книжке старого телефона не посмотрел. Веры Марковны этот номер или нет, пока было не понятно.

«Ответить?» – Геннадий хотел посоветоваться с капитаном катера. Но у него сейчас были другие заботы.

Геннадий нажал клавишу с зеленой трубкой.

– Алло! Алло – о! Стиций? Стиций, ты меня слышишь? – Донеслось из трубки. Это был голос Веры Марковны.

Геннадий не стал отвечать и выбросил телефон подальше в море.

Бомбила и бомбист

На уезжавшую от места перестрелки машину охранник успел зацепить жучок – магнит – вместо того, чтобы стрелять вслед, что часто бесполезно (уехать можно и без заднего стекла, и на пробитых колесах), – он бросил вслед наудачу хитрое приспособление. Позже включил экран навигатора и зафиксировал мечущуюся пока еще по Риге красную точку.

Когда вернулись из ночной прогулки по морю, Геннадий также вызвался лично поучаствовать в устранении второго напавшего на него человека. О несостоявшемся ужине он уже жалел больше, чем о собственной жизни. Адреналин начал отходить, и желудок завибрировал, готовясь переварить сам себя. Это, конечно преувеличение. В вынужденном резко начавшемся голодании есть свой шарм – тело как будто становится легче не на килограмм – два, а целых десять. Было легко.

О том, чтобы поехать куда –нибудь поесть, речи не шло. Капитан – бармен попрощался, а с охранником Геннадий выехал на дело. Спутник оказался с богатым прошлым водителя а – ля «бомбила», так что Геннадий Петрович не пожалел, что поехал с ним, бомбилкой – бомбистом, потому что увидел не только, как закладывается взрывчатка, но и услышал несколько интересных историй.

Машину нашли запаркованной рядом с домом в местечке Дамби, недалеко от Тирели. Заложили взрывчатку по периметру дома и под машину. Отъехали на десять метров. Геннадию доверили нажать «красную кнопку».

«Жах! Ба – бах! Кланч!» Волны от трех взрывов – забора, дома и машины – наложились друг на друга. На крышу машины бомбистов упало несколько досок. Посмотрели назад – занялся пожар. «Вряд ли кто – то остался в живых. – Согласен», – обменялся с Геннадием Петровичем фразой водитель.

– Костя.

– Геннадий.

– Очень приятно.

– Взаимно.

Дальше некоторое время ехали молча. Музыка не было. Радио не работало. Тишина не тяготила. «Два убийства за один вечер – это впечатление посильнее, чем две девушки за ночь. В первый – то раз», – думал Геннадий.

– В первый раз, блин, надо же. – Сказал Геннадий. Даже не спросил, просто как – то вырвался голос.

– Все когда – то бывает в первый раз, – отозвался Константин.

– А когда ты начал?

– Что, бомбить? В девяностые начал. Ну, шучу – шучу, я бомбил не в том смысле – на машине, имею в виду. Странно да, что пытаюсь шутить? Но знаешь, живых людей убивать – к этому привыкнуть невозможно.

– Вы людей, что ли, возили? По Москве? – Геннадий не хотел философствовать. Лучше он наедине с собой как –нибудь темной ночью это передумает. Обсудит с Верой. «С Верой? Нет, с ней надо сначала выяснить, почему она звонила на телефон врагов. Как она его назвала? Стиций? Странное имя. Нет, не может быть, чтобы Вера изменила, продалась. Вернее, что считать изменой – мы же с ней никто официально друг другу. Пока». – Это «пока», мысль – молнию, Геннадий за собой не поймал, как – то механически получилось. Когда кто – то улетает, отдаляется, спит с другим, увольняется, улетает в командировку – автоматически хочется удержать. Вот и сейчас, заподозрив Веру в измене – не делу, но себе, – как бы измене, Геннадию захотелось ее сделать своей женой. – «Но сначала надо выяснить ее причастность к этому звонку. Что она о нем знает? Ладно, уже скоро». А сейчас надо отвлечься. Какие бомбы? Лучше истории бомбилы послушать.

– Да, по Москве.

– И были у Вас какие – то истории интересные?

– Конечно.

– А расскажите?

– Ну, если интересно, можно. Начнем с того, что я бомбил на запорожце тестя. На горбатом! Кстати, мне даже давали чаевые типа из жалости. Этот тесть за машину очень трясся – он со мной каждый день как кассир ездил на заднем сиденье. Просто прикол.

Один раз со мной мужик расплатился палкой колбасы. Вкусной, кстати. Пьянящий! «У меня денег нет. Но есть колбаса». Не обманул.

Как – то одна валютчица, в смысле валютная проститутка, дала сто долларов – у нее не было мелочь, а у меня не было сдачи. Видно, хороший у нее выдался денек. Многотрудный и великовыгодный, как говорится. Даже минет в счет оплаты не предложила, а говорят, так многие делали. Мне один раз тоже пытались такой бартер, но тут уже я не захотел.

– Почему это? – Искреннее удивился Геннадий. Кто ж от такого отказывается!

– Да потому что парень предлагал! Сказал, на Миклухо – Маклая за

натуру. Это километров тридцать оказалось, другой конец города. Приехали. Давай говорю, кто там делать будет – подруга, сестра, жена. Зови! Я, говорит. Да пошел ты в жопу, пидарас.

Константин отвез Геннадия домой, попрощались. Охрану у коттеджа решили не выставлять – не бывает «ответки» в такие короткие сроки, в одну – то ночь. А завтра будет день, будут и задачи. Проблем не будет.

Нечасто, знаете ли, в тебя за ужином палят из пистолета. Нервный срыв маячил во всей красе. Но не на голодный желудок! Поесть, как следует, и спать! Утро вечера мудренее. Хотя уже утро ломилось в окна. Геннадий закрыл жалюзи натемно и поставил два будильника – в телефоне и на телевизоре. Открыл холодильник, съел пять котлет за один присест: две холодными, пока грелись остальные три в микроволновой печке. Запил горячим чаем. Мясо клонило в сон – природу не обманешь, тело можно усыпить мясом. Весь закусочный запас на неделю. Геннадий не знал, что эмоций для бессонницы будет через край: придется закупаться едой более основательно.

Внутренности электрических людей

Утро, как любое утро после адреналиновой встряски, наступило рано. Два часа хватило Геннадию Петровичу, чтобы восстановить силы. И ведь даже снились сны, и сны интересные. Только, как обычно, запомнить удалось мало. Какой – то цирк, какая – то арена с красным бархатным ковром, кони, погоня (музыкальная тема)... «Погоня – может, следствие вчерашней ночи?» – подумал Геннадий. Хоть и погони – то не было, однако, мозг захотел развить эту тему. Но как именно тема развилась во сне, Геннадий, естественно, не помнил.

В проветренную приключениями голову новые мысли прилетают охотно. Таких ласточек Геннадий Петрович фиксировал с помощью функции «Заметки» в своем мобильном. Сегодня – после умывания и до варки кофе – Геннадия посетили мысли о бизнесе. Он открыл уже созданную по этой теме заметку. Там значилось:

– «Всегда быть готовым торговаться. Для этого – назначать цену больше». Геннадий не умел торговаться, просто заранее автоматически завышал цену процентов на пятнадцать – двадцать. И если с ним не торговались, то воспринимал это как маленький подарок. Иногда сам снижал свои цену на глазах изумленной публики в виде коллег на переговорах, он же учил их обратному. Хозяин – барин. Сам же всегда торговался – в магазине ли, в бутике или с теми же таксистами.

– «Никогда не соглашаться на первое предложение (даже если очень выгодное)». Легкую добычу не признают. Даже если ты только и ждал подобного предложения, даже если тебя все устраивает; даже если тебе это нужно больше, чем им – все равно! Не соглашаться! Не быть тряпкой! Биг бизнес – мэн! Олвейз!

– «Рвать отношения с теми, кто пытается менять договоренности задним числом». Это гнуснейшие твари, гнать ссаными тряпками – не пожалеешь в любом случае, в накладе в конечном счете не останешься. – Геннадий заучил, выстрадал эту запись, хотя до конца не понимал ее логики. Казалось, всегда можно договориться и дальше прописывать условия, но... Опыт бизнесменов показывал, что «гнать надо», съезжать, рвать отношения без объяснений и так далее. Когда – то и Геннадий Петрович был такой тварью, но когда один раз по молодости его жестко поставили на место и выкинули на улицу с вещами – мало не пришлось. Теперь Геннадий выкидывал всех сам, а данную заповедь ни разу не

нарушал.

Геннадий дописал:

– «Врагов – никогда не любить, затыкать, в крайнем случае – устранять». Хорошо, что Геннадий не был столь воинственен. А то мог бы написать «устранять физически». Как написал, так и написал: теперь отпечатанное слово будет иметь власть над сознанием, исторгнувшем злую сентенцию. Не исторгнет – будет хуже: прорастет зерном и изменится человек. Геннадий давно осознал психиатрическую силу действия – выговариваться бумаге.

– «Юмор». Комментариев не нужно. Все понятно. Юмор спасает от перегрева мозга.

Сохранил, выпил кофе, отправился в офис. Сегодня до вечера надо было прояснить вопрос со странным Вериным знакомством.

В почте обнаружился мейл от Александра:

«Почти все сотрудники обеспокоены взрывом рядом с их местом работы. Предусматривайте эту целевую аудиторию. Игрушки игрушками, но кадры – наше все. Это богатство нельзя транжирить и кошмарить. Директор по корпоративным коммуникациям, культуре или как там, забыл уже, народу представлен?»

С уважением,

Александр.

5.30 утра»

– Верочка, Ваш выход! – Геннадий показал Вере мейл и поставил задачу – сегодня же отбыть. Вера Марковна поняла все без лишних слов и собралась ехать уже через час. Одна. Похвально.

– А почему через час?

– План – то надо набросать. Думаю, там офис – то с принтером и типография в Лиепеае для меня найдутся? Уже есть мысли.

– Вера, у нас же есть техническая служба – все решаемо. А что будешь делать? Я как начальник должен быть в курсе.

Вера Марковна «зависла», задумалась, что – то записала в блокнот. Видимо, поймала идею.

– Вера Марковна Револьвер, директор по корпоративной культуре ЛИЭП. – В шутку строго Геннадий попытался вывести Веру из транса. – Я Вас слушаю.

– Да, Геннадий. Почему так официально? А, шутишь? Косишь под кого – то? Только не пойму под кого. – Вера Марковна выходила из

творческого забвения. – Смотри, чтобы понять, что им предложить, нужно понять, кто эти люди. Да, кто эти люди?

– Инесе, подготовьте, пожалуйста, для Веры Марковны справку о сотрудниках ЛИЭП. Пол, возраст, чем интересуются, все что есть. Нам срочно стали дико интересны внутренности электрических людей, но поскольку это невозможно сейчас, давайте ограничимся внешними признаками! – Крикнул Геннадий в коридор по направлению к столу помощницы по личным вопросам. Если что, распределит, кто это сможет сделать. За широким экраном Мака головка кивнула, поднялась ладонь с тремя пальцами: «Сделаю. Три минуты», – следовало понимать так. – Сейчас все будет. Продолжай, Вера.

– С фирменной символикой там все в порядке, как я вижу. Подобие заводской газеты тоже есть. Есть профсоюз, условия труда отличные, социальный пакет. Тут даже я аплодирую, довольно грамотно сделано. Кто, интересно, этим занимался?

– А – а! – Геннадий махнул рукой. – Какие –нибудь фрилансеры из Лондона. Сейчас таких много. В Англии, и вообще за пределами Москвы, выгоднее работать: и дешевле, и идей из окружающей среды черпать можно больше. – Махнул рукой: «Продолжай». – Твои мысли и идеи?

– Во – первых, сейчас их нужно отвлечь. И надолго. Дам задание организовать корпоративный музей – лучший в Латвии, и затем в России и мире. Чтобы с экскурсиями приезжали. Во – вторых, музыка, корпоративная музыка – слова пусть работники на конкурсной основе пишут сами. Музыка приобщает к высокому, в исполнители пригласим кого –нибудь из их возрастной группы – может Витаса, им сейчас народ в Китае лечится, – а композитором, например, Владимира Матецкого. Что еще? Нет, я не хочу сказать, что когда под боком взрывают, нужно петь песни и ходить в музеи. Но, насколько я слышала, праздники действительно отвлекают от суровых будней с их терроризмом, кровищей, похищениями детей и всем таким прочим. Ну что можно еще в этом плане? Фильм если только про них снять с Ариной Шараповой.

– Это задачи для мирного времени. Но я не против, чтобы начать их сейчас. Но что по антикризисным действиям?

– Я приеду как психолог. Со всеми побеседую, а вечером, может, в ресторан всем месте сходить? Нет. Это перебор с рестораном, но анкетировать каждого надо. Если там около двадцати ключевых сотрудников – я за день успею, а они уже передадут по цепи. Далее, никого не увольнять в ближайшие три месяца. Это самый минимум. Пусть переживут новость на работе, чтобы дальше не носить. Конечно, мораторий

на увольнения не будем вводить, это только людей беспокоит. Мы примем социальные меры – пообещаем детям пионерский лагерь, а взрослым, проявившим себя как стахановцы, отпуск в санатории, – все за счёт организации. Я думаю, с директором профсоюза этот вопрос мы проведем без проволочек.

Вера Марковна не была сильна в корпоративных коммуникациях, по большому – то счету. Это Геннадий понимал. Она – пиарщик высокого полета, не рядовой исполнитель, но и не директор, не «пожарник». Она стратег. «С заданием справилась, прямо скажем, оперативно», – отметил Геннадий.

– Вера, а не много ты придумала? Все – таки ничего страшного – никто не пострадал, ни в компании, ни в монастыре. А, как ты думаешь, не переусердствуем?

– Я еще вот что думаю, – она, словно не слышала вопроса Геннадия, понимала, что это сомнения в ее пользу. – Я ведь собрание проведу, мне надо представиться. Там и узнаю, что они все думают по поводу происходящего вокруг. Реально ли их эти взрывы волнуют? Не уверена. Зарплаты у них для Латвии хорошие, коллектив дружный. Важная задача, которую я вижу, люди должны себя чувствовать не просто комфортно. Они должны себя чувствовать уверенно! Они ведь, извини меня, работают в компании – лидере – в стране по факту, в Европе и мире в перспективе. Вот какое зерно им надо заронить! «Не что компания может сделать для меня, а что я могу сделать для компании», – так звучит хорошая антикризисная эйч – ар мысль всех времен и народов?

Вера Марковна верно уловила суть главной своей задачи. Когда перед тобой звезда освещает путь, и ты идешь к ней, тебе все равно, что творится вокруг – взрывы, лодка утонула, башня сгорела – какая разница? Вот моя цель, и я к ней иду. Все остальное важно настолько, насколько это важно мне. Но, конечно, Вера Марковна и соломку подстелила своими социальными мерами. И виной тому были по ассоциативному стечению словесных форм – социальные сети! Недавно, ночью, от нечего делать в «Одноклассниках» – взрослые люди выползают в эту социальную сеть как в отдушину именно ночью, днем им некогда, да и сами они своими руками подчиненным, как и себе тоже, блокировали odnoklassniki.ru, – Вера Марковна решила найти президента российского представительства банка «Хоум Кредит», лично его обаять и попросить отсрочку выплат по ипотеке. И таких сообществ начиталась – насмотрелась! «Бывшие сотрудники Хоум Кредита, а теперь просто счастливые люди», «Пережившие Хоум Кредит». Посмотрела и другие крупные бренды – похожая картина. Нельзя резко

увольнять сотрудников, а в идеале – японская модель: один сотрудник и одна компания, на всю жизнь.

Об ипотеке Вера Марковна договорилась на следующий день, точнее ночь, пообещав топ – менеджеру «Хоум Кредит энд Финанс банк» взамен один романтический ужин, и «не более!»

Собралась в дорогу, уехала с водителем. Водитель был вооружен.

Геннадий решил отложить выяснение обстоятельств ночного звонка на телефон убитого прошлой ночью негодяя до ее возвращения.

Вера Марковна одна, но ненадолго

Мысли женщины – потемки. Порой внутренний мир занимает ее больше, чем внешние обстоятельства. Даже срочные. Даже опасные. Даже новые. Лучше я буду украшать свой внутренний мир, перебирать убеждения, складывать мысли, анализировать прошлое, вспоминать счастливые моменты, мечтать. Дальняя дорога!

«Вот что мне делать? Есть мужчина хороший. Зачем мне еще? Я его обаяла, все, дело сделано. Нужен мне этот штамп в паспорте? Да не мне он нужен, родителям. Моим и его.

Этот тоже симпатичный. Ничего такой. Водит хорошо. Пусть только тронет – убью своими руками. Странно, даже не смотрит на меня.

Как бы мне сказать, что пора остановится, зеленая остановка и все такое? Нет, не буду провоцировать. Потерплю»

– Остановимся? Нет, спасибо. Я потерплю. Быстрее надо. Курите прямо в машине.

«Не выношу курильщиков! Сука! Блядина, да докуривай ты быстрее, козел. Мне весь костюм сейчас провоняешь.

Окно хоть открой!»

– Нет, прохладно что – то, закройте, пожалуйста. Нет, курите. Курите – курите. Ну, как хотите.

«Интересно, как он догадался, что я не люблю курильщиков? А Стиций курит, я забыла? Да, курит. Люби – и–имый! Да какой он любимый? Так. Приключение на одну ночь. Люблю в нем все. И запах ног, и волосы в подмышках, и грубость. Все, что в других ненавижу – в нем обожаю. Странно.

Секс. Не могу о нем не думать. Не могу о нем не грезить, не мечтать. А ведь обо мне уже мечтают меньше. В молодости странно, но почему – то наоборот. Когда я цвету, вернее, цвела, мне никто не нужен был. Зубы особенно ни от кого не сводило. Актеры зарубежного кино? Да. Но сейчас не помню даже их имен. Я – нужна была, многим, да. Но моему телу нужно было напитаться ядами, чтобы найти свое лечение в сексе. По – моему у мальчиков по – другому, к старости желания спадают. Надо спросить. У кого спросить? У Геннадия Петровича.

Приехали. Блин, все мышцы затекли. Ага. Ага... Хорошо, что не пешком шли, а то бы сейчас искала укромное место, где подтянуть колготки. О – о–п. Никто не видел, надеюсь? Надо для уверенности

колготки подтянуть, юбку оправить. А что, вот он тоже штаны натягивает повыше. Ть – ху!

Тут будет ведь, где подмыться? О, комната отдыха. Туалет хороший. Как предусмотрительно. Кто тут отдыхает, интересно?

Почему у меня нет настоящих подруг? Может, хоть в Лиепеае найду настоящую. Буду с ней переписываться. Приглашу в Москву. Бред! Одни мужики на руководящих постах. А может, роман крутануть? Нет, не успею.

Да, вот мой телефон. Звоните. Это мобильный. На всякий случай назвала не одну, а две неправильные цифры. Еще чего не хватало – шашни ему с москвичкой подавай, лимита. Взял бы меня сейчас, в комнате отдыха!»

– Свободны! Следующий.

«Музей, музыка, кино. Величайшие из искусств. Сказать им, чтобы книгу про свою станцию начали писать? Ладно, потом скажу. Лучше мы этот подряд через «РосПиар» возьмем. Геннадию будет приятна такая забота о нашем детище. Геннадий, я тебя хочу! Геннадий, где ты? Любимый! Любимый...

Кто может понять женщину, кроме ее мамы? Мама всех поймет. Эх, мама, где ты, давно мы не виделись. Неправда, что мамы любят сыновей больше, чем дочек. Дочек они обожают. Меня мама обожает. Нас мама обожает. По сестренке соскучилась. Даша, где ты сейчас, что делаешь? Младшенькая. Сестра есть единственная настоящая подруга, с ней не надо конкурировать. Если кто – то бьется с сестрами из – за одного мужчины – это сводная сестра, никак иначе. Сестра плоть от плоти. Сестра самый дорогой человек после мамы. Мама, Даша, где вы сейчас?

Интересно, у них ресторан в городе есть?»

– Нет, спасибо. Не будем уединяться. Еще подумают чего. Да. Ну да. Все понятно. Да. В вашей столовой поедим, мне ее хвалили.

«Вот и пора уезжать. Все до свидания. Через неделю приеду – проверю. Живы будем не помрем.

Конечно, будете ждать. Еще бы.

Что – то мне не хочется возвращаться, если честно. Скучно тут, слишком спокойно. Нет, отпуск проводить здесь в пенсионном возрасте, конечно, самое оно. У известного телеведущего мама в Прибалтику, – недалеко здесь где – то, красивое название такое, мелодичное, – в отпуск всегда ездит. И не скажешь, что она мама сорокасемилетнего сына. Балтика!

Я придумала, как отличить быдло от культурного человека? Да, культурного человека, а не интеллигентного, потому что и интеллигентное

быдло есть. Вот как этот, который сейчас мне историю своей жизни пересказывает. Очки, грамотная речь, но дай волю – завалит на стол и облапит. Культурного быдла не бывает. Так вот, о чем я, как отличить. На слово «Балтика» быдло отзовется ухмылкой и вспомнит пиво. Культурный человек представит Балтийское море, белый песочек, хвойный лес, здоровье. Есть еще, правда, военные и моряки, они представят «Балтийский флот». Но таких мужчин с каждым годом все меньше. Жаль.

– Счастливо! До встречи!»

Вера Марковна благополучно завершила все, что хотела, за исключением двадцати интервью. Тут она переоценила свои силы, вышло семь бесед. Остальные будут к ней приезжать каждое утро, каждый день. Кто не желает – скайп к вашим услугам. В Прибалтике новомодные средства коммуникации приживаются быстрее, а уж скайп – то тем более – изобретение эстонское. Увидев одну из таких скайп – сессий, Геннадий Петрович посоветовал Вере Марковне посмотреть фильм «Мне бы в небо». Сначала не захотела, но актер Джордж Клуни сработал как решающий аргумент.

Двигаемся далее! И побыстрее!

На следующее утро все были в сборе. Ровно в срок – ни минутой раньше, ни минутой позже.

Планерка. Утро. Ароматное кофе на вкус горячее и приятнее первых солнечных лучей.

– Так, что у нас осталось по заданиям?

– Геннадий, можно я? – Игорь смотрелся самым бодрым в это утро.

– Пожалуйста.

– По фактам происходит следующее. Из невыполненного. Задача: светить бренд, а не конкретных спикеров. За последние двое суток упоминаний бренда совокупно по всем СМИ – сто сорок четыре, имен – Вас, в особенности, Геннадий Петрович – девяносто восемь.

– Игорь, перебью тебя. Это не критично, но по окончании доклада предложить меры по сверхустранению данного момента, чтобы в разы перекрыло. Продолжай.

– Далее. По факту не сделанного. – Продолжил Игорь на той же ноте заунывной (по факту), но бодрой по манере произнесения форме.

«Да что ж он кроет – то, стервец? Два дня работаем, а он уже тут меня, – меня! – пинает. Ладно, Геннадий, спокойно. Здесь мы одна команда, здесь мы работаем в темпе. Надо все успевать. Успех от слова «успевать»».

– Мы не начали действия по вступлению Латвии в СНГ. Для этого, как мне кажется, нужно сначала поднять патриотические настроения. Российских граждан много в Прибалтике, но из – за тупого давления прибалтийских народных масс и они становятся какими – то затюканными. Может, восстановим памятник в Таллине? Мне рассказывали, что его действительно перенесли в такую глушь, в район алкоголиков куда – то, на отшиб. Мол, поближе к российской военной части. Ну да, от остановки за полчаса не дотопаешь до Алеши.

– Так, Игорь, все эмоции – это вечером. Я понял про памятник. Но мы в Латвии, а Алеша в Таллине. Объединять силы русских во всей Прибалтике – это долго, у нас же время ограничено. Еще будут предложения?

Между тем, Геннадия пугало не время и не отдаленность Эстонии. Он хорошо помнил скандал с «Бронзовым солдатом». Мало того, что таллинские чиновники выходили на службу чуть ли не с четырех утра. Чего стоит новость о том, что «в 5:51 советник пресс – службы

правительства Эстонии Мартин Яшко разослал документ, в котором чиновникам рекомендовалось при комментировании ситуации использовать в отношении Бронзового солдата вместо понятия «памятник» понятие «надгробие», вместо слова «снятие» – «перезахоронение», вместо «эстонцы» и «русские» – «группы интересов»”. Дорогого стоит. Так им еще и помогало американское пиар – агентство. Это беспринципные холодные упыри – профессионалы. Одним словом, с политическим пиаром не хотелось связываться по одной простой причине – придется светить большее количество спикеров, обязательно прицепятся и будут копать про основного владельца ЛИЭП. Нам это не надо.

– В Риге надо что – то сделать? С памятником – то. – Вступила Вера Марковна. – Здесь мэр русский. Надо с ним переговорить.

– Инесе, запиши – устройте встречу с мэром, как его, Николай Ушаков?

– Нил. Нил Ушаков. – Спокойно поправила Инесе.

– Да, с ним. Все, договорились. Можно прямо завтра. Игорь, что еще? – Геннадий Петрович чувствовал себя Бекхэмом, таким плеймейкером, раздающим пасы.

– Мы переборщили с силовыми методами устранения конкурентов.

«Этот щенок лезет вперед батьки! – пронеслось в голове у Геннадия Петровича. Он посчитал нужным все объяснить. – Но откуда он все знает?»

– Да. Друзья. Вчера на меня было совершено покушение. Пытались убить в том нашем любимом баре на берегу моря. Все обошлось, не бойтесь. Нас здесь неусыпно охраняют. В ответ нашим бойцам пришлось открыть ответный огонь. Двое убитых. Все в порядке, как видите. Так, Игорь, у тебя все? Тогда за дело. Встреча с Ушаковым, придумать что – то объединяющее русских в Прибалтике, установить международный контакт с Еврокомиссией.

«Кстати, отлично получилось устроиться в Страсбурге. Три наших представителя – Латвия, Литва, Эстония. Разделяй и властвуй. Сейчас их всех пророссийскими сделаем и будем на Европу влиять так, что дым из ушей пойдет, – думал Геннадий Петрович. В политике он почти ничего не понимал, но иногда его оптимистично – патриотично заносило. – Все это возможно, конечно, если единство в России будет: и у народа, и у приезжих, и у всех групп интересов. Не «Единая Россия», а единство настоящее».

– Вера Марковна, Вас я попрошу остаться. Задержитесь, будьте любезны.

«Хотя, Игоря надо было бы задержать. Откуда он все знает?» – подумал Геннадий Петрович и приступил к допросу Веры Марковны.

– Почему ты звонила на номер человека, который напал на меня с пистолетом? Три раза выстрелил, между прочим. Не попал. Ты у него на телефоне высветилась, когда мы его труп топить в море везли. Вера, давай начистоту.

Мата Хари и радости олигархических вечеринок

Разговор с Верой Марковной расставил точки над «і».

– Я еще до приезда заметила пристальное внимание, какое – то неуловимое, но я его чувствовала. И нашла источник. Стиций мне все рассказал.

Конкуренты следили за ними с самого прибытия. Он был нашим преподавателем, внедрен в коллектив еще пять лет назад, как бывший однополчанин кого – то там из приближенных к нынешнему владельцу электростанции. Лекции про власть читал, вас тогда еще с Игорем не было, а я пошла. Интересно, кстати, я тебе дам конспект.

– Не отвлекайся, Вера, не отклоняйся от темы, пожалуйста. – Оборвал Геннадий Петрович. Ему, конечно, хотелось ознакомиться с этими пропущенными лекциями. Но всему свое время.

– Да. Так вот, они официальные конкуренты, кровные враги или как там еще, холиваровцы нашей ЛИЭП. Причем, с руководством они общались давно, но как – то пути – дорожки разошлись. Та команда, на которую сейчас работаем мы, она заточена на бизнес. Их команда – Стиций и Ко – они больше, как орден какой – то что ли. Свои обряды, свои титулы, иерархия. В общем, сумасшедший дом. Да, и у них свое типа СМИ – «Пионерская правда». Да. Та самая, под прикрытием которой нас пытались захантить. Не успели. Они же хотели, чтобы мы на них работали?

– А почему именно мы, что на нас, свет клином сошелся?

– Потому что Стиций узнал, кого выбрали здесь, в этом штабе. И нас собирались перехватить. Ну, как бы и лучших не дать нанять, и шпильку вставить – мол, мы быстрее вас успели и так далее. А вот почему нас выбрали здесь, это мы уже знаем. Ну вот, – Вера Марковна продолжала взахлеб. Ей явно нравился этот детектив наяву, – а те дыры в стенах – результат действия каких – то наркотических спецсредств. Помнишь, на нас энергетика Карла как – то необычно действовали. Хотя он их принимал только для бодрости. Не для глюков. Он знал, что с нами будет, так как сам с этим наркотиком уже работал. Прибалтика маленькая. Все друг друга знают, все связано, все ни о чем не спрашивают – тянут друг у друга игрушки, наркотики, людей. Паучья банка, короче – скорее бы им границы открыли с Россией, чтобы свежую кровь пустить.

– Н – да. Дела... Мы его по ходу дела, и грохнули. Твоего этого. Когда ты ему звонила, мы к его шее привязывали камень. – Сказал Геннадий не

без металла в голосе.

– Пускай. Мне все равно уже. Но, он живучий, этот Стиций. – Вера Марковна не добавила «гад», все – таки чем – то приглянулся он ей. Так подлецы, к тому же с интимной историей, всегда западают в душу, обрастают ласковым коконом женской симпатии. – Он мне рассказывал, шрамы показывал. Рассказывал, что и в зыбучих песках выживал, и под снежной лавиной, и в шахтах...

– Где и при каких обстоятельствах он тебе их показывал, можешь не рассказывать, – прервал Геннадий.

– Геннадий, мы взрослые люди. Да, мне с ним было хорошо – расслабилась по своей воле и получила удовольствие. Что, ты меня прогонишь с работы?

– Да нет, конечно.

– Ну и все. – Вера Марковна чуть было не завелась. Все – таки было нелегко и рискованно любимому, в общем – то, человеку рассказывать такие истории. У любого нормального самца ревность взвоет. «Вот так, сама и повод дала, и карты раскрыла, – отметила про себя Вера Марковна. – Это что – то новенькое даже для меня».

– Вера, успокойся. Я тебя люблю. Все хорошо. – Геннадий давно питал в себе страсть к в меру распущенным женщинам, но это было только в грезах. «Вот так и наяву бывает. Ничего страшного. Женщина пожертвовала, с удовольствием – но это тактический момент, – для дела, для меня. Придется оценить. Как не оценишь? Еще не каждая признается», – разбирался в своих мыслях и принципах Геннадий Петрович.

«Кажется, получилось», – отметила правильность вышесказанного Вера Марковна.

– Давай. Пока. У нас еще много дел. – Геннадий встал, допил холодный чай, съел выжатый лимон, отрезал еще свежий ломтик, побольше первого, и отправил в рот.

«Вера молодец. Узнала все, что надо. Хоть и такой ценой. Впрочем, да, не ревную. Не ревную. Щучка – сучка, прям как Мата Хари. Теперь – к нашему молодому другу».

День, пообедали вместе. Выпили по кружечке пива, сошлись на какой – то одной местной марке. Геннадий пил из кружки, Вера – из бокала. А потом и отлакировали пятидесятью граммами неразбавленного «Рижского бальзама».

Настал черед Игоря.

– Игорь, ты откуда все знаешь? – Геннадий недоверчиво сложил перед

собой руки, скрестил ноги. Если Игорь захочет, чтобы я поверил, пусть постарается меня раскрыть.

– Я вчера с нашими знакомыми до утра отдыхал. – Начал Игорь, и сразу был перебит.

– Это с кем это? С миллионерской братией что ли? – Уточнил Геннадий, подался вперед.

Они в шесть утра где – то, даже может чуть раньше, и рассказали про перестрелку, про взрыв какой – то в пригороде. Среди этих людей новости проносятся быстро. Олигархи – самые информированные люди в мире. Знаете, какой самый дорогой товар они покупать любят? Информацию. У них много персональных советников, личных корреспондентов, все главные редактора и репортеры – многие друзья. Кто – то на прикорме, кто – то с детства знаком, кого – то в соцсетях зафрендрили. Захотели они сказку про, например, истинные причины Литвиненко послушать, или почему «Курск» утонул, или почему Путин стал преемником, или как и кто на самом деле «Юкос» банкротил – они вызывают такого советника. И по любви, или за деньги, или так и так сразу, он все рассказывает. Советник этот. Вот так. Таких историй вчера наслушался.

– Это что, как бы вроде «тискают романы»? – Геннадий очень хорошо помнил рассказ Варлама Шаламова «Заклинатель змей» про интеллигентных рассказчиков историй для блатарей в тюрьмах.

– Да нет, представьте, это реальные истории, подлинные факты.

– А откуда они их знают?

– Связи.

Игорь наслушался историй не только от олигархов и их советников, но и от девчонок, обслуживавших данное мероприятие. Рэйчел Пачеко, автор бестселлера «Сладкий яд скорпиона: дневник бразильской девушки по вызову» нервно курит в коридоре. С проституткой – ну как их еще назовешь, «профессионалами по сексу» что ли? – Игорь спать не стал, поговорил. И убедился, что истории у них, также как и предоргазные фразы, вызубрены до блеска. Но этими соображениями он собирался поделиться с Геннадием в другое время суток, более темное, насколько оно только темное бывает в Прибалтике.

Геннадий пожал Игорю руку: «Встретимся вечером, еще кой – чего мне расскажешь про это самое. Давай, работай».

Мэр, президент и Еврокомиссия – велкам!

– Нил Валерьевич, спасибо, что нашли время встретиться. У нас есть для Вас несколько предложений. – Начал Геннадий Петрович.

Закурили. Геннадий Петрович не возражал. На встречу с Геннадием приехала Вера Марковна.

– Предложения, от которых я не смогу отказаться? – В тон подхватил мэр Риги, первый за восемьсот лет существования города русский по национальности. Ему нравились эти приятные люди: напористый немолодой, но подтянутый человек и обаятельная леди.

Нил Ушаков больше пяти лет отработал на переднем крае латвийской журналистики – продюсером, корреспондентом, редактором, ведущим. Теперь он выступает с другой стороны баррикад – не берет, а дает интервью.

Запрошенные им биографические справки гостей заранее расположили градоначальника. Он обожал общаться с гуманитариями.

Геннадий Петрович и Вера Марковна приехали без идей, если говорить начистоту. Зря? Вот если в процессе обсуждения идей не возникнет, значит, действительно зря. Продолжили беседу с озвучивания задач:

– Нам важно заморозить общественное мнение в пользу русских технологий – это раз. Затем обеспечить узнаваемость нашего объекта ЛИЭП, – Нил Валерьевич листал распечатанную презентацию, вспоминал, как гладко прошел этот проект через Сейм. Еще бы – все ключевые фигуры получили абсолютно все, что хотели: кто – то образование детей в Швейцарии, кто – то квартиру в Старом городе, кто – то дачу в Юрмале, а кто – то и остался на посту мэра в январе 2010.

Нил с Верой дымили, Геннадий пил чай, уже заказали еще булочек из фирменной пекарни. «Как у Лужкова прям, даже лучше», – отметил Геннадий Петрович качество сдобы. Конструктивная дискуссия продолжалась, две встречи и один эфир уже были мэром отменены, а в приемной все на сегодня ждать перестали. Когда Геннадий входил в мэрский туалет (общий для всех обитателей мэрии), в соседних кабинках завершался оживленно – напряженный разговор: «С документами работает?» – «Вряд ли. Думаю, российские инвесторы. Деньги Латвии нужны».

Когда Геннадий вернулся в кабинет, встреча перетекла из – за круглого

стола в комнату отдыха. «Сейчас точно с документами будем работать, – Геннадий не собирался напиваться с утра. – Еще чего не хватало. Но пару рюмок для сосудов можно».

Хрусть, жамк, плюм, дзынь. Интеллигентно поморщились, закусили лимоном.

– Нет, конечно, Музей оккупации закрывать не будем. Мне он сам, как кость в горле, тем более он тут, за углом. Но вы же понимаете, это не то что международный скандал будет. Это просто неэффективно.

– Согласен. Может, какую –нибудь вирусную ненавязчивую акцию запустим?

– Как белые ленточки.

– Белые ленточки... Слушайте, а давайте сделаем белые одежды? Все русские носят белые костюмы, пиджаки, брюки, свитеры, галстуки. А? Все заинтересуются точно.

– А дальше?

– А дальше мы все объясним. Кто за русских – тот в белом. Остальные в чем хотите. Бархатная революция? Не –е–ет. Просто ползущая пропаганда.

– Предприятия, кстати, тоже можно перевести на белую униформу. Начнем с ЛИЭП.

– Так, где – то у меня тут должен быть белый костюм. Начнем прямо с меня. Надо пригласить на вечернее заседание побольше фотокорреспондентов, а завтра готовиться отвечать на вопросы. Что говорить? Составьте мне список месседжей, пожалуйста.

Геннадий Петрович и Вера Марковна записали в блокноты: «Через час будет. Приедем в офис. Если приедем. Если бутылку не прикончим», – подумали.

– Какие у вас дальнейшие планы?

Геннадий рассказал про планы российской энергетической экспансии, про то, как надо объединить Прибалтику и продавить решение в Европарламенте.

Нил кивал головой: «Этим ребятам все под силу». Главное, считал он, делать только свой участок работы, хотя с виду может показаться, что в твоей компетенции намного больше. Мэр должен отвечать за город и коммуникации. Губернатор – за сельское хозяйство и промышленность. Премьер – министр – за работу правительства. Президент – за международные отношения, за все вообще. Но отвечают все они на вопросы СМИ, не более. Какие там решения реальных дел? В день по двадцать пять пресс – конференций, из кадра некогда вылезти. Знали бы

журналисты, что происходит за «закрытыми дверями» после пресс – конференции. Все звонят помощникам и спрашивают, успеют ли они пообедать до следующей встречи на высоком уровне? Долгое время гуляла байка о том, что два президента, когда за ними для журналистов захлопнулись двери зала пресс – конференции, каждый прилег на своем креслице и проспал целых восемь часов. Потом писали, что у двух стран был напряженный однодневный непрерывный раунд переговоров, но все пришли к обоюдному согласию. Рекомендательная байка сыграла положительный эффект – многие впоследствии так и делали: спали.

Вера Марковна задала вопрос о встрече с латвийским президентом. Валдис Затлерс показался ей более сговорчивым на вид, чем огненная (или покрытая ржавчиной?) леди Вайра Карловна Вике – Фрейберга. Однако встречаться придется именно с ней, объяснил Нил. Ведь именно ее семейная консалтинговая фирма VVF Consulting в 2008 получила заказ от мэрии Лиепай и ее местного сейма на проведение анализа политики развития Лиепай.

– С Европарламентом это работа небыстрая. А вот с Вайрой я вас лично познакомлю. Она поможет уладить дела на мировой арене. Она хорошая знакомая экс – канцлера Германии, кстати. Он обещал ей помочь с экономикой, но не успел, теперь перед ней в долгу. Но вот чем вы будете расплачиваться с Вайрой? Хотя, насколько я понял, она не притязательная. Тот тендер по Лиепайе был на тридцать тысяч долларов, а что это такое по нашим временам?

«Или она метит куда – то выше, – подумал Геннадий. – А этот «маневр» – для отвода досужих глаз».

Русиш швайн

– Бах!

Геннадий набросился на Веру Марковну, схватил ее в охапку, сшиб ее с ног, оттолкнувшись от порога, в прыжке и накрыл своим мокрым корпусом. Он предпочитал даже в сильный дождь ходить без зонта – студенческая привычка: кепка лучше, ее труднее потерять. Вера Марковна же, напротив, не признавала прогулок без зонта ни в изморозь, ни в дождь, ни в сильную жару. Сейчас был не дождь, не изморозь и точно не жара – плотной стеной шел настоящий холодный ливень. Вера Марковна успешно спасалась от хлябей небесных, благо ветра не было. Сейчас же Геннадий перечеркнул ее старания за одну секунду.

– Я, конечно, понимаю, что ты мне жизнь спасаешь, но не так сильно на меня кидайся. Мне больно. И мокро. – Вера Марковна начала отталкивать Геннадия Петровича, он лежал камнем, глаза зажмурены.

– Геннадиу? Вер – ра? – На пороге стояла цель их визита в махровом халате и туфлях, обутых в теплые широкие тапочки на толстой резиновой подошве.

*

Он сидел у камина и чистил дробовик. Сигарный дым клубами поднимался к потолку, коньяк грелся на изысканной конфорке, дымилась зажженная сигарета «Дзинь Лин», однако посторонних запахов в гостиной не ощущалось. В ремонт особняка на окраине Берлина был вложен не один миллион евро, не меньше тридцать процентов из которых пошли на оборудование системы вентиляции. Парк деревянных лодок – гулянок плескался у причала ванзейского озера, был небольшой, но стабильно нарастающий шторм.

Тепло и без камина. Уютный халат на голое тело не колот, лакированные ботинки грели своей элегантностью, и ценой тоже грели. От кожи исходил бальзамический терпко – сладкий, мужской аромат «Этро Пачули». «Так пахнет старость, – подумалось ему. – Но надо еще помайорить!» Господин русский майор как был, так и остался образцом подражания для уже порядком влиятельного лица не только в Германии, но и в мире. Герхард знал его лично, а потом про него написали в России

книгу и издали миллионным тиражом.

«В такую погоду добрая хозяйка и злого пса гулять не поведет», – подумал немолодой человек, пригладил иссиня черные, но уже ломкие (зато свои) волосы. Мало кто из политиков, разве что деревенщина Рейган, не красил волосы, тем более в отставке.

Он пыхнул сигарой, потянул коньяк, затянулся сигаретой до фильтра и затушил в костяной пепельнице.

«Вот она, месть краснокожих белому человеку за «огненную воду». Сколько человек от дыма загнулось. Не дамся!» – подумал он, потянулся, сильно растопорщив в стороны руки.

Хрустнуло в плечах.

Лязгнул затвор.

«Вот что, делать мне больше нечего? Керт Кобейн, Эрнест Хемингуэй, Хантер Томпсон, Джим Моррисон. Они оставили след. А я? По – моему, у них детей тоже не было. Не помню. Так, одно дело осталось. Вчера звонила старая подруга Вайра, обставить какое – то энергетическое дело. Меня интересует газ, сколько еще раз ей повторить? Она еще меня критиковать будет, такая девчонка, – Герхард Фриц Курт Шрёдер допил коньяк и потянулся за добавкой. – Но жениться на ней не буду, пять раз многовато это для меня».

В дверь позвонили.

«Не иначе русские. Только русским партизанам такая погода по душе. Дай – ка пугну!» – выстрелил в потолок, на широкий ломберный столик с расставленными мужскими удовольствиями посыпалась побелка, немного попало на халат.

Герхард вышел коридор, запахнул халат, засунул обутые в дорогую домашнюю обувь ступни в специальные тапочки – галоши и открыл дверь.

– Русиш швайн! Ай – ай – ай! – попытался пожурить он его на ней. – Заходитесь быстрее, ветер усиливается.

Вместе с новой сигаретой пришлось зажечь и камин, чтобы согреть гостей.

Разговор состоялся непростой, но обо всем успели договориться.

Уже на пороге Герхард спросил Геннадия, как звали того майора, про которого писал писатель с немецкой фамилией?

– Фандорин?

– Уат зе фак из Фандорин? Веллера персонаж!

– Звягин!

– Точно Звягин. Хороший был человек. Еще работает на «скорой»?

– Не могу знать. Уточню – передам привет от Вас.

– Буду признателен. Счастливого пути!

*

Интересная встреча получилась, острая. В голову не приходило ничего, кроме шуток.

– Скоро первое сентября. Гитлер, чтобы в школу детей не водить, объявил войну. Думаю, наши дети скоро сами будут на это способны. – Задумчиво сказала Вера Марковна.

– Глупая шутка. А ты «Майн Кампф», кстати, читала? – Геннадий давно охотился за этой книжкой. Жалел, что в свое время, в девяностые, не купил ее на развале, на Лубянке. Денег не было, да и заботы были другие, из нижних рядов пирамиды Маслоу – поесть, выпить. Какое там духовное развитие?

– У меня есть где – то распечатанная, еще не добралась. А что, советуешь?

– Теперь, знаешь, да, особенно. Немецкая душа – потемки. Бунтари прям, сама видела.

– И причем это бунтарство продолжается. Зараза опасная. Знаешь, что общего между Гитлером и «Газпромом»?

– Нет. Оба тираны на букву «Г»?

– Одна и та же любимая футбольная команда – «Шальке 04».

Пока стояли в ожидании паспортного контроля, Геннадий ради интереса набрал в «Яндексе»: Майн Камф (ошибся в названии на одну букву, но поисковая система поправила) + рецензии. К удивлению обнаружился отзыв Джорджа Оруэлла: *«...В то время как социализм и даже капитализм, хотя и не так щедро, сулят людям: «У вас будет хорошая жизнь», Гитлер сказал им: «Я предлагаю вам борьбу, опасность и смерть»; и в результате вся нация бросилась к его ногам. Возможно, потом они устанут от всего этого, и их настроение изменится, как случилось в конце прошлой войны. После нескольких лет бойни и голода «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей» – подходящий лозунг, но сейчас популярнее «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Коль скоро мы вступили в борьбу с человеком, провозгласившим подобное, нам нельзя недооценивать эмоциональную силу такого призыва».*

– Вера, дашь почитать распечатку?

– Да бери. Тебя запрет в России на нее не пугает?

Геннадий отрицательно качнул головой. «В багажник спрячу, рядом со

своими книгами. Вообще тогда настоящим передвижным агитатором – пропагандистом буду», – подумал он.

На выезде с парковки, уже в рижском аэропорту, Геннадий обратил внимание на большое количество людей в белых одеждах – пальто, кардиганы, головные уборы, обувь – всё было белое. В Юрмале казалось, что белых машин стало больше.

«Еще бы свою художественную книгу к такому багажу, – вспомнил Геннадий о начатой своей книге. – Книга не книга, и даже не роман пока что, но повесть получается». Дома открыл ноутбук и продолжил.

3. Вот и он.

Желтоватая кожа, редкие светло – русые волосы, глаза слегка навыкате, взгляд задумчивый, но, в то же время, какой – то пустой. Огромное брюхо, полностью скрывающее ноги существа, казалось, не позволяет ему выбраться из чугунка. Маленькие пухлые ручки сжаты в кулачки. Существо шумно дышит и временами причмокивает, едва оголяя свои игловидные желтые зубы.

Баба Рая протянула мне прямоугольный ломтик сырого картофеля и жестом пригласила покормить существо. Вид острых зубов меня насторожил, но хозяйка дома заверила меня, что все – таки это не дикий зверь, а вполне разумное существо, поэтому мои опасения беспочвенны.

Я аккуратно протянул угощение Маленькому Мужикю, он так же аккуратно взял своей маленькой ручкой кусок картофеля и положил его в рот. Он начал громко чавкать, прикрыв от удовольствия свои выпуклые глаза.

Вот он – сидит в своем чугунке напротив меня. Он абсолютно реальный и живой, Саня не врал. Только вот дальше что? Я понимаю своего друга, я тоже потерял дар речи, пока находился в этом доме.

Хозяйка попросила меня прийти в другой раз, потому что Мужикю нужен отдых, но если я приду пораньше, то она с радостью ответит на все мои вопросы. В этот раз я не получил ни одного ясного ответа.

4. Первая ночь.

Благодаря бабе Рае, мне любезно предоставила ночлег одна семейная пара лет тридцати.

За ужином я снова попытался разузнать о происхождении живой местной достопримечательности.

– Как у вас в деревне оказался этот Мужик?

– Да кто его знает? – пожал плечами глава семейства, – сколько себя

помню, столько и Мужик у нас живет.

– Я его еще худеньким помню, – добавила супруга.

– Да, – как – то неохотно согласился муж, – было дело.

– Вас разве не волнует, откуда он взялся?

– Да какая разница? Ну, родил его кто – то, вот оттуда и взялся! Он нам не мешает, – уклончиво сказал хозяин дома.

– А вдруг это... – я запнулся, ища подходящее слово и, не найдя ничего лучше, использовал то, которое мне самому не очень – то и нравилось, – инопланетянин!

– А летает он на чем? На чугушке своем? – пара рассмеялась.

– Но, все же...

– Вы лучше скажите, как Вы про него узнали и зачем приехали?

– Друг мой у вас побывал, посмотрел на него, потом мне и рассказал. Попросил съездить к Вам. Вот я и приехал сюда... чтобы забрать его с собой, – и сразу же мне подумалось, что я напрасно об этом сказал.

– Ну... это что – то новенькое. Посмотреть на него приезжают иногда, но вот забрать... забрать – это если баба Рая разрешит.

– А вы как думаете, разрешит?

5. Итог.

Весь следующий день я снова пытался увидеться с бабой Раей, да только дверь зеленого дома мне никто не открывал. День прошел довольно скучно, а новой информации для записи было ничтожно мало.

Как можно более подробно я описал внешность Маленького Мужика, записал несколько теорий, касательно его происхождения, но все они больше походили на низкопробные заголовки соответствующих статей. Узнал о предыдущих гостях из других городов. Выяснилось, что им не разрешалось его фотографировать, только смотреть, в лучшем случае – нарисовать с натуры. Оказалось, Мужик страшится вида современной электроники.

Попытки же заговорить о самом Мужике с прочими жителями снова ни к чему не привели. Всем как будто бы не было никакого дела до того, откуда у них появилось это необычное существо. Кто – то и вовсе сразу же предлагал сменить тему, зато охотно рассказывал о сортах овощей, которые растут у него на грядке, о самых богатых на грибы лесах в этой местности и о том, как тяжело им зимой. Словно у всех стоял мораторий на эту тему. Показать приезжим гуманоида – пожалуйста, но рассказывать о нем, – ни в коем случае!

С другой стороны, я не первый и уж точно не последний, кто

одолевают их подобными расспросами, поэтому их тоже можно понять. Правда, в таких случаях гораздо более вероятен гнев, чем гробовое молчание.

«Стиций будет за нас»

Стиций, действительно, выжил. Тогда, во взорванном доме, он успел проснуться. Точнее, его поднял будильник из тротила, заведенный не им. Стиция подбросило на кровати, шлёпнуло об стену, осыпало стеклом из окон, а сверху уже начала обрушиваться крыша. Он, еще не продрав глаза, метнулся к спасительному люку (всегда держал открытым, когда был дома), ведущему в подвал, где были заготовлены припасы на время пожара. Дом горит не больше трех часов – потом он тлеет, и можно и выбираться.

В доме оказался именно Стиций. Телефон у него на время взял напарник – поиграть в змейку; Стиций тогда пошутил, что это поверье всех телохранителей – кто пройдет змейку с первого раза, получит самого безопасного и щедрого хозяина. Когда началась заваруха, было не до телефонов и змеек, напарника подстрелили и утопили. А Стиция взорвали – не их был день, одним словом.

Он собирался выбраться за границу, в Германию. Сначала в Литву, там в Минск, потом до Бреста и в Польшу. Не получилось: повязали еще в Вильнюсе.

– Ваша верхушка обезглавлена. Спонсоры обанкрочены. Судьбу Вашего напарника Вам рассказали? Итак, Стиций, Вам слово. Что будете делать дальше? – Нагрузил его словами Александр.

Вера Марковна, Геннадий Петрович, Игорь и некоторые незнакомые члены команды Александра присутствовали при этом допросе – суде.

«Шрам на левой половине лица и кистевые ожоги. Никогда не видела ничего более мужественного, – подумала Вера Марковна. – Но, оказывается, мужественное не всегда есть сексуальное».

– Что со мной делать? Убивайте. – У Стиция хватило смелости обвести глазами всех присутствовавших. – Я ваш. Не пойму, почему вы меня еще держите на этом свете? Почему не убили при задержании?

– Вы правы. Но задаете слишком много вопросов. Похвальная уверенность для смертника. Вы еще выпейте два стакана водки и закусите после второго. Но последнего желания у нас для Вас не будет. У нас к Вам деловое предложение. – Начал мягкий прессинг Александр.

– Перевербовка? Нет, спасибо. – Обнаглел Стиций.

– А причем здесь перевербовка, ты и так уже наш. И вроде как, и не наш. Ты разберись, падла! – Александр начал волноваться. – Геннадий, Вам слово. Выйдем, оставим их.

Геннадию Петровичу было поручено провести с кротом – преподавателем воспитательную беседу. Конечная цель – окончательная перевербовка в ряды службы безопасности по кадрам ЛИЭП. «Людей в Прибалтике не так много, а хороших еще меньше. Не хотелось бы кадрами разбрасываться. Если у Вас, Геннадий, ничего не получится, мы его уьем – ничего не поделаешь. Удачи!» – сказал ему накануне поимки Стиция Александр.

«Вот так – от меня впервые зависит конкретная человеческая жизнь, – думал Геннадий. – Сколько я зарезал, сколько перерезал опосредованно, через СМИ: сколько голов улетало, сколько людей выживало благодаря моей информации. Было не страшно. А сейчас, вот поди ж ты, буксую немного даже. Один на один с электоратом. Ну, вперед! Живы будем – не помрем».

– Стиций, дружище. Хорошо, что я на твои лекции не ходил, да. Какая ты сволочь в отношении Веры Марковны. Ну ладно, тут я вам не указ, а она мне не жена. Пока что. Можешь не оправдываться. Хочешь, я тебе песню спою? Слушай.

Геннадий присел на край стола. Стиций поднял голову. Запел.

О, сколько дорог мною пройдено
В нелегкой разлуке с тобой.
И вот я пришла, моя родина,
К тебе в этот час роковой.
Душа твоя в ранах и ссадинах,
И снова страдает народ.
И новой дороги не найдено,
А старая в бездну ведет.
Ты знала царей и юродивых,
Терпела тиранов вождей.
Стоишь предо мной, моя родина,
Хоть голая, но без цепей.
Но канут во мглу ночи черные.
Ты светом людей озаришь.
Взойдешь, молодая и гордая,
И вновь этот мир удивишь!
За что ж доля – кручинушка?
За что столько горя и бед?!
Горжусь я твоими мужчинами,
А женщин добрей в мире нет!

Хочу я тебе, моя родина,
Хотя б этой песней помочь
Молюсь за тебя, моя родина,
И плачу, как блудная дочь.
Россия! Я верю в твои силы.
Узнаешь ты, где правда, а где ложь.
Россия, настанет день, Россия,
И ты святые крылья обретешь!
Россия! Я верю в твои силы.
Узнаешь ты, где правда, а где ложь.
Россия, настанет день, Россия,
И ты святые крылья обретешь!

«Хм – м. Неожиданно, – Стиций вдумался в слова, которые были патриотичными, но не слащавыми. – Такие бы хорошо звучали на баррикадах Белого дома или на «Нашествии!». – А кто автор? – спросил вслух.

– Пугачева!

«Не верю, по – моему, это Успенская. Хорошо, попробуем ответить», – подумал Стиций.

Только вымолвишь слово «Россия»,
а тем более «Русь» – и в башку
тотчас пошлости лезут такие,
враки, глупости столь прописные,
и такую наводят тоску
графа Нулина вздорное чванство,
Хомякова небритая спесь,
барство дикое и мессианство —
тут как тут. Завсегда они здесь.
И еврейский вопрос, и ответы
зачастую еврейские тож,
дурь да придурь возводят наветы,
оппонируют наглость и ложь!
То Белинский гвоздит Фейербахом,
то Опискин Христом костерит!
Мчится с гиканьем,
лжётся с размахом,

постепенно теряется стыд.
Русь – Россия! От сих коннотаций
нам с тобою уже не сбежать.
Не РФ же тебе называться!
Как же звать? И куда ж тебя звать?
Блоку жена.
Исаковскому мать.
И Долматовскому мать.
Мне как прикажешь тебя называть?
Бабушкой? Нет, ни хрена.
Тёщей скорей. Малахольный зятёк,
приноровиться я так и не смог
к норову, крову, нутру твоему
и до сих пор не пойму, что к чему.
Непостижимо уму.
Ошеломлён я ухваткой твоей
ширью морей разлитых и щей,
глубью заплывших, залитых очей,
высью дебелих грудей.
Мелет Емелька, да Стенька дурит,
Мара да хмара на нарах храпит,
Чара визжит – верещит.
Чарочка – чок, да дубинушка – хрясь!
Днесь поминаем, что пили вчерась,
что учудили надысь.
Ась, да Авось, да Окстись
Что мне в тебе? Ни аза, ни шиша.
Только вот дочка твоя хороша,
не по хоро'шу мила.
В Блока, наверно, пошла.

– Тимура Кибирова, точнее тогда еще Запоева, я лично знаю, одноклассник, но не все его стихи люблю, – сказал Стиций. – Поэтому кое – что пропущу.

Геннадий присел в кресло. Стиций поднялся. Декламация продолжилась:

Ну, была бы ты, что ли, поменьше,

не такой вот вселенской квашнёй,
не такой вот лоханью безбрежной,
беспредел бы умерила свой —
чтоб я мог пожалеть тебя, чтобы
дал я отповедь клеветникам,
грудью встал, прикрывая стыдобу,
неприглядный родительский срам!
Но настолько ты, тётка, громадна,
так ты, баба, раскинулась вширь,
так просторы твои неоглядны,
так нагляден родимый пустырь,
так вольготно меж трёх океанов
развалилась ты, матушка – пьянь,
что жалеть тебя глупо и странно,
а любить... да люблю я, отстань.

Повисла почти неловкая пауза, какая бывает между незнакомыми людьми, которые вдруг взяли и открыли друг другу свои секреты. Стиций выговорился, и слеза подступила к горлу. Геннадий насупился.

Зазвонил мобильный телефон Геннадия Петровича, и очень не в тему включилась случайно громкая связь:

– Это Деловая Москва? – раздалось в трубке. Номер определился какой – то российский, прямой московский, ранее не известный.

– Это «Безработный Таганрог». – Резко ответил Геннадий. Схлопнул телефон и повернулся к Стицию. – Ну, что, мы друг друга поняли, как я вижу?

Геннадий вышел к Александру:

– Стиций будет за нас.

– Точно?

– Железно.

Последнее дело варёных

Оставалось пять дней. Что делать?

Можно погулять по Риге. Что тут интересного? Статуя Свободы, Рижская телебашня, здание Академии наук, Домский собор, нестигаемая Церковь Святого Петра, церковь и казармы Екаба, Пороховая башня, три дома на Маза Пилс – «Три брата», Шведские ворота (купец прорубил их, вошел, как римский победитель, но почему за собой не заделал, чтобы победа не ушла?), «домик городского палача», Латвии Дом Черноголовых. Да нечего смотреть! Я что, историк?

Вот Черноголовые только – примечательная история, если подумать глубже, пофантазировать. Братство Черноголовых, как пишут, было «объединением молодых холостых иноземных купцов». Все понятно, без гомосексуальной любви не обошлось. А позже ребята из купцов стали телохранителями. Для чего нужны элитные телохранители, стройные молодые мускулистые ребята, мы знаем по воспоминаниям людей из Краснознамённого ордена Октябрьской революции Президентского полка. «Снять часового» – это то, о чем вы подумали. Кстати, в революцию, с весны и до осени 1918 года для охраны советского правительства Кремлевский полк был укомплектован ни кем иным, как латышскими стрелками, потомками братства Черноголовых телохранителей. А потом, что говорить, если после разрушения дома на его месте появилась площадь Латышских Красных Стрелков и памятник. Дань времени. Вот и думайте о причинно – следственных связях. Едем дальше.

Кто у Черноголовых символ? Святой Маврикий, негр. Это, конечно же, образ. Просто в то время не были распространены клизмы, вот и получались черные и вонючие результаты... Черные фраки при черных штиблетах для маскировки – не марко.

Тьфу, о чем я думаю без работы? Все это досужие домыслы и эротические байки. Я же знаю доподлинно, что в конце XIII века было братство святого Георгия, в которое привлекали иностранных купцов, чтобы составить конкуренцию Большой Гильдии. Большие и применили все известные им методы очернения Черноголовых (оцените каламбур), которые сейчас бы назвали «черным пиаром». Я даже допускаю, что рестайлинг в сторону Святого Маврикия был проведен дальновидно и специально: к черному грязь не пристает, или просто незаметна. Да что тут говорить, в почетных посетителях дома Черноголовых значатся Пётр

Первый, Бисмарк.

Сам себе наглядный пример того, что в праздности мозги плавятся. Желательно отдых с работой, любимой работой, перемешивать.

– Молодой человек! Геннадий! Здравствуйте! – Окликнули сзади.

Геннадий не на шутку испугался, вздрогнул. Вот так, думаешь о чём – то, и все окружающее кажется лишь визуально – слуховым дополнением картины, нарисованной твоим воспаленным, уставшим, сонным, богатым, творческим, аналитическом воображением. «Гомосеки!» – Геннадий на всякий случай не обернулся.

– Геннадий! Подождите! – К нему подбежал мулат в белом костюме.

– Мне Вас порекомендовал Александр, сказал, что Вы скоро уезжаете, но у меня для Вас есть предложение. У меня ресторан в центре города, пивная келья, раки, черная икра. Только открылись! Очень нужна известность на международной арене. Да и нашим, местным ребятам – миллионерам рассказать. Возьметесь?

– Так – так, секунду. Вы что, вот так, на улице, за одну минуту хотите поставить мне техническое задание? Так дела не делаются. Пойдемте, посмотрим, что у Вас там интересного на месте.

– Да – да, конечно! Пойдемте! В лучшем виде! Давайте, знаете, как: я Вас задерживать не смогу, Вам скоро улетать, но может, Вы дадите мне несколько советов. Мы уж сами как –нибудь. Уж, знамо дело, хорошую идею ничем не испортишь, Вы идею дайте. Ну, может там, позванивать будем. А мы Вам сегодня карту постоянного клиента подарим с неограниченным счетом.

– Хм – м–м, работать за еду?

– Ну, два часа максимум сейчас побеседуем. И что – то по емейлу уточним. Два часа. – Проговорил мулат, и, кажется, покраснел. Он был наемным сотрудником, которому поставили задачу заполучить консультацию специалиста бесплатно, но полномочий не дали. – Карта на два лица. У нас еще гостиница с номерами «люкс». В любое время. На два лица... – Решился мулат на творчество. – «Ох, и попадет по шапке. Лишь бы идеи были хорошие».

– На два? Ладно, попробуем что –нибудь придумать. А кстати, почему решили белый костюм надеть?

– Да все мои знакомые одели. Говорят, за Россию. Я точно не знаю, но почему нет? Я за Россию. Ни к чему не обязывает. Типа вирусный маркетинг. Не знаю, кто придумал. Я не пойму что именно, но вот нам что – то такое тоже надо. Вирусное. – Сбивчиво говорил мулат.

– Понятно. Как Вас зовут, между прочим? Вы меня знаете, но я Вас

нет.

– Да, конечно, извините, забыл представиться: Герман Геращенко.

– Очень приятно.

Дорога до ресторана заняла семь минут, две из которых Геннадий и Герман шли до машины, минуту Герман расплачивался за парковку в Старом городе с мобильного телефона, две минуты непосредственно на дорогу и еще две минуты ушло, чтобы поставить авто на две сигнализации – электронную и механическую.

– Хоть город и Старый, но воруют машины обычно новые. – Похвастался Герман новенькой «Ауди А 8».

– Дизель? Воняет нестерпимо, как в газовой камере.

– Ветра нет просто. Дизель на самом деле удобнее, тяговитее. Ладно, пойдёмте. А у Вас какая машина?

– «Суперб», полный привод, три и шесть.

Приехали, прошли через дворик с небольшим садом, верандой, ослепительно белыми скатертями, две ступеньки, и оказались внутри. Геннадий успел обратить внимание на вывеску – «Капля в море».

Темный со свечами коридор. Встретила менеджер зала, приятная блондинка за тридцать, но по выразительной мимике и пластике не латышка, проводила в зал для важных персон. Пока шествовали – Герман шел бесшумно где – то позади – Геннадий успел осмотреться: «Да тут уже вип – зал, что может быть лучше».

Однако он остался впечатлен.

Геннадия кратко поведали историю заведения. Раньше, в советские времена, здесь было культовое место под названием «Капелька». Очередь за воротами выстраивалась каждый вечер, вход только по рекомендации или за «четвертной» знакомому швейцару, ломовые цены. При этом внутри и в летнем саду было свободно, просторно, уютно. Политика заведения себя оправдывала: внутри было много иностранцев, деловых людей – первых предпринимателей Советского Союза, популярных артистов, художников и элитной богемы.

Но не пойдут же известные люди через толпу зевак. Для этого было предусмотрено три черных входа в «Каплю» – со стороны набережной, через обычные жилые подъезды. Коммуналки были давно расселены: коридоры служили одним из элементов декора ресторана – темные, мрачные, дорогие, приятно пахнущие большими деньгами (что – то среднее между запахом кубинских сигар с кофе) и роскошью (смесь сандала, кипариса, артемизии, ванили и амбры), а комнаты – местами для уединения. Метродотели действовали так, как будто они в прошлой жизни

были добрыми привидениями: незаметно, тонко, учтиво.

Местечку с роскошной кухней удавалось блюсти баланс известности, культовости, эксклюзива и популярности. Еще один существенный плюс: кагэбешникам сюда был вход заказан. Зато каждый первый таксист в округе был из этого ведомства. В «Капельке» принималось много судьбоносных решений, в том числе и на международном уровне. Потом – развал СССР эхом отозвался на всем ресторанным бизнесе: рубка голов покровителей, битва за комнаты в доме, закрытие черных входов, наплыв «народа» и малиновых пиджаков, охрана подалась в коммерцию, шеф – повара застрелили, кто – то отравился. У заведения очень быстро упал рейтинг, и оно было выкуплено какой – то хорека – группой за бесценок. «Капля» превратилась в «Рыцарский дворик» и стало на несколько лет обычным стар – городским кафе с дорогими ценами. Сейчас хозяин и политика партии сменились, появилась потребность в мощном толчке квалифицированной пиаровской рукой со связями.

Геннадий оказался очень кстати в нужном месте и в нужное время. Под коньяк с вековой выдержкой шел нежнейший стейк под белым грибным соусом из трюфелей, черная икра стлалась на натуральное сливочное масло на хлебе из собственной пекарни, самогон («Косогоров», российский, прямые поставки), вино из Тосканы просто освежиться, живое пиво для лакировки, фирменные вареные раки, изысканные холодные закуски, спаржа (обожаю!), бодрящий лимончелло и мятная жвачка по – домашнему (первый раз Геннадий попробовал жевательную резинку, сделанную руками).

– Есть идеи. Сейчас я в номере отдохну в Вашем люксовском, обмозгую. Листочек оставлю на ресепшне.

«Пир духа, оргазм вкусовых сосочков, кайф – да еще карта постоянного гостя на двоих в лучших номерах, душа согрета!» – Геннадий блаженно заснул. Лучшие идеи приходили ему во сне.

Геннадий ясно помнил случаи, когда с ним или его коллегами за пиар расплачивались чашкой кофе, катанием на яхте или «майбахе», обещали проценты с будущих сделок (состоятельные, в общем, люди!), комплиментом в адрес красивых добрых глаз и прочими нематериальными активами. Смешно!

«Если и работать за еду, то только за такую. Плошка риска, понимаешь! Коллеги, просите больше!»

Из местных газет

«...Похоже, что акция «в белом – за Россию» началась как промо –

кампания ресторана «Капля в море», однако руководство ресторана опровергло эту информацию. – Что мы можем сделать для России? Мы – капля в море, но мы боремся, как можем!»

«...Балтийские олигархи облюбовали новое место – «Капля в море». – Мы с моими коллегами и есть капли в море, но мы тоже чего – то стоим! – ответил один из гостей, и перекинулся через борт в реку, чтобы расстаться с ужином больше, чем за десять тысяч долларов. Узнанный нами представитель компании ЛИЭП, его друг, назвавшийся Игорем, ситуацию не комментирует»

«...После того, как накануне русскому олигарху Роману Абрамовичу было отказано в покупке известного рижского ресторана, его яхта по пути в Англию пришвартовалась все – таки на Балтике. По настоянию его супруги Дарьи Жуковой встреча с представителями рижской богемы – дизайнерами, фотографами и художниками – прошла именно в ресторане «Капля в море», где она не преминула заказать свое любимое вишневое пиво с вареными раками».

Выдержка из сообщения российских средств массовой информации, за последние три месяца собравшая более миллиона перепечаток по всему миру

«Новым местом мусульманских паломников стала улица Старого города Риги, где была случайным образом обнаружена древняя реликвия. Сейчас ведутся переговоры об установке на этом месте мечети. Руководство ресторана «Капля в море», на месте которого предполагается возвести сооружение, обратилось в Страсбургский суд, опасаясь террористического взрыва по их адресу. По их словам, может повториться ситуация 11 сентября и спустя девять лет – установка рядом с местом трагедии мечети на официальных основаниях при поддержке Барака Обамы».

Международная пресса

[THE WALL STREET JOURNAL](#)

The Wall Street Journal: «Латвийский ресторан станет первым монобрендовым рестораном в мире, который выходит на IPO, чтобы развить собственную плантацию трюфелей...».

Die Tageszeitung: «Экс – канцлер Германии Герхард Шредер поддержал экс – президента Латвии Вайру – Вике Фрейберг, баллотирующейся на пост главы Европарламента. Пресс – конференция состоялась на родине Вайры в одном из ресторанов Старого города в Риге. Директор ресторана «Капля в море» передал почетным гостям по одному проценту акций...»

The New York Times

The New York Times: «Российский премьер и американский президент встретились за ужином в рижском ресторане «Капля в море», куда из Москвы Барак Обама потребовал доставить его к ужину после ланча с президентом России Дмитрием Медведевым...»

Le Monde

Le Monde: «Представители испанской короны выражают благодарность президенту республики Латвия, мэру города Риги и главе ресторана «Капля в море» за своевременное возвращение владельцу фамильной короны, оставленной после вечернего мероприятия на одном из столиков...» (отмечали победу Испании в чемпионате мира по футболу, корона закатилась за стойку бара, где ее и нашла уборщица – сто евро сверху)

The Japan Times

The Japan Times: «Карла Бруни – Саркози угостила ужином Сакине Мохаммади – Аштиани. Встреча прошла за закрытыми дверями ресторана «Капля в море», что находится на берегу Балтийского моря...» (с географией у японцев всегда было туго!)

Теперь можно и по домам.

Часть 4
Вершители судеб

Кубок конспира – логических теорий

Первый день без руководства, как и последующие три недели прошли в целом без эксцессов. Прибавилось только опозданий, поздних уходов и перерывов на курение с длинными разговорами про окружающий мир. Там, где директор занимается оперативным управлением, часто включается поговорка: «нет дыра – много пира».

Утро, конечно, было футбольное.

– А круто немцев в полуфинале с осьминогом Паулюсом развели, да?

Разговор в курилке с Фридрихом Ивановичем начал Михаил, Алина курила неподалеку, пока не встречаю.

Утром все телеканалы – и с комментариями, и без комментариев («Россия 24» и «Евроньюс» – кто у кого сплагатил идею, догадаться не трудно), – передавали, что обитатель немецкого аквариума заполз в аквариум с испанским флагом. И немцы, эти системные дисциплинированные немцы в точности выполнили указания морского гада родом из подопытного аквариума Браунау – на – Инне. Играли из рук вон плохо, и это не было похоже на аффективное состояние после победы над Диего Марадоной.

– Пауль пожрал наживку под испанским флагом. Пауль сделал свое дело, Пауль может уходить. – Продолжал спокойно начальник аналитического отдела «РосПиара» Фридрих Кэлов. Ему сегодня с его родины Франкфурта – на – Майне доложили, что осьминога уже маринуют в кефире с луковыми кольцами и киви.

– Вы что, думаете, что эта диверсия? Не верю, очень уж гладко сработано. «За два года ошибался один раз, бла – бла». По – моему, он вообще не ошибался.

– Ты, дружок, просто не знаешь, сколько не сработало. Точнее, не понадобилось.

– А что не понадобилось?

– Символический понос Ангелы Меркель, она бы ушла посередине матча – неуважение и знак. Понос начался до матча, и это отпиарили, как срочный вылет на заседание Бундестага. Не понадобился выход травмированного Михаэля Баллока. Его бы еще раз грамотно хряснули по лодыжке. Красная карточка, минус один игрок, но хребет бы у немцев был переломлен. И все такое.

– Ну а если бы испанцы не вышли в полуфинал?

– Тогда эту байду консервируют и переносят на Чемпионат Европы.
– Ну а вообще, Фридрих Иванович, почему испанцы так впряглись?
– Два условия. Национальный интерес испанских пиарщиков, искренний, с огоньком, «идеи на экспорт!», «на службу родине за ее пределами», сикрет интеллидгент сервис^[8] по – испански и все такое. И второе – поддержка сверху.

- «Администрация президента»?
- Международное букмекерское лобби.
- Это поддержка сбоку называется. Финансы.

«Говорят тебе, «сверху». Миром правят деньги, а не политики. Экономика – это концентрированная политика. Точнее теневая глобализированная экономика». – Не прекращал думать глава аналитики «РосПиара». Фридрих Иванович знал многое, о чем другие даже и думать не могли. По его теории, «из – за блокировки властных инстинктов в позвоночном запасном меридиане».

– Фридрих Иванович, а Вы не хотите быть официальным спикером нашего агентства? Тем более Вы член – корреспондент Академии Наук, – предложила молоденькая практикантка, прикурившая вторую сигарету от первой (я мол, нервничаю, сама не знаю почему, сигареты тонкие, дамские), и как бы случайно подслушавшая «разговор про футбол».

«Сейчас опять свою уголовщину погонит», – угадал более опытный собеседник Фридриха Ивановича. Михаил знал, что то ли Фридрих в советские времена сидел за фарцовку, то ли его родственник или друг. Но любимой меркой, любимым выражением, которое он мог применить хоть к эвенту, хоть к аналитике, хоть к медиатренингу было «не верь, не бойся, не проси». И ведь, казалось, логично, к месту!

– Душенька, если ты медиаперсона, значит, ты типа клоун. А понятие «клоун» зиждется на старинном понятии «педераст». По этим понятиям, если ты что – то делаешь на публику, значит, ты попой вертишь. Значит – педераст, соответственно. А любое упоминание в СМИ, любая твоя фотка там – это есть элемент вращения попой.

- Ой, что вы такое говорите, Фридрих Иванович.
- Иди, душенька лесом. Поживешь с мое, увидишь.

Однако не знал Фридрих, что осьминог был породистый. Его полное имя было в полном соответствии с его происхождением, определявшим и родину, и сущность. Пауль Мутабор Двести Четырнадцатый. «Мутабор» – в переводе с латинского языка «превращающийся, изменяющийся»: «Хочу, следуя традициям, хочу – не следую». Не дрессированная собачка, в конце концов.

И еще один примечательный разговор состоялся после обеда. Солировал опять Фридрих Иванович. Опять зажгёт! Опять всё понял! Опять всех раскусил!

В курилке опять трое. Михаил, Алина, Фридрих Иванович. Больше половины рабочего дня позади, какие – то дела забили голову так, что на сон хватит; обед, урча, вальяжно переваривается в желудке. Полистали любимые сайты, оглянулись по соседям, списались по аське, кто еще не потерял зажигалку – можно и покурить.

Закурили от зажигалки Алины. Она и начала разговор:

– Мне понравился креатив на Триумфальной площади. Красиво, смотрите – Тридцать первая статья конституции, и каждое тридцать первое число все собираются и протестуют. Здорово, да?

– Я бы на месте мэри, или президента – кто там может, – или парламента просто номер бы статьи переименовал. В какую –нибудь сорок девятую. Или пятьдесят восьмую! Надо этим либералам зарвавшимся показать кулак, придавить железной пятой, напомнить кое о чем. Ну, правда, задолбали – только против могут выступать. На деньги – то Америки тем более. – Михаила несло, хотя настроений ура – патриотизма и презрений к либералам, демократам и прочим российским политическим меньшинствам он за собой раньше не замечал. Он ценил исключительно креатив, пробивной креатив и право сильного. – Вот, в той же Америке. Слышали историю в Чикаго? Аль Капоне рассказывал в мемуарах. В семидесятых годах была там улица имени Билли Уиллиса, героя гражданской войны. Улица та еще – там понаоткрывалось куча борделей. Жители стали писать мэру, что происходит, уберите проституток с улицы с таким именем – это некрасиво, и всё такое. И что делает мэр? Он переименовывает улицу в «Пятую авеню». Вот и с Триумфальной что – то подобное можно изобразить.

– Не знала, вот это да. Интересно, это правда? – С интересом спросила Алина.

– Правда в том, что миром правит прибыль. Какая разница, откуда грести деньги, с улицы Билли Уиллиса или с Пятой Авеню? – Ответил Фридрих Иванович. – Но с Триумфальной комбинация получилась более элегантная.

– Только не говорите, Фридрих Иванович, что здесь опять замешаны деньги. Какие тут могут быть деньги? Площадь закрыли на ремонт по политическим мотивам, чтобы насолить «Несогласным» или кто там бастовал, лимоновцы?

– А ты не думал, дружок, почему твои несогласные бастовали именно

на Триумфальной площади? Так вот послушай. Потому, что там скоро будет подземная парковка и второй подземный «Охотный ряд». И строительство надо было начать по политическим мотивам, как в дымовой завесе. Ты думаешь, Ходорковского банкротили тоже по политическим мотивам?

– Ну да. – Михаил еще не успел догнать логическую цепочку, предложенную Фридрихом Ивановичем.

– Ну – ну. Какие еще политические мотивы? Политика – это не сконцентрированная экономика, как принято думать. Политика – это ширма для принятия экономических, точнее даже, бизнес – решений. Экономика – это бизнес конкретных лиц, точнее, групп, а национальная экономика тем более, а экономика города – и подавно. Надо же людям что – то на кухне обсуждать, а то так и будут тихо ненавидеть олигархию и бизнес. А так пусть хаят тупость несогласных, немогущих, нехотящих и прочих лузеров, таких же, как они сами, им подобных. Нацболы и прочие мячики – это марионетки. Им дают творить, печататься, петь, кормить семьи и пожилых родителей, а они – разыгрывают карты всяких «тридцать первых» чисел.

– Да уж, – подвела итог Алина. – Лучше сидеть и молчать, даже не созерцать – здоровее будешь.

Алина затушила сигарету. Михаил посмотрел на нее с удивлением: «Неожиданно».

Назавтра в контору возвращалось руководство.

Девушки такие девушки

Глубокая ночь, Геннадий разгребал какие – то деловые файлы: делать нечего. «Аська» была включена на домашнем компьютере. Одно время Геннадий думал, что дома – то он эти новомодные легкие мессенджеры вроде ICQ и скайпа никогда не установит. «Вот не могу представить – я что – то на моем компьютере делаю: в игру играю или порно – сайтами наслаждаюсь, первую любовь в одноклассниках к сексу склоняю – ну, мало ли! – а тут мне в аську кто – то долбится: «Привет! Как дела?» – «Да пошел ты в жопу» – ведь так не скажешь. А по сути ведь – вторжение в частную жизнь? налицо. И видно ведь, у человека статус «в дороге». Небось, стоит в пробке, делать нечего, пишет всем подряд. И нельзя не ответить – VIP – клиент или важный партнер.

Однако же Геннадий Петрович аську завел. И вот в ночи к нему заявила конкурент – генеральный директор пиар – агентства, волевая девушка, когда – то возглавлявшая крупную пресс – службу то ли в банке, то ли в нефти, то ли в газе. Преуспевала, следила за успехами Геннадия и не упускала случая его «подколоть».

– Привет, как бизнес?

– Хорошо.

– А ко мне тут твоя сотрудница на собеседование приходила.

– Какая именно?

– Пока сказать не могу. Спросила, почему она руководство о своем уходе в известность не поставила.

– Да мне пофиг. У меня все хорошо.

– Ну ладно, пока.

Геннадий хоть и был уставшим, мозги не варили, когда встаешь в шесть утра, и ложишься в два ночи, но, вспомнив летнюю лекцию про женские склоки, он все понял. У конкурентки был чисто женский коллектив, и своих склок, видимо не хватало. Еще бы полгода назад, до лекций Фридриха Ивановича, он бы забеспокоился, начал всех подозревать и, в конце концов, тронулся бы умом и перестал всем выплачивать премии. Он убедился в своей правоте, спросив как – то на одной конференции конкурентку, кто же к ней тогда приходил? Мол, можно говорить, я сменил уже весь женский состав. Конкурентка улыбнулась: «Не помню». Уже это «не помню!» Самая честная и самая грамотная отмазка от любого злодеяния. «Не помнишь, так включи мозги, сука! Или мне помочь?» – так

бы разгорелось пламя в голове Геннадия Петровича еще полгода назад. Сейчас же он был спокоен, как смиренный удав.

Политике нет

– Геннадий Петрович, а почему мы не занимаемся политикой? – Спросила как – то по дороге на работу Вера Марковна. Ранним утром ее «пробило» на новые бизнес – идеи.

– Политика? Я бы хотел заняться политикой, потому как она – сконцентрированная экономика, больше денег, больше влияния, больше ценность информации. Шутка ли – намекнешь, что национализируешь банки, и можно скупать акции российских финансовых институтов по дешевке.

«Нет, на таком уровне еще можно заняться – придумывать, кому что говорить, чтобы слово рублем или другой стабильной валютой отозвалось. Но в этом секторе все и так понимают, о чем и как надо говорить. Рассылать пресс – релизы тут бессмысленно – не тот уровень. Достаточно позаботиться, чтобы первые каналы отписались (они и так подконтрольные), плюс основные деловые (всякие эр – бэ – ки, коммерсанты, ведомости – за эксклюзив горло перегрызут), плюс международные (раша тудэй, евроньюз – тоже всегда стойка «дай конфетку» на президента – премьера – правительство)», – размышлял Геннадий. Он предполагал, что возможно, его к таким заказам скоро подпустят, но только как пиар – прокладку, информацию распространять. Если есть, кого нанять, и есть, на что нанять, то почему нет? Вспомнил шутку про советского профессора: «Срать – это умственный труд или физический? Был бы физический – я бы нанял». Вот будем за других в ноосферу срать. Течение утренних мыслей, если едешь без пробок, непредсказуемо. Что ж, посмотрим, всякий новый опыт в профессии всецело полезен.

– В принципе, да. Я согласна. Помнишь лекции? Нам и говорили, что все первые лица – дурилки картонные, говорящие головы, «профессиональные гости», блин. Уж когда выборы были, еще можно было в чем – то где – то как – то себя проявить, потягаться там, с Минтусовым, с Кошмаровым. А сейчас? Хотя, я читала интервью политтехнолога известного, он говорит, что и сейчас работы хватает. – Размышляла, но вслух, Вера Марковна. Продолжила про себя:

«Когда на сцене, то есть политической арене, творится балаган, лучше его даже не смотреть, не то, чтобы режиссировать. Да и режиссировать этих кукол, в общем, неинтересно. Составление черных списков – кому

можно, а кому нельзя – занятие не особо пыльное. Но никакого творчества! Хорошо, что мы политикой не занимаемся».

Сегодня Геннадий решил посвятить день литературе. Своей литературе.

6. Застолье.

Ближе к вечеру меня позвали на один из участков, где прямо на улице начиналось какое – то застолье. Сначала я отнекивался, но, увидев за столом бабу Раю, решил, что это хороший повод снова поговорить о Мужике.

– Здравствуйте еще раз, я сегодня весь день до Вас достучаться пытался, – подсаживаясь к ней, сказал я.

– Ой, родненький, я коров стерегла. Намучилась сегодня с ними, сил нет! – она протянула мне стакан с мутной жидкостью.

– Я вот, что еще о Мужике узнать хотел...

– Родненький, давай сейчас об этом не будем. Смотри, тут вся деревня собралась, – она обвела рукой стол, – сиди, знакомься.

Вдруг я вспомнил о странном парне, которого повстречал у покореженных ворот и обратил внимание, что его нет среди собравшихся.

– Этот? А он не коренной.

7. А был ли итог?

Изрядно подвыпив, я завел знакомство с человеком, который представился мне местным художником. Разумеется, он тоже отказался говорить о Маленьком Мужике, однако он не отрицал того, что прекрасно знает, как тот выглядит.

– Я тут кое – какие записи делаю. Сможешь мне там гнома этого нарисовать? – спросил я, заглядывая в сумку.

Художник дал утвердительный ответ, но, к своему удивлению, я не обнаружил в сумке ни тетради, ни даже ручки. На секунду мне показалось, что мои записи догорают в костре, который развели местные. Мы условились, что рисунок Мужика художник сделает в другой день, кроме того, он предложил мне переночевать под его крышей.

8. Вторая ночь.

Я проснулся среди ночи, мучаясь от жажды. К счастью, прямо возле моей кровати заботливый хозяин дома оставил ведро с колодезной водой, а рядом железную кружку. Промочив горло, я уже хотел было снова продолжить сон, как вдруг услышал где – то у входной двери топот

маленьких ножек, а затем какую – то возню.

Я вскочил с кровати и выбежал в сени, но никого там не обнаружил. Художник и вовсе не проснулся. Этот эпизод мог взволновать меня куда сильнее, если бы я был в несколько другом состоянии, однако, я не придавал этому особого значения и, вернувшись в комнату, снова завалился в кровать. За секунду до погружения в сон, мне показалось, что топот возобновился.

9. Утренний инцидент.

Меня еще ни разу не будили настолько бесцеремонно и неприятно. Сначала меня окатили холодной водой (видимо, из того же ведра, что стояло рядом), затем стащили с меня одеяло, после чего вообще сбросили с кровати на пол. Я напоролся на что – то острое на полу и довольно сильно рассек себе щеку. Удивительно, что я не наступил на это ночью. Резкая боль мгновенно привела меня в чувства. Я обернулся и увидел длинноволосого парня с палкой в руках, который склонился надо мной. «Я же сказал, чтобы ты не засматривался! Я же твой единственный друг!» – проревел он, но тут же был оглушен пришедшим на звуки борьбы художником.

Детская ПРоблематика

Утренний звонок разбудил Геннадия: «К Вам можно обратиться за контрпиаром? Это детский дом». Голос на том конце провода звучал сбивчиво. Звонили напрямую ему, значит, в офисе дали телефон, потому что не могут решить, что с таким клиентом делать. Геннадий интуитивно понимал, с кем можно иметь дело, а с кем бесполезно. Может, это и не было интуицией, а рефлексом заработать на каждом обращении, не потерять звонок – чтобы человек созрел до обращения именно в пиар – агентство, нужна была серьезная пропагандистская работа, которая не прекращалась Геннадием каждый день. И плоды надо было пожинать – иначе, смысл тогда рассказывать о Всесильной Силе Пиара? Он хорошо помнил случай, когда также по мобильному, в выходной день, попросил от потенциального клиента справку.

– Какую справку? – Удивился молодой голос, желавший переплыть на весельной лодке Индийский океан и хотевший найти спонсоров через пиар – агентство.

У Геннадия хватило ума ответить «не медицинскую, конечно же», хотя он, кажется, имел в виду именно ее.

– Про Вас, кто Вы и что Вы, чем занимаетесь, опыт, что по этой теме уже сами наработали.

В итоге заказ состоялся, человек уплыл в прямом смысле – через свой Индийский океан. Что же ждало Геннадия на этот раз, что скрывалось за словами «контрпиар детского дома»? Эту загадку и хотел для начала решить глава «РосПиара», а там посмотрим. Геннадий Петрович любил детей, и это было взаимно.

– Давайте встретимся. Вас как зовут?

– Галина.

Умылся, позавтракал на скорую руку, почитал новости Яндекса – первые заголовки: «Ничего интересного. Точку в заголовке пропустили, грамотеи, даже модерировать разучились». Постоял в пробке, поглазел на привлекательную девушку, продающую карты Москвы, российские флаги и зарядки для мобильных перед светофором, и – приехал. «Шоколадница» – отличные завтраки, и процент красивых официанток с восточной внешностью рос с каждым месяцем. «Надеюсь, они их на кухню не подпустят?» – в России Геннадий Петрович предпочитал пищу, приготовленную руками же его соотечественников. Никакого шовинизма,

просто он в загранице, вдалеке от дома, за собой следил менее тщательно, а всех судил по себе – была у него такая привычка: «Я – человек, а человек – есть мера всех вещей», вроде Протагор.

Встретились уже через два с половиной часа.

– Меня зовут Галина. У нас в Новгородской области, недалеко от Боровичей, открылся детский дом. Но это они так называют, детский дом. Хотят, чтобы их все такими знали. А на самом деле – это секта. Там живут дети не только сироты, но и из окрестных деревень – Любитово, Захарьино, Кемцы, да много. Детей кормят, поят, учат. Но они становятся злые какие – то что ли.

– Так, Галина, спокойно. Боровичи – это где? И Вы еще о контрпиаре говорили, Вы что в этом разбираетесь? – Геннадий размешал мед в овсяной каше. Собеседница закурила, отхлебнула кофе.

– Это Великий Новгород, недалеко от Ленинграда, рядом Бологое. Боровичи – это уже Новгородская область, а дело происходит рядом с Любитово, в лесу. Там раньше школа была, она сгорела, ее восстановили, и вот там. Любитово – это Тверская область.

В пиаре и контрпиаре я не особо разбираюсь. У меня соседка в Твери чем – то таким занимается, на городскую администрацию работала. Вот и каждый вечер я из – за стены слушала: пиар, контрпиар, информационное противодействие...

– А к Вам это информационное противодействие какое отношение имеет? И вообще, Вы сами кто, какая у Вас заинтересованность? – Геннадий еще не понимал, как можно деревенской жительнице, немолодой, в общем – то, даме, лезть не в свое дело, кидаться словами «контрпиар», «пиар», заботиться там о каких – то детях малознакомых.

– Понимаете, Геннадий, я там отдыхала у родных. Два месяца жила. И эти дети меня сначала насторожили: ходят строем, не разговаривают, все лысые. Лица у половины запуганные, у половины – холодные, неживые. Я заинтересовалась, ну что ж такое? Пошла посмотреть поближе: а там как пионерский лагерь, только еще хуже.

Женщина курила маленькими затяжками, что несвойственно курильщику с опытом. Нервничала, изредка отхлебывала кофе. «Как можно насытиться такой стандартной порцией эспрессо? Такой маленький объем», – в очередной раз Геннадий пытался понять кофемана. «Кофе и сигареты...Странное сочетание, даже начинать пробовать не хочется. А фильм я такой давно собираюсь посмотреть», – утренние мысли еще блуждали в голове директора «РосПиара».

– Сначала я посоветовалась со своей соседкой, объяснила, рассказала.

Она отмахнулась, говорит, мало что ли мне своих проблем? Ну, ее – то я понимаю, она сейчас не удел, администрацию не отстояла, мэра посадили в тюрьму. Но не важно. Главное, она мне объяснила, что если кто – то кого – то строит – это, говорит, «все, пиар». А чтобы построенное разрушить, нужен, следовательно, контрпиар. Нет, я, конечно, не хочу там ничего разрушать, но мне кажется, что – то нехорошее они там затеяли. Меня мой муж, он чиновник в областной администрации, поддержал. Мы готовы разобраться, в чем там дело, и за это заплатить. Считайте, что это частный заказ.

Геннадий только сейчас обратил внимание на небедный вид собеседницы. Хоть ее лицо и было посыпано старческой гречкой, но имелся приятный ненавязчивый макияж, хорошее мелирование и неброская, но, по всей видимости, дорогая одежда – однотонный джемпер, элегантный плащ, телефон – кирпичик «нокиа – сапфир». Неброско, но стильно. «Возраст, конечно, так бы я предложил по Москве экскурсию. Хотя, муж – чиновник, да ну...» – Геннадий, наконец, оценил Галину по одежке. По уму вроде тоже быстро схватывает. Частных заказов фирма Геннадия давно не принимала. Не детективное агентство, чай. «Однако же, почему в пиар – агентство она обратилась? Почему именно в наше?» – Геннадий озвучил свои мысли секундой спустя, оценивающий взгляд с места, где должно было быть декольте, – безуспешно.

– Мне Вас порекомендовали друзья мужа. Я с ними тоже делилась мыслями.

– А кто именно?

– Серьезные люди, бизнесмены, Вы с ними работали, как я поняла...

«Ни с кем я в Твери не работал»... – Москвичи сами?

– Да, из Москвы. Не важно. Это не важно, правда. Но они о Вас очень хорошо отзывались.

«Еще бы», – Геннадий, впрочем, еще и в этом направлении работать детективом не хотел, лень.

– Какой Вы хотите получить результат от меня, от моей компании?

– Я хочу, чтобы вы разобрались, что там происходит. И если там происходит зло – не буду пояснять, уверена, мы с Вами подразумеваем под этим словом одно и то же – устранить. Но устранить несилowymi методами. То есть, не взорвать все там, а придать огласке. Срок возьмем два месяца максимум. Триста тысяч рублей.

– Понял. Беру тайм – аут до вечера.

– А это Вам, – Галина протянула конверт. – За встречу, за консультацию. Я знаю, что это, в общем, принято.

Отказываться Геннадий Петрович не стал – это была как примета: деньги сами в руки пришли – отказываться нельзя. Деньги, как женщины: откажешь – долго сами не придут. Геннадий помнил, как в юности четыре раза дал поворот, в общем – то, красивым девушкам, которые предлагали сами пойти на близкий контакт. Отказал, и больше десять лет никто не предлагал от души. Гордость – в задницу!

Теперь Геннадию предстояло решить дилемму – зачем ему лично и его фирме в общем – детский дом? Интересное, конечно, задание, но денег совсем мало предлагают. Чуть ли не бесплатно. И Геннадий придумал – после выполнения заказа решил создать свой детский клуб, детский тренировочный (личное развитие и рост тренировать) лагерь или детскую практику в пиар – агентстве (детские товары и т. п.). Дети – перспективная штука, динамичное направление, надо в него включаться, беби – бум, молодая энергетика, забота о качестве генофонда.

Геннадий пересчитал сумму в конверте (пять тысяч сотенными купюрами – и нормально за час, и смотрится зримо), хотя внутренне уже заранее согласился на задание. Набрал номер, когда подъезжал к офису.

– Окей, Галина. Мы беремся, давайте съездим на место.

Две рекомендации в одну воронку не попадают?

Утро в офисе шло своим чередом: кто – то доделывал макияж, кто – то заваривал сразу две чашки кофе, а кто – то уже звонил по двум телефонам сразу.

Геннадий провел планерку с ключевыми сотрудниками. Присутствовали Михаил, Вера Марковна, Игорь и бухгалтерия.

– Бухгалтерии у меня поручение – всем дозвониться, напомнить про оплату счетов. Директору по клиентам (Вера Марковна) – всех поздравлять с персональными праздниками не только фирменной символикой, но и алкоголем. У нас три ящика «Рижского бальзама» и два «Старого Таллина» – надо куда – то девать. Коммерческому директору (Михаил) – внедрить систему отчетности по аутлуку и увеличить в клиентском портфеле долю заказов от постоянных клиентов минимум на двадцать пять процентов – активнее предлагайте новые услуги, пресс – конференции, пиар в социальных сетях и все такое. Директору по спецпроектам (Игорь) – что – то придумать на Новый год, чтобы в январе без работы не сидеть; направление какое –нибудь вроде «пост – новогодняя пиар – поддержка маркетинговой активности» открыть, сам, в общем, подумай. Так, вопросы?

В дверь просунулась очаровательная головка секретаря Алины:

– Геннадий Петрович, Вас к телефону. Говорят срочно.

– Кто?

– Новый клиент. Говорит, сегодня хочет подписать договор.

«Поперло, не зря ж таки я утром от денег не отказался». – Спасибо. Все свободны. Вопросов, как я понимаю, нет?

– Алло. Вас слушают. – Геннадий взял трубку.

– Меня зовут Вениамин. Я представляю детский дом. Нам нужен внешний и немножко внутренний пиар. Паблицити на область и своя газета. Мы можем встретиться сегодня? Готов приехать к Вам. – Голос на том конце линии был четок, уверен, сух, как будто говорил заученные фразы.

– Это что, тендер? Мы в тендерах коммерческих организаций не участвуем.

– Нет, я к Вам по рекомендации. К тому же мы не совсем коммерческая организация. У нас детский дом.

– Вы сказали, на область. Вы в какой области находитесь?

– Я сейчас в Москве, говорю же, готов приехать. А детский дом у нас в

Тверской области.

«Интересное совпадение, – подумал Геннадий Петрович. Неделя начиналась не только прибыльно, но и интересно. – Что же – пусть приезжает».

– После обеда буду Вас ждать. Часа в три дня. Адрес – на сайте. Снизу позвоните, Вас встретят.

– Спасибо, до встречи.

Часы до обеда пролетели очень быстро. Геннадий успел просмотреть отчеты за прошлую неделю, клиентские публикации, ответил на все новые письма не только в корпоративной почте, но и в социальных сетях, «интернете для ленивых». Геннадий пахал для всех, и для ленивых, и не для ленивых. Пообедать, как водится, в понедельник не успел. Уже приехал Вениамин.

– Геннадий Петрович, нам нужно влияние в окрестных территориях. Мы хотим, чтобы о нас думали только хорошо. Нам не нужен информационный взрыв и ситуация, чтобы «о нас говорили все».

«Отлично, а то я подумал, что Вы, Вениамин, полный идиот», – подумал Геннадий, когда услышал фразу «думали хорошо». Каждый второй заказ в пиар – агентстве начинался именно с таких слов. И обычно, ничем хорошим не заканчивался, если жаждущего славы не удавалось остудить в первые минуты диалога: «Взрыва не будет». «К вам на пресс – конференцию никто не придет». «Вы (мудаки такие, сволочи поганые, растратчики чужого и своего времени! – подразумевается) никому никогда не будете интересны (если не будете сотрудничать с нашим пиар – агентством!), – говорят особо раздосадованные и обиженные директора по клиентам, из таких проектов хороших обычно не получается. Обычно, откровенность подкупает, и вменяемый потенциальный клиент начинает формулировать реальные задачи. «А невменяемые клиенты агентству не нужны, даже с большими деньгами», – Геннадий выстрадал для себя этот принцип почти одновременно с тем, когда пришел к выводу о том, что неадекватные люди обычно не богаты. – «Сальвадор Дали не считается».

– Расскажите, пожалуйста, Вениамин, об объекте? Над чем Вы хотите, чтобы мы поработали?

Вениамин был небольшого роста, в костюме, пиджак застегнут на все пуговицы. Какой – то он был молодой, но старомодный. Печать старости уже наложила свой пока невидимый отпечаток. Еще не человек в футляре, но человек во гробе, связанный по рукам и ногам наймит. Под строгим и обширным начальством любой загнется и постареет.

– Да, конечно. Мы – новый детский дом. Находимся на границе

Новгородской области, недалеко от Бологого. Мы Вам устроим экскурсию. Нас финансирует один тверской меценат, он Вас, кстати, и порекомендовал. Мы открылись совсем недавно, месяц назад прошел первый набор учеников. Мы даем им образование. Но дело началось раньше, чем его пиар. Мы считаем это ошибкой. На наших учеников уже косо смотрят местные жители – мы им ничего не объяснили, и им приходится недоумевать. Кто – то возражает, да. Есть сумасшедшие – милицию собираются вызвать. С властями и милицией, мы, разумеется, договорились, как же иначе. А вот с местными жителями не поработали. В общем, задача – объяснить близлежащему местному населению и журналистам местных и областных изданий, если они тоже сунут к нам, простите, свой нос.

– А чем вы на самом деле занимаетесь? – Уточнил Геннадий. Потому как из слов «даем образование» и «не совать нос» было противоречие, а точнее нормальное желание нечистоплотного дельца скрывать истинные мотивы своего начинания. Но больше всего Геннадия Петровича интересовал тот загадочный меценат, который рекомендовал один и тот же объект для одного и того же пиар – агентства. Возможно, и даже, скорее всего, рекомендателей было двое, но родина у них одна – Тверь. В том, что объект один и тот же – некий бологовский или как его там, хотеловский или любитовский – Геннадий еще не запомнил – детский дом, он уже не сомневался. «Интересненько получается. Надо чутка отвлечься», – тем более что Вениамин поставил себя на паузу, и затрещал как кассетный видеомэгнитофон, стал наливаясь розовым цветом. «Видимо, не готов, к прямому разговору или просто ничего не решает. Обычно, собственники и хозяева к таким вопросам всегда готовы и даже ждут их. Ладно, тем интереснее будет послушать версию».

– Чаю не хотите, кофе, воды? – Спросил Геннадий, стараясь не замечать волнения собеседника.

– Если можно, чаю.

– Черный, зеленый?

– Зеленый.

– С сахаром, без? – Продолжал попытки разговорить собеседника Геннадий.

– С сахаром.

«Для понта зеленый заказал. Кто же зеленый чай с сахаром пьет?» – подумал Геннадий. Он не был поклонником зеленого чая, если это был не матэ, который зеленым чаем можно было назвать с большой натяжкой, но эффект тот же – бодрящий, однако о ритуалах был осведомлен. В Москве

продолжалась эпидемия здорового образа жизни: йога, зеленый чай, фэн – шуй. Эпидемия разгоралась с понедельника по четверг, но в пятницу наступал привычный городской разврат.

Геннадий вышел из переговорной, крикнул секретарю сделать чай, приготовить поднос и легкую закуску, да побыстрее, а сам, тем временем, вернулся на свое рабочее место и нажал кнопку «Получить почту». Ничего нового, только спам от каких – то семинаристов (организаторов семинара) и новые письма счастья уже не нигерийского, а тоголезского происхождения. «И как он мою почту узнал? Вроде давно уже нигде не свечу», – вопрошал Геннадий экрану компьютера, с которого глядел с копии паспорта некий Henry Gambo, улыбчивый негр с мясистыми чертами лица. – «Фак ю бич», – так и подмывало ляпнуть, в общем – то, культурного по рабочим дням Геннадия Петровича в окружении коллег.

Возвращаясь к переговорной, Геннадий заметил, что Вениамин заканчивает разговор по мобильному: кивнул два раза, даже привстал, когда закрывал крышку телефона – раскладушки. «Видимо, с начальством разговаривал», – подумал Геннадий Петрович. Вениамин посмотрел на телефон еще секунды две – «Смотрит, сколько секунд он успел потратить на своего босса в роуминге», – затем поспешно убрал телефон, озирился – никого, никто не видел.

Геннадий вошел с подносом, где был зеленый чай для гостя, черный – с молоком для себя и печенья. Голова опущена, ногой открываем дверь: «Я ничего не видел, Вениамин, не беспокойтесь», – подумал.

– На чем мы остановились? Пожалуйста, Ваш чай, сахар. – «Хорошо, что на выбор белый в кусочках или песок, или же тростниковый сахар. А то бы он меня точно заподозрил», – промелькнула у Геннадия. Он уже все решил с этим Вениамином.

– Геннадий, Вы спросили, чем мы занимаемся. К сожалению, я Вам сейчас рассказать этого не могу. – «Не дали санкции, понятно», – подумал Геннадий. – В общем, образовательные услуги для детей сирот и беспризорников. Также к нам просто из неблагополучных семей сами приходят, кого – то сами приглашаем. «Кого, интересно, и какими методами, они «сами приглашают»?» – У Геннадия росло отвращение к этому непонятному человеку. Костюм, волнистые прилизанные волосы, пиджак на все пуговицы, галстук. «Кукла какая – то!»

– Мы не будем работать с вами. – Отрубил Геннадий. Хватит рассусоливаний, время на «подумать до конца недели» (не клиенту, а агентству), каких – то бессмысленных расспросов. «Решение принято, и время дорого», – Геннадий стал немного решительней, как он отметил для

себя после той рижской командировки. Отказывать клиенту было приятно, как оказалось. Хотя клиент уже начал вытаскивать свой экземпляр договора, где в пункте «Оплата» Геннадий успел увидеть цифру с шестью нулями.

– А почему, простите? Я думал, по рекомендациям не отказывают?

«Сфабрикованная рекомендация, – пронзило Геннадия. – Даже не знаю, что меня подкупило – наличные деньги, то, что первое обращение было от женщины, а второе – от мужчины, точнее, от этого лоха». Геннадий Петрович старался анализировать каждое свое действие, даже если оно казалось безусловно логичным. Все причины поступков крылись в подсознании, Геннадий хотел с ним познакомиться поближе, о подчинении пока речи не шло.

– Потому. Что. Точка. Вы допивайте чай, Вас проводят.

Тайное вращение

Михаил сидел и думал, что происходит? Вот у них есть постоянные клиенты, есть государственные контракты. В общем, стабильно. А как же живет российский PR – рынок? Все бьются за копеечные заказы вроде таких, как: организовать пресс – тур (350 000 рублей), провести пресс – конференцию (250 000 рублей), устроить пресс – ланч (150 000 рублей), абонентское PR – обслуживание (140 000 рублей), создать внешнюю пресс – службу (100 000 рублей). Это еще ладно, продержаться в Москве недолго можно – аренда и офисный Интернет с мобильной связью, плюс налоги деньги, в конце концов, сожрут. Однако ведь были люди, которые бились за заказы в 70 000 рублей (противодействие черному пиару на форумах), 50 000 рублей (мониторинг информационного пространства) и 30 000 рублей (ведение корпоративного блога). Как они живут? Как они работают? На каком уровне оказывают услуги?

Это было одной маленькой дворовой песочницей, в которую, к тому же, песок год назад завозили.

В другой песочнице обсуждали эту песочницу акулы пера под прикрытием – журналисты отраслевых СМИ о «связях с общественностью». Что – то пишут, что – то издают, что – то комментируют, куда – то ввязываться. О чем там можно говорить? Ну о чем, когда предмета рынка нет, да и самого рынка нет – один миллиард долларов в год, это не рынок. Учитывая, что девяносто процентов оборота делают пять агентств... А всего на «рынке» – больше ста агентств.

В третьей песочнице раздавали награды тем, кто из первой песочницы – они что – то зарабатывали хоть. Но иногда доставалось и второй песочнице.

А между тем, перед глазами Михаила ежедневно проходили тендеры по классу «связи с общественностью», объем и десять, и двадцать, и пятьдесят миллионов. И кто их выигрывал, не совсем понятно.

Тайный ход светил бизнеса, тайное вращение денег – не были видны. Паблисити им не нужно.

«Уж если и захочу я стать миллиардером, то точно не пиаром буду зарабатывать, – размышлял Михаил. – Чтобы было много денег, надо и заниматься деньгами, финансами. Да хоть, обменный пункт валюты! Сиди, работай»

А тендеры тем временем шли, и суммы в них указывались немалые, и

это только один летний месяц, традиционно по всем отраслям считавшийся мертвым сезоном:

Росатом – тендер на оказание консультационных услуг по проектам «Бизнес – процесс «Управление имуществом комплексом»» и «Бизнес – процесс «Административное управление»». Суммарный бюджет исследований – 30,5 млн. рублей.

Минэнерго – тендер на выполнение научно – исследовательской работы по теме: «Разработка предложений по техническому и информационно – аналитическому обеспечению мероприятий по реструктуризации угольной промышленности». Стартовая цена – 10,225 млн. рублей.

Управление по курортному делу и туризму Сочи – тендер на оказание услуг по организации и комплексному обслуживанию информационной кампании по продвижению санаторно – курортных возможностей города. Стартовая цена закупки – 25,25 млн. рублей.

РОСНАНО проводит запрос предложений на право заключения договора на выполнение репутационного аудита ГК «РоснаноТех» в рамках формирования системы репутационного менеджмента корпорации. Сумма не разглашается.

Минпромторг РФ – открытый конкурс на выполнение НИР «Комплексное исследование глобальных концепций совершенствования информационно – коммуникационных технологий и инновационного развития городской среды как стратегического фактора модернизации промышленности и торговли в России». Стартовая стоимость работы – 25 млн. рублей.

Чем – то холодным, научным, как бы и не денежным ветром веяло от них. Как от сталинских высоток в Москве, которые, с одной стороны, «бедненько, но чистенько», а с другой, не только в них миллионы вкачаны, но и жизни людей, и судьбы. И вход на крышу доступен туда не всем: нет, можно, конечно, один раз пролезть, на второй раз тебя запомнят и не пустят. Это в лучшем случае. В худшем – обанкротят или пристрелят. Самое худшее – возьмут в оборот и сделают говорящей головой какого –нибудь холдинга, где ты просуществуешь, пока когнитивный диссонанс нутро не разест: на камеры и в микрофоны улыбайся, но за яйца тебя держать будут крепко.

«Хорошо, что мы известны. Хорошо, что у нас есть крупные заказчики и надежные государственные проекты, стабильные. Хорошо, что у нас есть видение. Хорошо, что у нас есть мудрый Геннадий Петрович. Тьфу, какая гадость, что я бубню?» – Михаил решил встать, потянуться, попить

артезианской воды, заварить кофе, покурить и вернуться тем же путем: выпить заваренный кофе, запить артезианской водой, потянуться и плюхнуться за компьютер.

Честолюбивый Михаил размышлял в эти периоды офисного отдыха, правда ли, что богатые люди – действительно богаты сами по себе и свободны в распоряжении своим богатством? То есть, вот он видит Олега Дерипаску, обладателя миллиардов в евро или Романа Абрамовича – богатейшие люди планеты, но все их черты лица, да хоть по теории того же Ломброзо, да и невооруженным взглядом видно, – говорят об их умственной отсталости максимум и неудовлетворенности жизни как минимум. И в тоже время вот, Геннадий Петрович тоже, наверное, небедный человек, или его частные клиенты – тем более, счастливые люди! «Надо учиться не газеты читать между строк, а лица, – заключил Михаил. – Меньше будет поводов для зависти и расстройств. Хотя, мне – то чего жаловаться?»

К дымящему в специальной курительной комнате Михаилу присоединилась новая секретарь, стажер из МГУ. «Вот это фирма, я понимаю. Даже стажеры, и те – имени Ломоносова!», – подумал Михаил, но имени новой девочки вспомнить не мог.

– Привет!

– Привет.

– Можно у Вас прикурить?

– Пожалуйста. – Михаил протянул зажигалку. Не поднес готовый зажженный огонь: «Чем меньше женщину мы любим...» Девочка, на вид годов двадцать один, ему нравилась. Он тут же понадеялся на взаимность.

– Спасибо, Михаил. К сожалению, не знаю Вашего отчества? Говорят, Вы опять будете заместителем директора на один месяц?

Секретари как обычно во все времена всё узнавали первыми.

– Откуда ты знаешь? Можно на «ты», без отчества.

– Нет, я все – таки на «вы», я так сразу не могу. – «Так сразу она не может. А что тут «сразу»? – недоумевал в очередной раз Михаил. – Я что – то не то предлагаю?»

Геннадий Петрович с Верой Марковной и Игорем снова убывают на какое – то специальное задание, в командировку. Не знаю, куда именно, но, по – моему, это в России. Откуда знаю? Моя профессиональная обязанность. – Горделиво сказала девочка.

«Ишь ты, профессиональная. Не поверю, чтобы такая умница стала профессиональным секретарем», – подумал Михаил.

Михаил затыкнулся. Не ответил.

– А можно я Вашим помощником стану?

– Посмотрим. – «Сработало», – улыбнулся сознанием Михаил. – Тебя как зовут? – Спросил Михаил, и понял, что тут же сдал завоеванные позиции. Надо, чтобы она сама представилась. Блин, поздно. Ладно, с опытом придет. Надо будет с ней задержаться сегодня после работы. Попробовать.

– Алена.... – начала девочка, хотела еще что – то спросить, но обернулась на открывающуюся вовнутрь дверь.

– Друзья. На совещание. Похоже, нас опять на месяц – другой покидают. – В курилку заглянул Фридрих Иванович.

– Сейчас идем.

– Быстрее, Михаил. Тебя, похоже, опять в виде зама оставляют.

Подходя порознь с Аленой к переговорной комнате, Михаил размышлял: «Надоели мне эти игры с манипуляциями. Почему все пиарщики считают своим долгом научиться втискиваться в доверие с помощью эн – эл – пэ? Вот и эта, Але – Аленка, тоже – сигарету ей дай. Также держит, с такой же интонацией спрашивает. И свободной рукой также зеркалит. Хорошо, что я тоже через эту школу прошел. Видимо, все для этих целей и проходят, чтобы новичкам, последующим поколениям, не попадаться. По – моему, манипуляции – последнее прибежище пиарщика. Открыто надо действовать, не лебезить, не стесняться, отвечать за поступки и слова. Как бы это назвать? Активная позиция, активная личность. Актуализированная личность? Как там вчера Вера Марковна в курительной комнате рассказывала. Забыл, надо переспросить».

Влияние идей, привезенных троицей из прибалтийских лекций каким – то образом уже начало просачиваться в мозги сотрудникам. Это явно была не телепатия, где – то оборонили слово, и оно проросло идеей.

И снова в дорогу

Переговорная и совещательная комната вновь превратилась в командировочно – прощальную.

– Нам нужно на месяц убыть в Тверскую область, это недалеко, но насчет роуминга я не гарантирую. Попробуем раз в день точно на связь выходить. Есть пожелания, напутствия?

– Павла Астахова с собой взять не хотите? – Загадочно, но деловито, с идеей, с блеском в глазах, с инициативой вступила Алена.

– Звонили, он ответил, что ему еще три книги надо дописать. Не успеет в срок, если с нами решит выдвинуться. «Деревня, – говорит, – там все затягивается и к одному сводится, а я в завязке». Кстати, он попросил Вас, Геннадий, посоветовать ему хорошего иллюстратора для его книг. Есть такие? – Ответил Михаил.

– Да в Интернете поищите. Я – то Вам что, справочное бюро?

– Понятно, извините, Геннадий Петрович.

– Хотя, нет, стойте! – Геннадий обернулся на пороге. – Вера, помнишь, мы же с тобой что – то недавно рисовали. Для какой – то книги «СуперЧеловек», «СуперЛичность», или «СуперМэн», уже забыл. Еще нас этот, один начинающий автор попросил, тоже фамилию забыл, на «эм» как – то. Откуда – то узнал ведь, что я единственный из пиар – братьии художественную школу заканчивал. Всем предложил рецензии написать, а нам с Верой Марковной рисунки сделать.

– Если честно, надо было больше времени дать, со второго раза лучше бы получилось. – Сказала извинительно Вера Марковна.

– Вот и будет второй раз – для Астахова. Надо всегда на чистовик делать. Все равно через год наши творения будут больших денег стоить.

– Надеюсь. – Пожала плечами Вера Марковна. – Алена, пришли тексты и техническое задание мне на мейл, вечером посмотрим – что –нибудь придумаем. Да, денег не бери с него, только скажи, чтобы нас обязательно авторами художественного оформления не забыл подписать. Окей?

– Хорошо, Вера Марковна.

До места добрались хорошо. На качество дорог после Бологого внимание уже обращать перестали.

Когда до места оставалось километров двадцать, перестало ловить радио. Пятью километрами ранее отключилась сотовая связь.

В самом Любитове искать ночлег не хотелось – не живи там, где работаешь, и наоборот. Пришлось ехать в самую дальнюю на этой дороге деревню, Захарьино, в четырех километрах от Любитова. Через поле, ночью, да при восходящем свете луны... «Ужасы начинаются», – подумали одну и ту же мысль разными голосами Геннадий и Вера.

– ...Ту – дум. В Москве – полночь. Передаем экстренный выпуск новостей... – Радио на секунду заговорило, но моментально наступившее шипение не дало договорить.

«Либо военные, либо инопланетяне», – для Геннадия и те, и другие были загадочными созданиями.

Искать ночлег ночью, в деревне, после полуночи – мягко говоря, экстремально. Решили пойти наугад. В двух домах не открыли. В третьем – залаяла грозная псина: «Нас здесь не ждут. И это нормально», – Вера Марковна отговорила Геннадия Петровича продолжать попытки именно здесь, хотя засовы в сенях стали поворачиваться и слышалась мягкая гулкая, обутая в валенки, поступь. «Давай уйдем. Не хочу днём от собак бегать».

Наконец, нашли. На крыльце дачница с дочкой ждали из города будущего зятя, через неделю была назначена свадьба, и жениху полагалось показать приданое – вот этот самый деревенский дом. Зять не ехал, разговорились, сошлись на том, что вчетвером в доме, да еще с женщиной – не страшно, надёжно.

Нельзя сказать, что дом под номером «11» им понравился, но выбирать было не из чего. Изба оказалась теплая, во дворе – палисадник. Утром рассмотрели цвет – красный. «Пускай, красный так красный. Окропим снежок, как говорится», – вспомнил Геннадий Петрович свой один из любимых фильмов.

Красный дом

Соленые ребята

Густой сосновый лес за пластиковыми окнами из квартиры деревянного дома с отделкой в стиле евроремонт смотрелся как игрушечный. Издали вечерело. Окна были закрыты. Работал ионизатор, телевизор, что – то грелось в микроволновой печи.

– Ну что, не согласился он, да? Вроде великий пиарщик, рекомендация – липовая, но что с того, интересный заказ, хорошие деньги.

– Да сам не пойму, почему. Предложил оплату по безналу, но это же не повод, чтобы отказывать.

– Ладно, попробуем двигать кого – то из наших, из своих, детдомовских – внутренний кадровый резерв развивать будем. Есть кто – то на примете? Может этого, Серёгу?

– Сергей Суворов? Да он щенок ещё!

Лязгнула микроволновка.

– Ну, щенок не щенок, а соображает. Я ему тут говорю, слушай, мол, надо наш старый аквариум куда – то пристроить. Рыбки есть, а корма нет. Не «снегом» же их кормить? Все – таки кокаин не зря называют «шампанским наркотиков», самим нужно, а гупешкам этим жирно будет.

– Согласен. И что?

– Да вот, говорю ему, вынеси этот чертов аквариум на помойку куда –нибудь. А он отвечает, зачем выкидывать – давайте сделаем благотворительную акцию, какой –нибудь старушке подарим и в стенгазете напишем: «Мы провели благотворительную акцию». Я одобрил, и, ведь, провел, стервец, нашел какую – то дачницу, которой для полного счастья аквариума этого не хватало.

– Давай закурим, что ли? Курить охота после...

– На, закуривай. Ну что у вас тут происходит? – Предложила Вера Марковна. – «Для пользы дела можно и самой закурить». В багаж предусмотрительно было взято пять блоков сигарет. Курево и в тюрьме, и в армии, и в детском доме – свободно конвертируемая валюта.

Сергея «отловили» как раз у себя на крыльце дома, когда мальчонка на тачке волок с пригорка какой – то аквариум, когда Геннадий Петрович возвращался со Змеиной Горки («горушки»), где ему местные посоветовали справить большую нужду с прекрасным видом. Деревенские радости Геннадий уважал.

Геннадий помог мальчонке дотащить тачку с аквариумом, две стенки

которого обнаружили на себе свежие трещины. Познакомились («Сергеем зовут» – «Похоже, не врет. Зачем и кому тут врать?»), оказалось, что идут в один и тот же дом.

Вера Марковна быстро поняла, что перед ней воспитанник детского дома. Она когда – то в комсомоле работала пионервожатой – насмотрелась: худоба, злой исподлобья взгляд, дерганность. Поскольку детский дом мог быть в округе только один, Вера Марковна решила, что Сергей – тот, кто им нужен.

Уселись за большой деревенский стол. Разложили, разрезали, намазали, налили. Закурили.

– Да что – что? «Воспы» замотали. Строже, чем в концлагере.

– А ты знаешь, как было в концлагере?

– Чего не знать – читал.

– Ладно, продолжай.

– Отжимаемся по сто раз, не меньше – внизу гвозди, бегаем по пятнадцать километров в день. Все это ладно, но ведь не кормят ни фига! Федор Степаныч, это наш дир, девчонок к себе таскает, потом сигареты об них тушит. Его зам коксом балуется. Хорошо, что никого из наших не пристрастил. Они ведь жадные, а сладости для носа дорогие.

– Ну, вас, наверное, его зам не таскает. – Снова перебил Геннадий.

– Это, слава Богу. Еще что? Да надоело все! Верните меня в детский дом! Мне эта идеология по херу. Я свободный человек. Я их таблеток в жисть жрать не буду, вот они, хотите – возьмите себе для эксперимента. Мои дружки после них ходят как зомби, боли не боятся, к девчонкам не тянет. А я хочу боль чувствовать, влечения. Хочу, понимаете?

Геннадий взял горсть таблеток, завернул в бумажный, сделанный наскоро кулек из своих визиток, положил во внутренний карман: «Потом отдадим на экспертизу, но судя по всему это бром.

– Ты ешь, ешь. Голод мы твой удовлетворим, а девчонок не обещаю.

– А ты?

– Мал еще, чтобы выкать и меня хотеть.

– Вера, не кипятись.

Мальчик ел разведенный в подогретом с помощью автокипятильника в прикуривателе «бомж – пакет», запивал квасом, закусывал ломтями черного хлеба, обернутым в ветчину и сыр.

«Хлеб с хлебом», – почему – то подумала Вера Марковна.

Глубинное интервью продолжилось.

– Ну, а распорядок дня у вас какой?

– Какой – какой. Очень простой – подъем в пять утра. Отбой в десять.

- А днем – то что происходит?
- Линейки. Речевки. Настройки перед сном. Образовательная какая – то программа, я не помню. Экзамены. Скоро сессия, буду учить.
- Кстати, тебя – то не хватятся?
- Не. Я типа на благотворительную акцию пошел – аквариум от детского дома презентую деревне. Трогательно, да? Сам придумал. И за солью, заодно, послали. Куда им, блин, еще соль? Мы сами все соленые ребята. «Соленое детство» читали? Нет? Ну, почитайте. У нас все то же самое, плюс муштра и идеология.
- ...Идеология у нас до конца не сформирована, Вениамин, – Федор Степанович отхлебнул «Байкала», закусил котлетой по – киевски, немного суховатой, перегретой в микроволновке.
- Федор Степанович Мозговой работал генеральным директором детского дома, то есть, также как и Вениамин, его заместитель, был наемным работником. Однако полномочия и звания обязывали больше, но больше и позволяли. «Положено директору, тем более детского учреждения, увлекаться маленькими девочками – ну положено, что ты тут поделаешь? Был бы директором ресторана, был бы раскормленным боровом, лапал бы официанток, – считал Федор Степанович. – Статусу надо соответствовать». Он раньше и работал директором небольшой туристической фирмы, чтобы опять же – по халявным турам от держателей отелей мотаться. Но как – то его один из немногочисленных туристов попал в автокатастрофу, Федор Степанович отказался платить страховку, его жестоко прессанули – отобрали бизнес (да что там отбирать!), квартиру (однокомнатная) и за все еще оставшиеся не выплаченные долги он и попал на работу в Синдикат: «На нас будешь батрачить. Кто ты там, менеджер? Вот и будешь менеджерить». Уже три года Федор Степанович сидел на всем готовом, ничего своего не имел, но при этом жил хорошо, на съемных хазах, на казенных харчах, то в одном городе лесопилкой заведует, то в другом – автобазой. Сейчас вот – «детский дом».
- Да, согласен. Пока их выпускать рано. Я сегодня заказчику позвоню, скажу, чтобы дали отсрочки на месяц. Все равно лето, деловой сезон только зимой начнется.
- Позвони, думаю, разрешит. Пригласи его, кстати, сюда, на рыбалочку сходим, по грибы.
- Не тот он человек, Федор Степанович. Он нас хочешь, как рыбку засушит и под пиво с грибной кашей слопает.
- Попробуй. Что ты теряешь. Ладно, давай. Иди, поищи Сережу, что – то он задерживается. Утром, часов в десять пусть ко мне зайдет. Я пока

отдохну, пусть Манечка поднимется, скажи там.

– Спокойной ночи, Федор Степанович, – Вениамин вышел и тихонько прикрыл дверь, директор детского дома засыпал после нездоровой пищи и разведенной кока – колы.

Федор Степанович Мозговой был под стать своему помощнику Вениамину, который работал в Синдикате дольше, но никак не мог подняться выше по званию. Оба они были какие – то старые, как будто быстро вмиг постаревшие студенты – молодежная одежда, современные прически, манеры, но лица – очень жухлые, морщинистые, улыбающиеся утомленными улыбками советских партийных районных функционеров, чувствующих приближение скоро конца. «”Сказка о потерянном времени» на выезде», – отметил позже вслух при встрече с ними Геннадий Петрович.

От реального к реальнейшему

Геннадий размышлял над давно мучащими его вопросами. На природе думалось хорошо.

«Если двадцать процентов деятельности приносит восемьдесят процентов дохода и удовольствия, то может быть, стоит отсечь лишние восемьдесят процентов ненужной деятельности? А если пойти дальше и думать только о тех восьмидесяти процентах, которые принесут двадцать процентов от первых двадцати? Важны точечные усилия – такой напрашивается вывод. Однако опыт бесед с большими бизнесменами показывает, что ты никогда не придешь к заветным двадцати – от – двадцати, если не сделаешь многочисленную ерунду в пределах восьмидесяти процентов. Или, все – таки, это вопрос внутренних ограничительных установок? Мол, без труда не вытащишь рыбку..., или через огонь и воду с медными трубами – это всего лишь оправдания долгих задержек на работе (не всегда по работе), каких – то генов поколений (за тунеядство – наказание!), ответственности перед обществом (Бог трудился и терпел и всем велел) и всего прочего?»

По этой мысли появилось некоторое продвижение – сизифов камень продвинулся по сознанию вверх, квадратный метр авгиевой конюшни бессознательно очистился. Все напрасно, все ни к чему, все абстрактные мысли ни к чему не приведут. Но это не значит, что думать не надо! Внимание Геннадия переключилось на другой камень, на другой метр.

«Где жизнь более реальная – в жизни или в книгах? Выходило, что в книгах – то оно как – то лучше живется. Книжный мир можно открывать тогда, когда тебе этого хочется, когда желание есть. На книгу можно плюнуть и растоптать, растопить ей печку. Страницами книги можно утереться. Ничего подобного с миром сделать было нельзя. Или все – таки можно?»

От книг портятся глаза, дубеет спина, болит шея, атрофируется слух. Да, проблемы у книжников со здоровьем еще те. Но что же, у геймеров и офисного планктона таких проблем еще больше! Эта готтентотская мораль, конечно, не выход. Африканцы очень похожи на русских: «Что такое плохо? – Это когда мой сосед побьет меня, угонит мой скот, похитит мою жену. А что такое хорошо? – Это когда я побью моего соседа, угоню его скот, похищу его жену». Так и русские в деревнях радовались, что у соседа корова сдохла.

Но все же – если мне нравится (а мне нравится), я стану книжным червем. Может, даже и писателем! Буду свои миры создавать. Тварь я дрожащая или право имею? Кто так спрашивает – то и твари, право имеющие такие вопросы не задают. Я и не задаю».

Мозг решил перескочить дальше, додумать и другую, казалось бы, не связанную с вышеописанным мысль. Как известно, мысль додумать до конца нельзя – можно о ней забыть или развить. Ну что ж, развил. На свою голову.

«Как я понимаю Гитлера. Хоть и не читал про его борьбу, но понимание случилось вот прямо сейчас. Всегда надо с кем – то бороться, чтобы устоять на ногах, пробиться, стать лучше. Враги и конкуренты – это точки отсчета, по которым можно мерить, насколько ты продвинулся сам. Социалистические соревнования и стахановское движение – советские эффективные менеджеры были действительно эффективными. Соревноваться нужно с гуру, с монстрами, с горами – это все понятно. Главное, чтобы и ты, и конкурент думали на одном языке и работали на одной земле. Более того – надо понимать и, желательно, видеть друг друга. Я, пожалуй, не смог бы за рубежом быстро развернуться и вообще, вырасти над собой – меня никто не оценит, не поймет, и я никого не пойму. Надо здесь, здесь, на родине и только на родине! Поэтому моя фирма и называется «Рос...» – российский, то есть, «Пиар», «РосПиар»».

Ну что, приступим от мыслей к делу! Как говорили древние римляне: «A realibus ad realiora» – От реального к реальнейшему. Геннадий решил провести вечер за строчками. Несмотря на то, чтобы было уже за полночь, а встать он намеревался ровно в шесть по внутреннему будильнику организма (так продолжалось без усталости уже неделю), свои пару тысяч знаков он решил написать.

10. Немного ясности.

После тщательной обработки раны я отправился в дом бабы Раи, твердо решив, что чем бы ни закончился сегодняшний поход, днем я возвращусь в город. К моему удивлению, она с радостью меня встретила, попросила только немного подождать ее в комнате, пока она приведет в порядок Маленького Мужика.

Я расположился на кресле и начал осматриваться в комнате. Едва успев заметить аккордеон, на котором стояло выцветшее фото молодого офицера, я увидел своего «единственного друга», который промелькнул за окном. Наплевав на все, я выбежал на улицу, но он был уже достаточно далеко, чтобы начинать преследование. Зато возле окна, в котором он

мелькнул, им был оставлен какой – то помятый грязный пакет. Я подобрал его и заглянул внутрь – содержимым оказалась куча бумаг, которые напоминали записки журналиста или писателя. Их порядок и нумерация была самая разнообразная: где – то стояла дата, где – то просто порядковый номер, а некоторые имели заголовок в кавычках. Большинство записей было сделано на обрывках бумаги, поэтому начало многих фраз было утеряно.

Сев на лавочку возле зеленого дома, я начал выборочно читать эти записи, не обращая внимания на то, что за моей спиной баба Рая вынимает Мужика из чугушка.

Надо действовать!

Ситуация с «детским домом» прояснилась. Два дня, опросы местных жителей, наружное наблюдение и еще два допроса Сережи. Даже если бы Геннадий не «отвлекался» на своего «Маленького мужика». «Получается, конечно, суховато, топорно, но для первого раза ничего себе так», – утешал себя Геннадий Петрович. Решил чуть позже добавить описаний природы и немного психологии. Деревня располагала к красочным эпитетам.

Деревня

Тем временем в детском доме жизнь шла обычным чередом: линейки, речёвки, тотальная физкультура, ровно в десять вечера отбой. Каждый день – соблюдение заданного ритма.

Два события привлекли внимание Геннадия Петровича и Веры Марковны. Игорю пришлось покинуть компанию еще позавчера. На Михаила поступила жалоба о сексуальном домогательстве к новой сотруднице. Необходимо было уладить вопрос внутри компании: наказать,

если потребуется, исполняющего обязанности генерального директора; безболезненно уволить говорливую нимфетку, фигурально отрезав ей язык; проследить, чтобы конкуренты ничего не пронюхали. Игорь был наделен чрезвычайными полномочиями карателя и облеченный должностью направился на задание.

Вчера в деревню наведалься синий «Майбах». Он припарковался рядом с интернатом – грязный, пыльный – деревенские русские дороги предназначены только для немецких танков, но не для немецких машин. Не прошло и часа: воспитанники помыли и отполировали до блеска. Видно, не первый раз гости на грязных машинах приезжают – процесс шел быстро, схематично выверено: окатили, намылили, смыли, вытерли насухо, отполировали. Руководил действиями лично Вениамин.

Пассажира встретил Федор Степанович, проводил в дом. К вечеру гость вышел, шатаясь. Прислонился к деревянной лестнице, чего – то стал ждать. Метрах в трехстах появились мальчишки и девчонки, что – то кричали, махали руками. Потом их крик стал монотонным, действия синхронизировались. «Славим, славим, славим – господина нашего Уж... уйского!» – Геннадий не разобрал точно.

Сергей потом уточнил: «Ужукуйского». Удалось выяснить, что это был «Заказчик». Именно для него готовили сейчас сто пятьдесят молодых людей и девушек.

С детворой его пока знакомить не стали, показали только издалека: «Вот ваш повелитель, поклянитесь ему в верности».

Ужукуйский уехал на чистом автомобиле – снова в грязь, до первой лужи. Дети еще стояли с минуту на коленях, смотрели вслед.

Второй случай случился вчера. Ночью из домика Федор Степанович и Вениамин вынесли какой – то куль – он безжизненно провисал до земли. Притащили на дальнюю сторону кладбища, вынули лопаты, включили фонарик, навели мощный неоновый круг на поляну и начали копать. Закопали через час – двадцать. Геннадий решил пока не откапывать: не было ни лопат с собой, ни времени.

А на следующее утро Сергей сообщил, что в лагере пропала Манечка – милая девочка тринадцати лет.

Сергей приходил каждый день, иногда по два или три раза. Вера Марковна все пыталась его тут же накормить – шутка ли, отмахать четыре километра сюда и столько же обратно? Однако Геннадий останавливал: «Организм молодой – сколько сам захочет, столько и съест. К тому же лучше к обильной пище не привыкать: ему же еще в этом детском концлагере жить».

– А что, мы его громить не собираемся? – Задала Вера Марковна провокационный вопрос. – Разнесем все к чертям, как в «Крепком орешке».

– Ты что, их много, а мы одни. – Автоматически парировал Геннадий.

– А кого много, детей? Я думаю, они с нами сражаться не будут. Они и так все затюканные. Остаются двое – Федор этот и Вениамин.

Сергей подтвердил, что оружия у руководства не имеется. По крайней мере, он его ни разу не видел.

– Ну, хорошо, убьем мы всех. Детей выпустим. Куда их деть?

– Детей можно расселить по ближайшим деревням, дать задачу местным бабушкам – воспитать. Только, Сергей, важно какое – то напутствие подготовить выпускникам, речь. А мы подумаем над планом штурма.

Штурм

Выступать из засады решили ранним утром. Всю ночь провели, прижавшись друг к другу, грелись тело о тело.

Может быть, природа и лес наполнили душу первородными инстинктами справедливых во имя жизни и дела убийств, а может, искреннее убеждение Геннадия в том, что «современный пиарщик – это разведчик и агент – нелегал без полномочий и морального запрета на убийство» помогли сделать то, что впоследствии назовут резнёй. Где – то на задворках мелькали мысли: «Мужчина я или тварь трусливая?» или «Надо же что – то делать руками» – но на четкости действий они не отражались.

Во всех военных учебниках короткий бой именуется не иначе как «короткий бой». В кино сцену, занимающую в реальной жизни от силы три минуты, можно растянуть на приквел, сиквел и иже с ними. Сейчас у Геннадия Петровича в голове творилось кино, в жизни же он еле – еле успевал за развитием событий.

Дети отправились на утреннюю пробежку под предводительством дневного дежурного, такого же мальчика, как и все остальные, только в нелепой жёлтой майке поверх нестиранной мятой футболки. «Раз, два, ..., тридцать девять, – досчитала губами неслышно Вера Марковна. – Одного не хватает. Или одной?»

Вера Марковна не участвовала в спецоперации – Геннадий серьёзно опасался за ее жизнь. Через тридцать секунд после того, как последний бегун скрылся за поворотом, она отправилась перегородить им дорогу на обратном пути, на мост через речку Березайку, чтобы обсказать их дальнейшую жизнь без гнёта поработителей. Новая перспектива должна открыться воспоследующими действиями Геннадия Петровича, в успешности которых она не сомневалась. Геннадия сомневаться было некогда: глаза боялись, руки делали, мозг отдыхал, сознание криком было загнано в подпол, включились инстинкты – сначала властный, следующий – самосохраняющий.

Звон разбитого стекла разбудил Вениамина. А дымовая шашка со слезоточивым газом не дала ему проснуться. У Геннадия не было подходящего противогаза, только влажная марлевая повязка и какие – то старые мотоциклетные очки, найденные на чердаке у хозяйки. Времени – в обрез: иначе сам свалишься, а откачивать некому, Вера ждёт с ребятами

победителя – освободителя.

Вениамина ржавый клинок в животе заставил шире открыть глаза, но всё – таки еще не проснуться.

– Где Федор Степанович, сволочь! Отвечать! – Грозно промышчал Геннадий Петрович из – за маски.

– Вы? Там, наверху. – Показал куда – то влево и наверх, рука выше плеча не поднялась.

Геннадию было жаль оставлять клинок в качестве пробки в животе у этой сонной тетери. На брюки хлестанула кровь. Взбежал по лестнице, бросив вниз: «Стой тут, кому сказал?! Вернись, убью!» Заместитель рухнул на одно колено – куда он там еще побежит, чучело безвольное.

Дверь директора была не заперта, с петель от удара ноги не сорвалась и начала со страшной силой закрываться. Геннадий успел рассмотреть врага, спихивающего с себя какое – то голое девичье тело. Оно безжизненно сползало с кровати. Недолго грел Геннадий топор в руке. Холодный металл вошел по рукоять в грудь насильника. «Не ожидал от себя такой силы!» – подумалось Геннадию Петровичу. Два пальца козой вошли в распахнувшиеся глаза Федора Степановича. «Зря, что ли, я перчатки со свинчаткой нашёл», – кровожадно возгордился Геннадий.

Топор из развернутой кровавой груди Геннадий Петрович вынимать не стал. Враг не шевелился, глаза тоже, вернее – то, что от них осталось. Геннадий снял перчатки со свисающим с указательного и мизинца кровавым студнем, мельком обыскал комнату. Какой – то детский трупик валялся на полу. «Бедная девочка», – подумал Геннадий, переворачивать лицом не стал. Увидел пульт от телевизора, включил.

Телевизор заорал на полную громкость: «Еще раз поздравляем Дмитрия Анатольевича Медведева с сорокапятилетним юбилеем! С вами была передача «Малахов плюс» и ее ведущий...»

– Геннадий Петрович! Геннадий Петрович!

«Да, надо же. Мы тёзки. Не обращал внимания», – начал соображать в каком – то другом измерении Геннадий Петрович.

– Геннадий Петрович! Да проснитесь же! – Вера Марковна растолкала обездвиженного Геннадия.

– А? Да. Чего? Прикорнул маленько. – Геннадий проснулся и подумал: «Какой я жестокий все – таки».

– Сергей прибежал и сказал, что всех связал – и Федора Степановича, и Вениамина. Сейчас будет построение. Надо что – то сказать ребятам. А этих субчиков отвезём Паше Астахову, по дороге сопроводительное письмо напишем. Мне эти детективы на свежем воздухе надоели, домой хочу.

– Надо же, как все быстро случилось.

– Ничего, что мы здесь детей оставили? Ведь приедут боссы, поубивают к чертям.

– Вера, хватит уже чёрта все поминать. Расчертыхалась тут. Никто их не хватится – делать им нечего, по деревенским домам рыскать. Они даже свидетелей опрашивать не будут, не в их стиле. Большие ребята умеют проигрывать. Лучше давай подумаем, что делать, если этот Синдикат придет к нам в «РосПиар» с глупыми вопросами. Но это дело завтрашнее или, надеюсь, послезавтрашнее, будем решать проблемы по мере поступления.

Школа и сейчас там стоит, снова заброшенная и полусожженная. И рядом с кладбищем больше не роют скорых могил.

Часть 5
Роман кончай!

Низы не хотят

– Если я кончу роман преждевременно, это будет повесть. – Отнекивался Геннадий Петрович. И так работы навалилось, а тут еще своё произведение надо было завершить.

– Да закончи уже, пусть народ начнет это в себе носить. А ты пока за другое примешься. Издательством я сам займусь, начну потихоньку пробивать.

Все читатели – онлайновцы притаились – чем дело закончится?

Что поделать – придется и дальше выкладывать в Интернет. Геннадий думал, что вот, после первых глав – постов придет писательское счастье. Не «мани фор насинг и чикс фор фри», конечно, но может, за автографами поклонницы выстроятся, цветы подарят.

Однако же ни одного комментария. «Может, потому что блогу только месяц от роду?» – утешала Вера Марковна. «Возможно», – нехотя соглашался Геннадий.

А что, раньше за издателями бегали лет десять – пятнадцать, и после одобрения книга выходила только через два года в лучшем случае. Этот вариант сменился, когда открылись коммерческие типографии: есть деньги – печатай. Продашь – значит, признали. И новый виток, да, конечно, Интернет. Завел не сайт, а даже блог бесплатный и – вперед, ищи читателя, графомань на здоровье, сублимируй в тряпочку.

Чтобы закончить роман, Геннадию Петровичу пришлось основательно ознакомиться с сопутствующей теме медицинской, психологической и художественной литературой. «Это писатели – то не читатели? «Чукча не читатель – чукча писатель», – кто придумал эту глупость? Писатели читают побольше обычных читателей, просто горы перелопачивают в короткие сроки, чтобы все было достоверно, правдиво, логично. Писатель – самый благодарный и честный читатель, профессиональный, можно сказать», – думал Геннадий Петрович. За последний месяц он прочел полугодовую норму книг. В плане знаний – ничего не дало для его произведения. Однако появилось какое – то чувство стиля, ритмичность.

На самом деле, уже получался никакой не роман, и даже не повесть. Так, рассказ. Фантастический к тому же. «Но говорят же, рассказ – закодированный роман...», – обращался мысленно Геннадий к современным классикам русской литературы, нашедшим время поучать молодых литераторов. «Что у меня закодировано, я и сам не понимаю.

Честно – то говоря. Но детям нравится почему – то. Дети плохое от хорошего умеют быстро отличать», – Геннадию передала свой устный отзыв сотрудница из бухгалтерии, многодетная мать.

«Во имя детей – продолжим».

11. Запись № 17.

...привал был устроен при въезде в деревню. По меньшей мере, на год эта палатка станет моим постоянным местом жительства.

12. Запись, датированная числом и месяцем, за полгода до данных событий.

На моих глазах муж Раисы Сомовой стал новым существом. Я не могу сейчас все бросить. Я буду очень аккуратен.

13. Запись № 42

...ясно, что это своего рода культ, поэтому они всегда рады новым гостям. Выжить можно, если быть аккуратным.

14. Запись № 43

Когда НЕЧТО забирает одного человека, старый возвращает свой облик. Вопрос: кто же был первым?

15. Запись без особых пометок.

От чего началось помешательство? Еда? Климат? Ясно одно – более я непригоден для НЕГО.

16. Уведомление.

От кого: Саня моб.

Сообщение не доставлено.

17. Запись, озаглавленная «Истина».

Людей забирает не ОН, людей забирает УСТРОЙСТВО, на котором он сидит.

18. Запись, датированная прошлым месяцем.

Мне уже не вернуться домой...

19. Запись, озаглавленная «NB».

Я твой единственный друг. (Фраза повторяется несколько раз).

20. Запись № 163

...теперь ОН успокоится, но надолго ли? Сомова ищет способ вернуть мужа. Следует отгонять туристов, но как? И смогу ли я в одиночку стоять на защ...

21. Запись без особых пометок, вероятно последняя.

Им – смерть. Я – друг. Деревня – смерть. Я – друг. ОН – смерть. Я – друг. Больше друзей у них тут нет.

22. Конец?

Я читал эти записки, пытаюсь понять, о чем идет речь. Я не хотел так просто соглашаться с выводами, которые комкано делал автор. Да и для двух дней моего пребывания в странной деревеньке, слишком много самой невероятной информации и событий вообще. Все это не хотело ровно и по полочкам укладываться в моей голове. Но, как я и решил, оставаться тут я тоже больше не намерен. В такие места следует, в худшем случае, ехать компанией человек из десяти, а не в одиночку.

Если повезет – встречу по дороге отсюда того странного парня и попытаюсь с ним поговорить. А нет, то и к черту его. К черту этого Маленького Мужика, к черту рисунок от художника, к черту эту деревню!

Я еще раз перерыл пакет с записями, в надежде найти какие – то зарисовки, но, к моему сожалению, автор этих записей не оставил ни одного рисунка. Тогда я выборочно взял несколько листков и переложил их к себе. А после этого, немного поколебавшись, я полностью убрал пакет в свою сумку.

Отряхнувшись, я начал вставать с лавочки, как вдруг почувствовал, что надо мной кто – то стоит. Не успел я обернуться, как получил удар по затылку, но не отключился. Одновременно с этим появилось странное чувство, как будто каждый мой внутренний орган кто – то крепко сжал в кулаке. Я видел, как люди с соседних участков смотрят на меня, но даже и не пытаются помочь. А потом...

23. Послесловие.

Саня приехал в деревню, где жил диковинный Маленький Мужик, спустя месяц, после пропажи своего друга. Еще у въезда возле ворот, его встретил странного вида парень в помятом и грязном плаще, который открыл рот, демонстрируя отсутствие языка, а затем с улыбкой протянул Сане записку, в которой было сказано: «Не задерживайся тут. Я твой

единственный друг». Но Саня выкинул ее, не дойдя до первого дома.

Больше всего он боялся, что Борис воспользовался идеей продажи существа науке, а после этого куда – то съехал. К счастью, местные сразу же подтвердили, что Маленький Мужик все еще находится в их деревушке. Правда, Бориса по фото они не опознали.

Саня двинулся вниз по улице, пока не дошел до зеленого домика. На лавочке у забора сидел дед с редкими седыми волосами и задорно что – то играл на аккордеоне. Вокруг него собралась молодежь и дети, а прямо рядом с ним стояла девочка лет шести, которая застенчиво улыбалась. Когда дед закончил свое выступление, Саня решился спросить по поводу Мужика. Дед пригласил его зайти внутрь, а сам начал играть новую песню.

На пороге избы Саню встретила пожилая женщина, которая сразу же подала ему тарелку с блинами, а после короткой беседы, продемонстрировала и самого Маленького Мужика.

Он был таким же, каким Саня видел его в последний раз. Только шрам на правой щеке показался ему свежим. Он поинтересовался, откуда шрам. Женщина ответила, что Мужик не так давно уронил со стола стеклянную банку, а потом и сам упал. Так об осколки и порезался. Но она заверила, что теперь следит за ним более внимательно. Затем она оставила Саню за столом вместе с Мужиком, а сама пошла нарезать картошку, чтобы Саня лично смог дать ее существу.

Мужик внимательно смотрел на Саню, а затем, остановив свой взгляд где – то на уровне его груди, начал тянуть к нему свои маленькие пухлые ручки.

– А что это он ко мне тянется? – поинтересовался Саня.

– Кушать хочет. Обожди, сейчас покормишь, – ответила хозяйка с кухни.

– Слыхал? – обратился он к Мужику, – сейчас тебя покормят.

Но существо продолжало тянуться.

– Что тебе? – Саня оглядел свою ветровку и заметил, что из нагрудного кармана выпирает блокнот и ручка, – Это? – он протянул их существу. Мужик жадно выхватил ручку и начал старательно что – то выводить на листке.

– Эй! – хозяйка забежала в комнату и выхватила у Мужика его единственное средство общения.

– Что такое?

– Да он уже один раз ручку попытался съесть, чуть не отравился. Больше ему их не даем.

– Хм... – Саня взглянул на блокнот, – что это? «Бо»?

– Тю, какое «Бо»? – она слегка замялась, – Это он шестьдесят написал – возраст его. Единственное, что и умеет.

– Шестьдесят? А выглядит моложе, – они посмеялись.

– Ты кушай – кушай, – она пододвинула тарелку с блинами поближе.

– Спасибо. Я по делу, знаете ли.

– По какому?

– Хотелось бы забрать Мужика вашего. На время. В городе показать. Не у всех возможность есть сюда приехать. Потом я его верну, это на пару деньков всего. – Саня врал, он не собирался возвращать существо в случае удачи.

– Ой, родненький, это я с радостью, да только не сейчас.

– Почему?

– Он хворает, да и упал со стола недавно, боится всех теперь.

– А по нему и не скажешь. Вон, ко мне ведь сам тянулся.

– Ну, ты ему понравился, а в городе испугается всех.

– А когда же можно?

– Да через полгодика.

– Хорошо. А вот еще вопрос, к вам мой друг не приезжал? – Саня протянул хозяйке фото Бориса. Существо снова активно потянулось ручками к фотографии.

– Нет, – она почти не взглянула на фото, – к нам уже давно никто не приезжал.

– А он чего опять тянется, – Саня кивнул в сторону Мужика.

– Картинки цветные любит. Только ты ему их не давай, а то порвет или сомнет. Он же, как ребенок.

– Забавный... мужик...

С другой стороны окна кто – то тихо постучался. У избы стоял длинноволосый немой парень и жестами показывал, чтобы Саня уходил.

– Кто это? – спросил он.

– Это? Да, дурачок наш местный, сейчас я его прогоню.

– Пойдите! – Саня подошел к окну и прислонил к стеклу фото своего друга, – Видел?

Парень боязливо посмотрел на хозяйку дома, а потом указал на Маленького Мужика.

– Да уж... похож, конечно, – Саня усмехнулся, – но не он.

– Я же говорю, дурной он. – Едва женщина стала подниматься из – за стола, как парень тут же убежал.

– Ну да ладно, – Саня сунул фото в карман.

– Так что через полгодика приезжай, и Мужика себе возьмешь, и друг

твой, глядишь, объявится.

– Да откуда ему тут через полгода объявиться?

– А откуда у нас тут Мужик Маленький взялся?

– Откуда?

– А пес его знает! – и вместе они рассмеялись.

«Под таким даже жалко настоящее имя ставить. Какой бы псевдоним взять старпёру? – задумался после нажатия кнопки «отправить» Геннадий Петрович. – Порос я мхом, никчемный. Можно Мхом, например, фамилией взять. А имя, например, какой –нибудь Эдуард. Эдуард Мхом. Набил в «Яндексе»: «Надо же – уже занято». Тогда, может – Лепрозорий Небаба? Или – Автоответ Номероев, ударение на «о». Нет! А что мне скрывать? Я – это я».

И написал последний пост: «С вами был Геннадий Петрович Штыкленников. До новых встреч!»

Повесть Геннадия Петровича

Странные мысли мелькали у Геннадия перед сном. Никакого алкоголя, никаких снотворных. Только – голодание. Отличные мысли приходят на голодный желудок. Легкость во всем теле даёт полет для духа, для мысли.

«Родила царица в ночь, не то сына, не то дочь. И не царица вовсе. Обычная серая мышка. Родила – то она сына. «И какие это были муки! Наконец – то», – подумала роженица. Обрадовалась и заснула.

Ребенка отнесли в детскую. Закапали в глаза едкой жидкостью – дезинфекция (откуда у новорожденного микробы?), две прививки, скрининг из пятки. Бедняжка. Только после получасового укачивания заснул. Отдельно от мамы.

Это был второй ребенок. Первый случился выкидышем и мог быть старшим братом. Об

этом брате «младший» мечтал всю жизнь, а потом – и думать забыл. Сам стал пробиваться. И пробился – таки!

Когда деревья были большими, деньги появлялись из тумбочки или папиного кошелька, ток из розетки, еда – из холодильника, а хорошее настроение – из связки бананов или пачки «Московского картофеля», все было хорошо.

Главное понять, что сейчас – еще лучше!»

«О чем это я? Опять о себе думаю?» – Геннадий вскочил рывком с постели, включил ноутбук. Почта. Проверить почту. Рефлекс какой – то. Оп – па! Первый комментарий.

Redactor_ABC – Комментарий в ЖЖ:

«Мы хотим Вас издать. Давайте встретимся как можно скорее, подпишем договор».

Геннадий тут же ответил:

«Спасибо! Могу в конце на этой неделе, давайте созвонимся. Мобильный отправил Вам на личную почту»

Задумался. Начал мечтать. Минуты не прошло.

Бац! «Новый комментарий от Redactor_ABC. Обновить список сообщений». Обновил:

«Давайте сегодня утром. Привезу Вам подписанный с нашей стороны договор».

«Какие Вы быстрые!»

«А Вы думали! Это наше конкурентное преимущество».

Наутро, в 8.00, за завтраком из овсяной каши с медом и американским кофе с приятным молодым человеком решили превратить рассказ в повесть.

– Сколько Вам потребуется времени, Геннадий Петрович?

– Ну, сколько. Месяцев шесть где – то. Полгода.

– Окей. Закладываю девять месяцев. Аванс придет Вам на счет сегодня после обеда.

Добро пожаловать в Клуб

У Михаила уже как месяц назад родился ребенок. Свадьбу сыграли еще полгода назад. Алина без вопросов взяла фамилию мужа.

Новое положение не мешало приходить ему на работу в офис вовремя и даже выспавшимся. Вечером, конечно, начиналась кутерьма: сходить за подгузниками, покачать, поиграть, занять игрушкой, покупаться. Своих дел, практически, не осталось. Каждую вторую неделю Михаил решил работать по субботам. Ну как, работать. На самом деле отдохнуть. Как приятно проехаться утром на своей машине по свободным дорогам – как в другом измерении! – вспомнить радостную улыбку жены, первых смех ребеночка, помечтать о будущих детях. В компании друзей Михаила у него первого родился ребёнок. Друзей он давно не видел, даже отметить рождение – «обмыть пяточки» – толком не успел. Как он хотел сейчас позвонить каждому, поделиться радостным настроением и пригласить: «Ну, ты – то когда, когда ты вступишь в Клуб молодых отцов! Давай! Не пожалеешь!»

Вот и парковка, тоже свободная, вот и офис. Вот я и в уютной жежешечке. Чайку сначала. Сейчас по ЖЖ, потом фильм посмотрим, потом книжечку зачтём. «Поработаю» до трех дня и домой.

Отцовские флюиды Михаила передались руководству «РосПиара».

– Давай поженимся, Вера. А что – Револьвер и Штык – хорошая пара. Убойное оружие.

– Ну, давай. Может, ребеночек? М – м–м?...

– А вот с этим подождем, Вера, подождем.

Комфортный отдых, воспоминания о котором еще были очень свежи в памяти, в сочетании с любимой работой им был очень на пользу.

Геннадий чувствовал, что все философы, перу которых принадлежит хула института брака, никогда не были женаты. Чего стоит выражение о том, что вступить в брак можно только тогда, когда ты либо не знаешь, что делаешь, либо не знаешь, что делать. И особенно Сократ: «Женись, попадетсЯ хорошая жена – станешь счастливым, попадетсЯ плохая – станешь философом». Умные глупцы, не успевшие попробовать почти всё, почти вся и почти всех, но так и не добравшихся до тихой гавани доброй жены, собственных детей и собственного дома – лучшего, что может быть на этой земле.

Приложение

Дневник вставлялок Геннадия Петровича

Штыкленникова

Доступно по дополнительному запросу на мейл автора: [super@msk – rg.ru](mailto:super@msk-rg.ru)

---

notes

Примечания

1

Durcheinander – в переводе с немецкого языка – «хаос», «неразбериха».

См. типичную дискуссию по этому вопросу по адресу сообщества в «Живом Журнале» RU_PR (рупиар) – http://community.livejournal.com/ru_pr/2241064.html

Сталин выступает на заседании Политбюро. Все готовы исполнить все, что прикажет «отец народов». Сталин закурил трубку и говорит:

– Надо собрать депутатов межрегиональной группы и расстрелять; во
– вторых, предлагаю перекрасить Мавзолей в зеленый цвет.

Тут один из членов Политбюро не выдержал и говорит:

– Товарищ Сталин, а зачем – в зеленый цвет?

– Я так и знал, что по первому вопросу не будет возражений.

Socially Useful Advertising Material (SUAM) – социально – полезный рекламный носитель, например: урна, зеркало, скамейка, скворечник и т. п.

5

<http://pdj.ru/radio/#fullmoon>

Речь идет о фильме «Up in the Air» в главной роли с Джорджем Клуни. В российский прокат лента вышла под названием «Мне бы в небо» – так же назывался и хит группы «Ленинград».

Как получать БАГАТЫЕ контракты. Семь советов для алчных агентств

Автор Константин Максимюк, «Новый Интернет»
(<http://www.sostav.ru/blogs/27420/355/>)

Известно, что критерием выбора подрядчика не всегда является суть его предложения, опыт, команда и цены. Подрядчика часто выбирают за количество и качество лапши и осанны, которое он влил клиенту в уши. За местоположение и убранство его офиса, у русских так принято. За красивых сотрудников и сотрудниц – вдруг дадут. За умение красиво рисовать отчеты, которые с минимумом копипастов можно отправить вице – президенту. Тем агентствам, кто хочет такие контракты – инструкция.

– **Покажите сиськи!** На встречу к клиенту берите максимум ухоженных телок, дорогого мужика из топов, и нечто креативное в свитере для клоунады. Клиент в курсе, что ни один из них не будут делать ничего руками (клоун будет, но недолго). Поглядывать за проектом у этой кодлы есть время только под кофеек на еженедельной планерке. Остальное время им надо делать чес по встречам. Зато клиент посмотрит, кого он будет кормить. Не путать с «кто будет работать» – арбайтен будут дети, фрилансеры или субподрядчики.

– **Tell them how strong you are!** Делайте длинную презентацию с большим количеством умных слов и слайдов (у вас покупают именно это). Примеры – 40 листов слов интегрированная коммуникационная среда, инновационный интерфейс, brand awareness, еще 10 про клиента (как будто типа он сам не знает про себя ничего). Обязательно расскажите про Рынок Сегодня и покажите Западные Кейсы. Упомяните, вы чьих бояр будете – т. е. назовите Крышующую Компанию (кто дал вам денег на офис и бухгалтера), заодно присвоив себе часть их заслуг. 10 лет назад, возможно, они еще работали и сделали какой – нибудь красивый проект. Грех этим не воспользоваться.

– **Минимум реальной инфы до подписания контракта.** Свои кейсы показывать не обязательно. Но если все – таки спросят (не всех пронесит), цифры и эффект смело увеличивайте в 10 раз. Клиент все равно не сможет проверить. Даже не позвонит предыдущему заказчику. А смысл ему звонить? Кейсы, где агентство, по мнению заказчика, облажалось, ему не покажут. Кейсы, где вы облажались, но заказчик всем говорит, что все

круто, он в доле. А Успешные Кейсы рассказывайте с порога. Даже если ваше участие заключалось только в пересылании заданий и отчетов. Ему вникать некогда.

– **Крутому агентству крутые прайсы!** Составьте самую большую смету, которую можете придумать. Потом увеличьте вдвое. Если бы клиент выбирал по критериям цена – качество – опыт, он бы пришел не к вам. А тут – больше смета, больше откат. Клиент немного поторгуется в почте (в основном чтобы СБ видели), но не сильно, не в его интересах.

Раз, придется работать с м@@@ками (послать неадекватного заказчика богатые агентства себе позволить не могут). Два, дача взятки иногда преследуется по закону. Три, однажды вас могут раскусить те, кто хочет результата. Но ведь все это все мелочи. Лохов много, рынок большой. Прорветесь.

Secret Intelligence Service – государственный орган внешней разведки Великобритании.